

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
ЛЕКСИКА
ТЕКСТ

*Сборник научных статей,
посвященных юбилею профессора*
НАДЕЖДЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ СУЛИМЕНКО

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2009

ББК 81.2рус.я43

Печатается по рекомендации кафедр русского языка и решению президиума редакционно-издательского совета РГПУ им. А. И. Герцена

Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. **Л. А. Пиотровская**,
д-р филол. наук, проф. **В. Д. Черняк**

Языковая картина мира. Лексика. Текст: Сборник научных статей, посвященных юбилею профессора Надежды Евгеньевны Сулименко / Ред. Л. А. Пиотровская, В. Д. Черняк. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — 197 с.

ISBN 978–5–8064–1449–7

В сборник вошли научные статьи, написанные коллегами и учениками профессора кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена Надежды Евгеньевны Сулименко. Статьи посвящены широкому кругу проблем современной русистики: языковая картина мира, принципы исследования текста, типология текстов, слово в лексико-семантической системе языка, слово в тексте, прикладные аспекты исследования слова и текста.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов по русистике, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей высших учебных заведений.

ББК 81.2рус.я43

ISBN 978–5–8064–1449–7

© Коллектив авторов, 2009
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2009

Вступление

Как далеко то время, когда по длинному филфаковскому коридору в первом корпусе ЛГПИ им. А. И. Герцена проходила студентка Надя, миниатюрная ясноглазая девушка с длинными пушистыми косами, — будущий доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, автор многочисленных работ по русской лексикологии Надежда Евгеньевна Сулименко. Ее незаурядные лингвистические способности сразу были замечены Верой Васильевной Степановой, на всю жизнь ставшей ее Учителем.

После окончания института — два года работы в сибирской школе, затем аспирантура, блестящая защита кандидатской диссертации, во время которой Надежда Евгеньевна поразила бойцовскими качествами своего первого оппонента, самого Юрия Сергеевича Сорокина. Затем многие годы работы на кафедре русского языка, защита докторской диссертации, руководство многочисленными дипломниками, бакалаврами, магистрантами, аспирантами, докторантами, для каждого из которых Надежда Евгеньевна — не только научный руководитель, но и заботливый, внимательный к их личным проблемам наставник.

Избрав лексикологию своей специальностью, Надежда Евгеньевна остается ей верна и по сей день, не разбрасываясь, не уклоняясь от избранного пути. Но это вовсе не значит, что она стоит на месте. Как раз наоборот! Надежде Евгеньевне присуще удивительное чувство нового: широкий взгляд на проблемы лексической семантики позволяет ей постоянно находить все новые и новые повороты в исследовании; склонность к теоретическим обобщениям и философствованию сочетается в ее работах с пристальным вниманием к классическому и особенно к современному тексту и дискурсу.

Надежде Евгеньевне в высшей степени присуща последовательность и принципиальность в отстаивании своих научных и — шире — жизненных позиций, что, в сочетании с глубокой порядочностью, не может не вызывать искреннего уважения всех, кто ее знает.

Представленные в сборнике статьи коллег и учеников Надежды Евгеньевны — скромный знак нашей признательности и уважения.

НАДЕЖДА В СЛОВАРЯХ

Последовательно развиваемые Надеждой Евгеньевной Сулименко идеи многоаспектности слова, многогранности его проявлений в различных типах текстов мотивировали наше обращение к актуальной в юбилейной парадигме лексеме *надежда*. «Культурную информацию несут слова, представляющие не только концептосферу русской культуры, но и ее персоносферу, это прежде всего имена собственные, за которыми стоят образы национальной культуры в ее высших проявлениях, определяющих формирование культурно-ценностных ориентаций носителя языка» (Сулименко, 2006, с. 39). П. Флоренский писал об именах как о «драгоценнейших созданиях культуры», «архетипах духовного строения» (Флоренский, 1993, с. 80). Примечателен культурологический комментарий в «Словаре православной церковной культуры» Г. Н. Складневской: «Вера, Надежда, Любовь и мать их София (II в.). Святые, мученицы, претерпевшие жестокие страдания за христианскую веру, от которой не отреклись перед угрозой смерти» (Складневская, 2000, с. 54). Имя юбиляра, совмещающее культурный потенциал имени собственного и имени нарицательного, делает естественным обращение к словарям, в своей совокупности создающим неповторимый облик слова, позволяющим вывить «структуры знания, мнений и оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей» (Кубрякова, 2006, с. 9).

Сложившаяся к началу XIX века система нравственных концептов отражена в толковании «Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного» (1814, часть III): **НАДЕЖДА**. 1. Душевное удовольствие от ожидания какого блага происходящее; обманчивая, пустая, тщетная надежда. Иметь на кого надежду. Потерять всю надежду. Возложить на Бога надежду. 2. Одна из трех добродетелей богословских. Вера, надежда, любовь.

Неразрывна связь *надежды* и *веры*, прослеживаемая во всех последующих словарных толкованиях (ср. в Словаре Даля: **НАДЕЯТЬСЯ** на что, *верить*, уповать, не сомневаться, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего желанья вероятным; в Словаре Ушакова: **НАДЕЖДА**. Желание, ожидание чего-н. радостного, приятного, соединенное с *уверенностью* в возможности осуществления; в новейшем «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой: **НАДЕЖДА**. 1. *Вера*, постоянная мысль о возможности осуществле-

ния в будущем чего-н. желаемого; в «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко: **НАДЕЖДА**. Состояние ожидания чего-л. желаемого, благоприятного, соединенное с *верой* в возможность осуществления чего-л. радостного, благоприятного).

Как известно, место слова в лексической парадигме и его связь с ближайшими соседями позволяют составить более точное представление о семантике каждой лексической единицы. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой приведен синонимический ряд **надежда — чаяние — упование**, причем отмечается что *чаяние* — «надежда на что-л., обычно важное, серьезное или очень желательное», а в устарелом *упование* подчеркивается твердая уверенность в осуществлении чего-либо. Показателен иллюстративный материал словаря: *Большие всех ждет дядю Саню маленький Петя — в тайной надежде на этот раз получить броненосец* (Каверин); *Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются* (Чехов); *Все надписи трогательно говорили <...> о тех горячих упованиях на жизнь будущую и свидание в иной блаженной стране, которым веришь только здесь* (Бунин); *Эти переходы от страшной безнадежности к упованию невыразимо раздирали сердце в последнее время* (Герцен). В последнем примере представлены крайние точки синонимо-антонимической парадигмы. Среди иллюстраций обращает на себя внимание и пример, ярко демонстрирующий одну из особенностей советского политического дискурса — соединение посредством союза *и* синонимичных или квазисинонимичных понятий (Степанов 1995: 40): *К Советскому Союзу устремляются все самые лучшие, самые светлые надежды и чаяния трудящихся* (Павленко). Примечательна отсылка к смежному синонимическому ряду с доминантой *мечта*, отражающему спектр желаний и ожиданий, в том числе и несбыточных.

Обратимся к некоторым значимым для понимания семантики и прагматики слова *надежда* фрагментам описания синонимического ряда с доминантой *надеяться* в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна (исследуемое слово входит в зону дериватов синонимического ряда и наследует большинство семантических признаков производящего слова): *Надеяться* можно на себя, на других людей и на высшую силу. *Надеяться* можно в любом положении, начиная от практически безнадежного и кончая вполне благополучным, когда субъект, уже реализовавший большинство своих желаний, тем не менее ждет новых радостей, удовольствий или успехов. <...> В состоянии *надеяться* в равной мере представлены и эмоции, и интеллектуальная оценка, и желание. <...> *Надеяться*

— единственный синоним ряда, способный обозначать радостное ожидание события, сопровождающееся подъемом общего тона человека.

Таким образом, слову *надежда*, обозначающему эмоциональное состояние, связанное (в разных ситуациях по-разному) с духовной, интеллектуальной и обыденной сферами человеческой жизни, вербализующему один из значимых культурных концептов, принадлежит заметное место в лексиконе и тезаурусе языковой личности. Для выявления содержательных признаков концепта необходимо обратиться к совокупности ассоциаций, связанных со словом-номинантом концепта, поскольку «абстрактные имена, заключающие в себе метафизические понятия, относятся к мифологемам — представителям воображения, ассоциативным по своей природе» (Чернейко, 1995, с. 75).

В «Словаре ассоциативных норм русского языка» (Словарь... 1975) воплотилась в целом оптимистичная картина мира советского человека: самая частотная ассоциация на стимул *надеяться* — *на лучшее* (из 720 испытуемых такую реакцию дали 188 человек). Сходный по эмоциональной наполненности ряд ассоциаций включает и однокоренное слово *надежда*: *на хорошее, на лучшее, на счастье, на успех, на удачу, на встречу, на будущее, на мир*. В совокупности ассоциаций обозначено и то, что обеспечивает этот оптимизм: *на себя, на помощь, на друга, на ближнего, на родителей, на бога*.

«Русский ассоциативный словарь», созданный четверть века спустя (кн. 1–6, 1994–1998; второе издание в двух томах, 2002), — уникальный лингвистический источник, позволяющий исследователю постичь своеобразие ассоциативно-вербальной сети носителя языка, как в целом, так и на отдельных ее участках, создает достоверный лексический портрет современной языковой личности. Примечательно, что стимул *надежда* дает очень большой разброс ассоциаций (самые частотные — *есть* и *имя* — встречаются лишь по пять раз, большинство же ассоциаций единичные), среди которых выделяются как устойчивая для ассоциативного поля *вера*, так и *любовь, жизнь, счастье*. Достаточно широк круг ассоциаций, указывающих на несбыточность или призрачность ожиданий: *напрасная, несбыточная, нет, обман, обманчивая, чуть греет*.

Обращение к ассоциативным полям различных культурно значимых концептов обычно позволяет выявить окружающие их «следы культуры в языке» (Бурвикова, Костомаров, 2006), разного типа прецедентные феномены. Однако в рассматриваемом ассоциативном поле актуализированы лишь устойчивое сочетание *надежда* → *умирает последней*, фрагмент тургеневского стихотворения в прозе «Русский

язык» — *надежда* → *и опора, опора* (возможная интерпретация ассоциации) и фрагменты популярной песни А. Пахмутовой на слова Н. Добронравова «Надежда» — *надежда* → *мой компас земной, звезда, мой компас, компас, облака*.

Результаты ассоциативного эксперимента дают возможность «выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителя той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой страны» (Уфимцева, 2004, с. 4). В созданном с целью сопоставления национальных ассоциативных тезаурусов словаре «Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» (Ассоциативные нормы... 2004) представлены соотносительные ассоциативные поля слов *надеться* и *hoffen*, полученные в результате массового ассоциативного эксперимента в русской и немецкой студенческой аудиториях в 2004 г. Не останавливаясь подробно на анализе двух ассоциативных полей, сравним лишь первые, самые частотные ассоциации, покрывающие треть всех ассоциаций для каждой группы испытуемых. На русский глагол *надеться* самыми частотными оказались реакции *на лучшее* 133, *ждать* 72, *на себя* 32; на немецкий глагол *hoffen* реакции (в переводе на русский язык) — *беспокоиться* 55, *верить* 46, *надежда* 34, *молиться* 26, *ждать* 15. Обращает на себя внимание тот факт, что традиционная для русского языкового сознания связь *надежды* и *веры* (в том числе в ее религиозной ипостаси) эксплицировано оказалась представленной в немецком ассоциативном тезаурусе; в русском же вернулась на первое место реакция *на лучшее* и приобрела доминирующее положение реакция *на себя*.

Обратимся теперь к текстовым реализациям слова *надежда*, поскольку «через сочетаемость осуществляется символизация отвлеченной сущности, стоящей за абстрактным именем» (Чернейко, 1995, с. 75). Источниками современного материала послужили поисковая система yandex и национальный корпус русского языка ruscorpora.ru. В представительном количестве текстов *надежда* соединяется устойчивыми текстовыми связями со словами, называющими эмоциональные состояния и эмоции. Ср.: *Все перечисленные выше ситуации у большинства опрошенных, так же как и у множества других людей, порождают такие эмоциональные переживания, как страх, тревога, беспокойство, волнение, сомнение, неуверенность, боязнь неудачи, опасение, надежда* (Вопросы психологии. 2004); *Пора обновления, начало начал, время надежд, любви, желаний, светлых дум и мечтаний* («Экран и сцена». 2004. 05.06).

Традиционно устойчивыми оказываются связи *надежды* и *веры*: *Печорин хочет убедить себя, что у него есть вера (следовательно, надежда)* («Октябрь». 2002); *В их глазах и вера, и любовь, и надежда — я не могу устоять* («Знание — сила». 2003. № 10).

В современных текстах, как и в ассоциативном эксперименте, актуализируется все тот же прецедентный текст — популярная песня: *Надежда Зима, мой дорогой соавтор, за свою жизнь не менее сотни раз успела выслушать от игривых мужчин строчку из песни «Надежда — мой компас земной» и неудивительно, что с некоторых пор эта роль чье-либо компаса успела ей осточертеть.*

Устойчивая ментальная связь семантики имени нарицательного и имени собственного также эксплицирована в корпусе текстов: *А еще прекрасное женское имя Надежда. Называя так дочку, родители как бы говорят ей: «Надеемся, что вырастишь умной, обаятельной, человечной, ты — наша гордость, наша Надежда!» Надежда! Надежда! Смогли бы мы существовать без тебя?*

Эта связь отчетливо прослеживается и в огромном количестве новых номинаций, включающих слово *надежда*. Приведем лишь некоторые: **Элитный курортный комплекс «Надежда» в Геленджике**; курортный комплекса «Надежда. SPA & Морской рай»; первый в России лечебно-диагностический центр для недоношенных детей с нейрохирургической патологией — «Клиника Надежда»; общественное движение Киры Лукьяновой в поддержку семьи, материнства и детства «Лучик надежды»; приют для животных «Надежда»; универсальная строительная фирма «Надежда»; полноприводные минивэны ВАЗ-2120 Надежда; газета народных целителей «Вестник Надежды»; ревматологическая ассоциация «Надежда»; Московская биеннале современного искусства «Диалектика надежды».

Многообразие текстовых ассоциаций у слова *надежда* вновь возвращает к семантическим доминантам — *вера, надежда, любовь* — и в то же время убеждает в том, что «стилевая филиация наличных языковых средств достигла высшей степени совершенства и гибкости — вплоть до того, что на этом умственном пиршестве наша ленивая мысль все чаще стремится успокоиться на стилистически нейтральном газетном штампе» (Колесов, 1999, с. 10).

Литература

Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Х. Эккерт, В. И. Милехина. — М.; Воронеж, 2004.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. — М., 2005.

- Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Жизнь в мимолетных мелочах. — СПб., 2006.
- Колесов В. В.* «Жизнь происходит от слова...». — СПб., 1999.
- Кубрякова Е. С.* Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. — Тамбов, 2006.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян и др. — М., 1997. Первый выпуск.
- Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М., 2002.
- Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. — СПб., 2000.
- Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. — СПб., 1814. Ч. III.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. — М., 1977.
- Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. — Л., 1970–1971. Т. 1–2.
- Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. — М., 1995.
- Сулименко Н. Е.* Современный русский язык: Слово в курсе лексикологии. — М., 2006.
- Толковый словарь русского языка / Сост. Г. О. Винокур, В. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М., 1935–1940. — Т. 1–4.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2007.
- Уфимцева Н. В.* Языковое сознание русских в зеркале ассоциативного эксперимента // Русское слово в русском мире. — М.; Калуга, 2004.
- Флоренский П.* Имена. — [Б. м.]: Купина, 1993.
- Чернейко Л. О.* Гештальтная структура абстрактного имени // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки. 1995. № 4.

І. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В. А. Ефремов (Санкт-Петербург)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Одним из постулатов современной науки является положение о том, что знания, образующие концептуальную систему человека и отраженные в языковой картине мира, имеют различные источники формирования: конкретно-чувственный опыт, предметно-практическую деятельность, теоретическое и обыденное («наивное») познание, вербальное и невербальное общение, личный и социальный опыт и многое другое. Именно это обуславливает разнообразие в типах, структуре и содержании концептов, их место в многоуровневой и иерархической системе.

Под языковой картиной мира, вслед за Н. Ю. Шведовой, мы понимаем «выработанное многовековым опытом и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» (Шведова, 1999, с. 15).

По мнению Л. В. Барсалоу, люди постоянно познают в окружающем мире новые вещи, а мир постоянно изменяется, поэтому человеческое знание должно иметь форму, быстро приспособляющуюся к этим изменениям; следовательно, основная единица передачи и хранения такого знания — концепт — тоже должна быть достаточно гибкой и подвижной: «Концепт — это динамическая система. Подобная модель может конструировать неопределенно большое число специфических моделей для того, чтобы выразить относительную категорию. Концепт — это не столько являющееся неизменным выражение, сколько навык приспособления выражений к ограничениям действия,

происходящего в определенных обстоятельствах» (Barsalou, 2003, с 553).

Следовательно, если концепты не являются однородными сущностями вследствие того, что реалии, которые они отражают, не одинаковы по своей природе, то закономерно предположить наличие разнообразных форм существования этих «квантов нежестко структурированного знания». Для анализа концептуальной системы языка ученые постулируют существование некоторых исходных, или первичных, концептов, из которых в ходе развития языка формируются остальные. Концепты как накопители, трансляторы и интерпретаторы смыслов постоянно (как в онтогенезе, так и в филогенезе) поддаются уточнениям и модификациям и, по мнению Е. С. Кубряковой, «представляют собой неанализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются» (Кубрякова, 1996, с. 91). Этот процесс в схематичном виде можно продемонстрировать на примере эволюции вербализаторов концептов 'мужчина' и 'женщина' в процессе развития русской языковой картины мира: от исконных общеславянских *муж* и *жена* для обозначения родовых понятий до таких лексем, семантически и/или стилистически дифференцированных по отношению к первоначальным, как *баба* и *мужик*, *мужчина* и *женщина*, *господин* и *дама* и т. д.

Как точно заметила Н. Е. Сулименко, «поскольку многие лексические явления <...> находят свое объяснение в когнитивных схемах обработки знаний, в разных способах концептуализации, осмысления мира, постольку в поле внимания лексикологов попадают различные видовые проявления концепта, формы его существования и смежные с ним явления» (Сулименко, 2004, с. 17). Представляется, что один из типов структурирования концептов можно описать как «концептуальное пространство» (КП).

В современной лингвистике это словосочетание употребляется крайне редко, метафорически, нетерминологически, при этом часто — в несовпадающих значениях: во-первых, в качестве синонима термина «концептосфера», под которым вслед за Д. С. Лихачевым понимают совокупность категоризированных, обработанных и стандартизированных концептов в сознании народа; во-вторых, для обозначения специфического методологического ракурса изучения языка разнообразными когнитивными средствами (ср. название межвузовского сборника «Концептуальное пространство языка»); в-третьих, как весь методологический и терминологический аппарат когнитивной лингвистики (ср.: Болдырев, 2004). На наш взгляд, термином «концепту-

альное пространство» (в узком смысле) можно обозначить особый, специфический тип организации концептов в человеческом сознании и языковой картине мира.

Одним из важнейших типов концептуальной структуризации следует признать тот, что в классической логике получил название контрадикторных отношений, т. е. отношений «между противоречивыми понятиями, которые вместе не могут быть ни истинными, ни ложными; из двух контрадикторных понятий одно и только одно истинно, а другое непременно ложно» (Кондаков 1975: 262). Так, например, будучи самостоятельными, концепты 'мужчина' и 'женщина' в любом естественном языке вступают в комплементарные отношения, создавая в сознании носителя языка некую целостность, которая определяется тем, что актуализация одного из концептов неминуемо предполагает актуализацию второго; одновременно номинация одним из слов не допускает использования для обозначения того же предмета второго слова. Такой тип структурирования концептов и предлагаем назвать концептуальным пространством. При этом оно включает в себя все окружение того или иного концепта, сферу его существования как в отдельном языковом сознании, так и в границах языковой картины мира. Более того, зачастую в КП тех или иных концептов включаются элементы других концептов (например, КП «мужчина — женщина» имеет общие зоны с концептами 'семья', 'возраст' и рядом других).

Исходя из логического типа связи дополнительности (комплементарности) в качестве других КП можно привести, например, следующие: «истина — ложь», «жизнь — смерть», «болезнь — здоровье», «свой — чужой», «прямой — кривой» и иные. Следует отметить, что подобного рода оппозиции некоторые исследователи относят к базовым оппозициям языковой картины мира (Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Е. В. Рахилина, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелев и многие др.).

Соотносимы (однако не тождественны!) с понятием «концептуальное пространство» в современной когнитивной лингвистике понятия «ментальное пространство» и «фрейм».

Ментальное пространство (*mental space*) — элемент теории концептуальных сетей и интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера (см., например: Fauconnier 2003), который сами авторы определяют так: «Ментальные пространства — это небольшие концептуальные пакеты, конструируемые потому, что мы мыслим и говорим» (Fauconnier, Turner, 1998, с. 137).

По представлениям ученых, концептуальная сеть человеческого сознания, формируемая на протяжении всей жизни в процессе мыслительной деятельности, структурируется ментальными пространствами

— автономными, дискретными концептами, которые взаимосвязаны друг с другом. Будучи актуализированы, такие концепты могут объединяться особыми связями (*vital relations*): внутривидовые связи объединяют значимые элементы в пределах одного и того же автономного концепта; межвидовые связи объединяют различные автономные концепты. Интеграция информации, содержащейся во взаимодействующих пространствах, осуществляется в интегративном пространстве, или бленде («смешении»).

Однако теория Ж. Фоконье и М. Тернера позволяет описывать скорее процессы становления художественных концептов и механизмы образования метафор и иных тропеических средств, нежели реальное бытование архетипичных, базовых концептов языковой картины мира.

Другое, схожее с «КП» по терминологическому наполнению понятие — «фрейм», или «когнитивный контекст», определяемое как «модель культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества» (Болдырев 2004: 30). Фреймы, как и сценарии (скрипты), имеют конвенциональную природу, то есть основаны на социально-культурной информации, которую человек приобретает в течение жизни в обществе. Фрейм — это глубинный слой когнитивного устройства человека, когнитивная пропозициональная модель организации знаний о стереотипной ситуации. Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активизирует соответствующий когнитивный контекст как модель обыденного знания об основных концептах. Следовательно, понятие «фрейм» представляется более широким, нежели КП, так как обычно фрейм структурируется из нескольких концептов и отражает более широкий фрагмент языковой картины мира.

Таким образом, можно утверждать, что ни «ментальное пространство», ни понятие «фрейм» не отражают специфического типа отношений между концептами внутри когнитивного объединения, названного нами концептуальным пространством.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. № 1. С. 18–36.

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. — М., 1975.

Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е. С. Кубряковой. — Тамбов, 2005.

Концептуальное пространство языка. — Тамбов, 2005.

Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1996. С. 90–93.

Сулименко Н. Е. Современный русский язык (слово в курсе лексикологии). — СПб., 2004.

Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. — 1999. № 1. С. 4–16.

Barsalou L. W. Situated Simulation in the Human Conceptual System // Language and Cognitive Processes. — 2003. № 18. P. 513–562.

Fauconnier G. Mental Spaces [Electronic resource]. — Mode of access: <http://terpconnect.umd.edu/~israel/Fauconnier-MentalSpaces.pdf> (2003).

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22, № 2. P. 133–187.

Е. В. Сергеева (Санкт-Петербург)

Языковая vs художественная картина мира: концепт «Время» (на материале поэзии Вячеслава Иванова)

Концепт «Время» — один из важнейших в языковой картине мира, «сквозь его призму воспринимается нами все сущее в мире, все доступное нашему уму и нашему толкованию» (Маслова, 2007, с. 77). Не случайно этому ментально-лингвальному конструкту посвящены многие серьезные исследования (Яковлева, 1994; Логический анализ языка 1997; Степанов, 1997). Ядро ассоциативно-семантического поля этого концепта связано прежде всего с восприятием длительности бытия. Как «длительность бытия» определяется изначальное значение номинанта концепта — лексемы *время* — и в Словаре Даля, и в Словаре Ушакова (ср.: «Длительность существования всего происходящего...» (МАС 1981–1984-I, с. 227)). Значения существительного, на основе которых формируется содержательное ядро концепта, связаны с единицами измерения времени (секундами, минутами, днями, годами) и его отрезками, а также историческими периодами. По данным РАС, в языковой картине мира (ЯКМ) современного носителя русского языка время соотносится прежде всего с определенной ценностью (*время — деньги*) и динамикой (*не ждет*), с измерением его течения (*часы*), а также с движением (*бежит, пришло, идет*), использованием протяженности бытия (*тратить, проводить*) и определенными промежутками существования (*час, минута, год, годы, неделя*).

Художественная картина мира (ХКМ) любого писателя в большей или меньшей степени не совпадает с ЯКМ и по структуре концептосферы, и по содержанию концептов, однако экспликация худо-

жественного концепта «Время» в творчестве какого-либо автора не может значительно отличаться от вербализации концепта-универсалии в силу фундаментальности представлений о времени в человеческой культуре. Тем не менее специфичность репрезентации этого ментального комплекса и в ранней поэзии, и в зрелом творчестве такого самобытного поэта, как Вячеслав Иванов, видна достаточно ясно.

С одной стороны, состав лексических единиц, эксплицирующих концепт в ранних циклах «Кормчие звезды» и «Прозрачность», не слишком разнообразен, а их употребительность невысока: существительные *день* (35), *ночь* (24), *ночка* (2), *утро* (1), *вечер* (1), *час* (8), *полночь* (4), *полдень* (5), *миг* (6), *мгновение* (3), *век* (3), *весна* (7), *осень* (1), *зима* (2), *минута* (1), *память* (1), *неделя* (1), *год* (1), *пора* (1), *срок* (1), *година* (1), *заря* (1), *времена* (1); прилагательные *весенний* (2), *вечерний* (3), *утренний* (2), *ночной* (3), *полночный* (1), *полуденный* (1), *полдневный* (1), *зимний* (2), *последний* (1), *вечный* (5), *старый* (1), *предрассветный* (1), *надвременный* (1), *вседневный* (2); наречия *сегодня* (1), *досель* (1), *пора* (1), *ныне* (1), *вчера* (1), *долго* (5), *навек* (1), *мгновенно* (1), *вечно* (3), *древле* (1), *давно* (1), *зимой* (1), *ночью* (2), *вечером* (1), *осенью* (2), *поздно* (1), *уже* (*уж*) (2); словосочетания *век земной*, *бегущая колесница*, *зоны долгие*, *в оны веки*, *омут времен*, *праг темной жизни*, *дней хоровод*, *лето Господне* (все словосочетания употреблены 1 раз). Как и в ЯКМ, вербализаторами концепта «Время» в ранней поэзии В. И. Иванова могут быть локальные номинации: *Мы тоскуем по дали забвенной, по несбывшейся дали* (1, с. 105*). С другой стороны, можно отметить явную специфику лексического воплощения концепта в ХКМ поэта. В ранних циклах единичны предлоги *до*, *перед*, *после* в темпоральном значении. По-видимому, определенный, точно зафиксированный момент времени не представляется поэту важным. Глаголы, обозначающие действия, соотносимые с течением времени, в анализируемых циклах фактически отсутствуют (глаголы *мчат* и *стоять* в соответствующем значении употребляются по одному разу). Вероятно, изображение процессов, связанных с бегом времени, для В. И. Иванова не значимо и не интересно: его время, как это ни парадоксально, статично.

Указания на единицы измерения времени в названных циклах не слишком частотны, причем их частотность не всегда совпадает с общеязыковой; это прежде всего названия частей суток (61 словоупотр.),

---

* При ссылке на произведения В. И. Иванова первая цифра обозначает номер книги, а вторая (и следующие) — цитируемую страницу.

времен года (10 словоупотр.) и образованные от них прилагательные (15 словоупотр), а также существительные, обозначающие незначительные отрезки времени: *миг, мгновение, минута, час* (всего 18 словоупотр.). Показательно, что традиционные для ЯКМ наименования отрезков времени, кроме частей суток, поэтом почти не употребляются (*минута, неделя, год* — по 1 словоупотр., *час* — 8 словоупотр., *месяц, секунда* — отсутствуют).

Номинант концепта — лексема *время* — малоупотребителен в раннем творчестве В. И. Иванова (5 словоупотр.). Однако название одного из принципиально важных стихотворений цикла «Кормчие звезды» — именно «Время». В этом произведении представлен значимый фрагмент ХКМ поэта: *Время, которое «мчит» лирического героя, воспринимается как нечто могучее и безжалостное. Основной номинант концепта приобретает отрицательную коннотацию, связанную с антиномией Время («-») — Вечность («+») : И Ткач все ткёт; и Демон от погони Не опочит. Как мертвый вихрь, несут нас глухо кони — Нас Время мчит* (1, 145). Вечность статична, в отличие от времени, которое по природе своей динамично. При этом экспликант концепта «Время» в ЯКМ — *мгновенье* — в ХКМ В. И. Иванова становится одновременно репрезентантом концепта «Вечность»: *Прекрасное, стоит Мгновенье. Вечность Хранят уста. Безгласное, твой взор один — вся Вечность, Вся Красота!* (1, с. 145). Вечность связана с покоем и красотой, время — со скорбью и неволей: *Устала ты, невольница Мгновенья, Себя рождать, Свой призрак звать из темного забвенья, Свободы ждать...* (1, с. 145). Однако лексема *время* в рассматриваемых циклах может приобретать также положительную коннотацию, если длительность бытия воспринимается как дополнение его протяженности, составляющее часть красоты: *Горько, Мать-Земля, и сладко Мне на грудь твою прилечь! Сладко Время, как загадка Разделения и встреч* (1, с. 120).

Лексема *время* не относится к частотным и в последней книге Вяч. Иванова — «Свет вечерний» (15 употр.). Обычно эта лексема употребляется в общеязыковом, прямом значении: *стало время* (2, с. 94, 129), *о временах последних* (2, с. 158), *времена Метаморфозы* (2, с. 162), *события во времени теснятся, скользит лениво время* (2, с. 177), *времена текут* (2, с. 184). Становится она и компонентом метафорических словосочетаний: *ущерб времен, ущерб и сон времен, времен возвратная река, река времен, нещерою зияет время, крест времен* (2, с. 108, 112, 145, 127, 181). При этом одно из важнейших в сборнике «Свет вечерний», так же, как и в цикле «Кормчие звезды», — стихотворение, называющееся «Время», где номинант концепта

становится заглавием текста, посвященного брэнности жизни и вечному круговращению времени: *Все прошло далеким сном... Время нас, как ветер, мчит, Разлучая, разлучит, — Хвост змеиный в пасть вберет И умрет* (2, с. 122–123). Идея цикличности времени, присущая древним культурам, в том числе и славянской, явно отражена в этом тексте. Образный строй произведения основан на имплицитно представленных метафорах ВРЕМЯ = ЗМЕЯ (актуализаторы — *хвост змеиный, пасть*) и ВРЕМЯ = ПОРАБОТИТЕЛЬ (актуализаторы — *плен, мчит, разлучит*). Для В. И. Иванова время — не только нечто, вечно держащее человека в плену, но и вечное испытание и источник мук: *Пройти ты должен через все Преображенья, искаженья, И снятым быть, обуглен, наг, С креста времен...* (2, с. 181). Однако в его стихах представлено не только «время циклическое», но и «время линейное» как эволюция, направленное движение, путь куда-либо: *Он чрез века уводит взор Тропой прямой, тропюю тесной Пройденной родом христиан, — И все в дали тропы чудесной идут Петр, Яков, Иоанн* (2, с. 148).

Набор вербализаторов концепта «Время» в циклах «Кормчие звезды» и «Прозрачность» ярко демонстрирует нам особенности этой ментально-лингвальной сущности в ХКМ поэта. Так, ни разу не употребляется слово *часы* (одна из типичных реакций на стимул *время* в РАС). В книге «Свет вечерний» слово *часы* также отсутствует. По-видимому, в картине мира поэта время воспринимается более масштабно и глобально, чем в ЯКМ средней языковой личности: оно делится на тысячелетия, века, годы, месяцы, времена года, части суток, но не на мелкие промежутки — часы, минуты, секунды, — которые показывают часы. Лексема *час* употребляется прежде всего в обобщенно-темпоральном значении — ‘определенный момент времени’: *...смерти час — Час горьких бдений* (1, с. 81); *Час истома, час отлива...* (1, с. 19).

Значение лексем *день* и *ночь*, служащих в ЯКМ прежде всего именно для обозначения определенных периодов времени, в ХКМ поэта трансформируется: в семантической структуре этих слов сема ‘время’ деактуализируется, а семы ‘светоносный’ в слове *день* и ‘темный’ в слове *ночь* становятся ядерными: *Над бездной ночи Дух, горя, Миры водил...* (1, с. 68); *День влажнокудрый досиял...* (1, с. 70). Более того, лексемы *день* и *ночь* приобретают символическое значение, что часто маркируется прописной буквой: *И Ночи пленный сонм, тоскующий о Дне, Зови на праздник воплощений!* (1, с. 84); *И снова миг у Ночи Свет отъемлет...* (1, с. 144). Естественно, подобная перегруппировка сем происходит не всегда, и лексемы *день* и *ночь* могут иметь

сугубо темпоральное значение, что подтверждают многочисленные примеры: *Как в день, когда судьбам внимал Анхисиад...* (1, с. 107); *Всю бы ночь всезрящим духом, чужд алканий, чужд оков, Я ловил бесплотным ухом содроганье ледников...* (1, с. 124).

Характерная черта поэзии В. И. Иванова, которая, однако, в полной мере проявится лишь в позднем его творчестве, — использование для указания на какой-либо период имен собственных и наименований, маркирующих представления об определенной эпохе. Это имена, связанные с конкретными моментами времени исторического и мифологического (и их дериваты-прилагательные), а также наименования-историзмы, хотя в циклах «Кормчие звезды» и «Прозрачность» подобные имена менее частотны, чем в позднем творчестве В. И. Иванова: *Наполеон, Дант, Абельяр, Дионис, Орфей, Вакх, Кумы, Юлиан, Кассандра, Феб, Пан, Психея, Терпандр, Леонардо, Савонарола, Пуссен, Изида, (святая) Русь, хариты, нимфа, оры, капище, менада, элин, галл, тризна* и др.: *...в ясные глядится С улыбкой дикою Сатур, — Он, тайну мойр шепнувший в мир...* (1, с. 125); *На пепле Трои восстает Кассандра* (1, с. 196).

В последней книге стареющего поэта именно течение времени становится основой восприятия бытия. Время для него — это те историко-мифологические и библейские топосы и онимы, которые ассоциативно связаны с определенными временными вехами. Поэтому в последней книге, помимо единиц измеряемой длительности существования, можно выделить содержательные элементы концепта «Время», которые связаны с некоторыми культурно обусловленными представлениями о прошлом и которые условно можно обозначить как «время мифологическое» (*Дабы не рабствовать Омфале, Мужскую мощь, Алкид, Склонить пред девой в покрывале Алкмена, мать, велит* (2, с. 166); *Гадать по шелесту ветвей, О чем задумалась Дриада* (2, с. 170)); «время библейское» (*Пророчил черный вод возврат, А белый славил Арарат* (2, с. 158)) и «время историческое» (*Вот могильник зеленеет Стародавней татарвы...* (2, с. 103); *Так от Льва бежал Атилла* (2, с. 177); *Средь мачт Милета и Фалеса Пленял рассказ финикиян* (2, с. 170)). Автор соотносит время ушедшее и время настоящее, причем время реальное, переживаемое и время мифологическое и библейское для него в равной мере значимы и включены в поток истории. Для обозначения какого-либо периода используются имена собственные, связанные с конкретными моментами времени исторического, мифологического и библейского: *Зевс, Кронос, Нерей, Орфей, Афина, Иов, Товия, Рахиль, Савл, Дмитрий Донской, Платон, Гераклит* и др. Простейшие примеры подобной вербализации — текстовые

фрагменты, в которых есть непосредственное указание на определенные факты истории и мифологии, а также употребляются традиционные вербализаторы концепта «Время»: *...остановились под Окой, Под нашим парком, древним валом, Что Дмитрий городил Донской* (2, с. 117) или *Аль и впрямь вернулись лета Аларика, Гензерика...* (2, с. 177); *Живым я замкнут в темный гроб, Как в чрево китово Иона...* (2, с. 181). В других контекстах указание на конкретное время содержится в самом имени собственном: *Ной* (всемирный потоп), *Ирод* (год рождения Христа), *Гомер* (архаическая Эллада), *Владимир Соловьев* (Россия конца 19 в.) и т. д. Представляя в тексте стихотворения «набор» имен собственных, поэт разворачивает перед нами целую панораму «культурной» истории: *Людовик, Юлиан, Картезий, Сен-Жермен — О, сколько вечных лиц в одном лице блистает Мгновенной молнией! — Моле, Паскаль, Бальзак...* (2, с. 132). Концепт «Время» в позднем творчестве В. И. Иванова часто эксплицируют также онимы, репрезентирующие в языке концепт «Пространство», но соотносимые с фактами и событиями определенных моментов реальной или гипотетической истории, например *Троя, Вефиль, Фавор, Эллада, Милет, Ефес, Мирандола, Акрополь* и др.: *Аллеи сфинксов возводил Знаменательный Египет... Вели аллею гробниц Дороги Аппиевой плиты...* (2, с. 201–202).

Для зрелого В. И. Иванова движение и использование времени совершенно неактуально, и связанные с ними вербализаторы концепта в сборнике «Свет вечерний» фактически отсутствуют. Указания на единицы времени достаточно частотны, однако они не всегда совпадают с наиболее частотными общеязыковыми; это названия времен года (19 словоупотр.), месяцев (22 словоупотр.) и частей суток (40 словоупотр.) и образованные от них прилагательные (23 словоупотр.): *Зеленью свежей весна в пологах темных сквозит* (2, с. 97), *До половины сентября* (2, 100), *Уязвило жарким жалом утро бор* (2, с. 104), *В тот час вечерняя позолотилась тишь* (2, 106), *Осенний дышит пар* (2, с. 107), *И с ночью день сольет* (2, с. 110), *на заре веков* (2, с. 130), *Но вечер тот в душе запечатлен* (2, с. 131), *час неурочный полночь для прогулок* (2, с. 137), *...тешится лазурь Заоблачной гульбой апрельских бурь* (2, с. 165), *В разгаре лето* (2, с. 180) и др. Эти лексемы могут становиться названиями стихотворений и целых циклов сборника, что говорит об их значимости для поэта: «Зимняя буря», «Полдень», «Элевсинская весна», «Осень», «Ночные зовы»; «На Оке перед войной», «Зимние сонеты», «Римский дневник 1944 года».

Рассмотрение некоторых особенностей концепта «Время» в ХКМ В. И. Иванова наглядно демонстрирует, что даже те художест-

венные концепты, которые наиболее близки концепту-универсалии, обладают заметной спецификой.

Литература

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1955 (Словарь Даля).

Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: Кн. 1, 2. — СПб., 1995.

Логический анализ языка: Язык и время. — М., 1997.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. — М., 2007.

Русский ассоциативный словарь: Кн. 1–4 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин и др.; РАН, Институт русского языка. — М., 1994–1996 (РАС).

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. — М., 1994.

Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1981–1984 (МАС).

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М., 1934–1940 (Словарь Ушакова).

Л. Н. Чурилина (Магнитогорск)

КОНЦЕПТ «ПОКАЯНИЕ» КАК ФРАГМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА

Переживаемый лингвистикой этап поиска принципиально новых оснований для моделирования языка побуждает обратиться к тексту как основной ипостаси существования языка; ср. чрезвычайно актуальную сегодня оппозицию, предложенную Л. В. Щербой: языковой материал — языковая система (словарь и грамматика) — «психофизиологическая речевая организация» владеющего данным языком индивида (Щерба, 2007). Текст рассматривается как единственная ипостась языка, данная нам в непосредственном наблюдении: «...все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом”...» (Щерба, 2007, с. 26).

Для обозначения текста, рассматриваемого в соотношении с языковой личностью (автором и интерпретатором), в современной лингвистике используется термин «**дискурс**». Принимая во внимание разнообразие предлагаемых в научной литературе трактовок термина «дискурс», оговорим, что вслед за П. Серио рассматриваем дискурс

как особое использование языка, служащее объективации особой ментальности, особой идеологии. Объект исследования при таком подходе составляет совокупность текстов, «сложный и относительно устойчивый способ структурирования которых обладает *значимостью* для определенного коллектива, т. е. анализируются тексты, которые содержат разделяемые убеждения, вызываемые или усиливаемые ими, <...> тексты, которые предполагают *позицию* в дискурсном поле» (Серрио, 2001, с. 551; курсив автора. — Л. Ч.). Ориентир в отборе языкового материала (текстов) на мировоззренческую (идеологическую) позицию говорящего субъекта, предполагаемый при таком понимании дискурса, позволяет избежать безусловной уникальности полученных результатов, давая основания для реконструкции фрагментов индивидуальной картины мира (концептов). Созвучной в этой связи нам кажется мысль Л. В. Щербы о тонкой грани между социальным и индивидуальным в языке: «Что же такое сама языковая система? По-моему, это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы» (Щерба, 2007, с. 28). Основу единства языковой системы, по Л. В. Щербе, составляет содержание жизни данной социальной группы: «Единство языковой системы обеспечивает единство реакций на это содержание» (там же).

Дискурсивный анализ позволяет реконструировать фрагменты сознания «стоящего за текстом» субъекта и на этой основе выявлять способы организации единиц индивидуального словаря. Иначе говоря, путь к постижению концептуального пространства лежит через определение специфики лексической организации текста как фрагмента дискурса. Признание же факта социальной обусловленности любого высказывания является основой для экстраполяции полученных выводов на словарь как составляющую языковой системы.

Одна из проблем, с которой сталкивается исследователь в случае обращения к единицам сознания, заключается в континуальности смыслов. Эта принципиальная связанность, соотнесенность «всего со всем» как черта концептосферы в значительной степени ограничивает возможности исследования и придает его результатам характер, который можно обозначить с помощью формулы «приблизительно так», для получения же вполне адекватной модели сознания необходимо не только описать все составляющие индивидуальную картину мира фрагменты, но также выявить характер их взаимосвязи. Ни в отечественной, ни в мировой лингвистической практике исследования подоб-

ного масштаба, насколько можно судить по публикациям, не проводилось.

Определяя в качестве основной задачи исследования реконструкцию концепта «Покаяние» как одного из базовых концептов православной модели мира, мы отдаем себе отчет в том, что скольконибудь жесткая изоляция этого фрагмента сознания практически невозможна: ближайшими узлами в концептуальной структуре являются «Бог», «Грех», «Прощение» и «Спасение». Однако формат статьи вынуждает нас остановиться на рассмотрении способов функционирования имени *покаяние* в рамках ограниченного дискурсного пространства, конечной целью на этом этапе исследования является выявление отличительных черт концепта.

Материалом служат фрагменты современного религиозного дискурса, представляющие собой проповеди митрополита Антония Сурожского — известнейшего иерарха Русской Православной Церкви. Все анализируемые тексты изначально представляли собой устные обращения пастыря к прихожанам. Однако впоследствии эти проповеди были опубликованы, и, по уверению издателей, «звучание живого слова Владыки» максимально сохранено. Характер адресата явился для нашего исследования значимой характеристикой при отборе дискурсивного материала: в центре внимания находится не богословская, но **наивная православная** картина мира.

Роль фонового материала для определения специфики способов организации моделируемого фрагмента дискурса в соответствии с уже устоявшейся традицией выполняет «стоящая за текстом» языковая система (М. М. Бахтин), в нашем случае — зафиксированные в словаре правила функционирования лексем.

В одном из последних по времени создания толковых словарей современного русского языка (БТС) дефиниции лексем *покаяние*, *раскаяние*, *раскаяться* в значительной своей части оказываются идентичными; ср.: «**ПОКАЯНИЕ**. 1. **Признание** грехов перед священником; исповедь. 2. Добровольное *признание* в **совершенном проступке**, в *ошибке*. 3. **Сожаление** по поводу чего-л., **раскаяние** в чем-л.» (БТС 1998: 894); «**РАСКАЯНИЕ**. Сознание своей вины, **сожаление** о **совершенном проступке**» (там же: 1087); «**РАСКАЯТЬСЯ**. Почувствовать **сожаление** по поводу своего поведения, **признать** его **ошибочным** или **дурным**» (там же) (выделены общие семантические компоненты). Совпадение зоны толкования, вплоть до синонимизации (*покаяние* — *раскаяние*) может рассматриваться как свидетельство значительной степени близости соответствующих лексических значений. Основанием для разграничения сопоставляемых лексем служит включение в

первую семему *покаяние* семантических компонентов ‘грех’, ‘священник’, ‘исповедь’ (при этом две другие семемы *покаяние* практически приравнены по набору сем к *раскаянию* и *раскаяться*); в рамках этой семемы устанавливаются отношения семантического тождества между именами *покаяние* и *исповедь*, это тождество подтверждается и дефиницией, сопровождающей в словаре вторую лексему: «**ИСПОВЕДЬ**. 1. Обряд **покаяния** в грехах перед **священником** и получение от него отпущения **грехов**» (там же: 401). Анализ способов лексикографического представления лексемы *покаяние* позволяет заключить, что: (1) слова *покаяние* и *грех* как имена концептов на конвенциональном (системном) уровне обнаруживают смысловое соответствие; характер взаимоотношения между ними можно обозначить как «причина и следствие» (признание за собой греха есть основа покаяния); (2) на системном уровне регламентируется возможность использования в качестве имени концепта ПОКАЯНИЕ лексем *раскаяние* и *исповедь*, из этого неизбежно следует, что соответствующие семантические поля окажутся аналогами друг друга.

На «системном» фоне обращает на себя внимание актуализация во фрагментах православного дискурса оппозиции «*покаяние — раскаяние*»: *Когда мы думаем о покаянии, нам всегда представляется темная или серая картина скорби, сжатого сердца, слез, какого-то неизбежного горя о том, что наше прошлое такое темное и недостойное: недостойное ни Бога, ни нас самих, ни той жизни, которая нам предложена. Но это только одна сторона покаяния или, вернее, это должно бы быть только одно мгновение. Покаяние должно расцветать в радость и в подвиг. Без этого **покаяние** бесплодно, без этого то, что могло бы быть покаянием, превращается в **раскаяние** — бесплодное и, часто, такое, которое убивает жизненную силу в человеке вместо того, чтобы его возбуждать и обновлять («Радость покаяния»); здесь и далее в скобках указывается предложенное издателями название проповеди. — Л. Ч.). Близость *покаяния* и *раскаяния* не отрицается, более того, отмечается возможность подмены одного процесса другим, ибо оба связаны с оценкой субъектом совершенных им поступков и — шире — с самооценкой. Определяющим при этом оказывается не просто стремление осмыслить собственное существование, но обнаружить в нем все заслуживающее порицания (доминирование в рамках текстового фрагмента лексики с отрицательными коннотативными компонентами очевидно). В основу оппозиции положено представление о **результате** процесса: *раскаяние* бесплодно и способно *убить* человека, *покаяние* же ведет к обновлению (*расцветать, обновлять*), возвращает радость жизни и позволяет ей обрести высо-*

кий смысл («Подвиг — Самоотверженный, тяжелый труд; **важное** дело, начинание») (БТС)).

Чем же определяется различие двух процессов, обнаруживаемое лишь на уровне результата? Присутствием Другого. В раскаянии человек остается наедине с самим собой; осознав собственное несовершенство, он уже не может любить себя такого, а потому не может простить. Покаяние предполагает взгляд со стороны, ощущение сопричастия Другого. Другой — любящий и прощающий — Бог: *И вот это — момент, когда завершается процесс покаяния. Грех совершен, падение имело место, человек опозорил себя вконец; его совесть, взор Господень ему об этом сказали. И он отозвался на этот взор и на суд совести ужасом отвращения к себе, плачем. А теперь его восстанавливает Божия любовь. Самому себе простить невозможно* («Радость покаяния»). Покаяние есть не просто самобичевание, но обращение человека к Богу в надежде на любовь и доверие или, лучше, в надежде на веру в силы человека: *Покаяние — это тот поворот жизни, оборот мыслей, перемена сердца, который нас обращает лицом к Богу в радостной и трепетной надежде, в уверенности, что хотя мы не заслуживаем милости Божией, но Господь пришел на землю не судить, а спасти, пришел на землю не к праведным, а к грешным* («О покаянии»). Покаяние вне анализируемого дискурсного пространства также предполагает присутствие Другого, но этот другой — посредник (священник). Предлагаемая словарем «подмена» оказывается значимой: когнитивно-эмоциональный процесс низводится до речевого акта («признание грехов перед священником»), что и определяет возможность установления отношений семантического тождества между словами *покаяние* и *исповедь*.

Исповедь есть даже не итог, но только объективация, «овнешнение» некоторого этапа процесса покаяния. Самому же покаянию в рамках православного дискурса придается статус способа существования: обязательным условием покаяния является постоянное пристальное внимание к себе (к собственным мыслям, желаниям, поступкам), стыд и боль неизбежны как результат осознания несоответствия наблюдаемого Идеалу (образу Божию, ср.: *В том и заключается покаяние, чтобы как бы измерить расстояние между тем, что задумал Господь, и тем, что мы осуществили; между тем, что нам было дано и что мы использовали или нет, исполнили либо не исполнили* («Радость покаяния»)), но ощущение сопричастия Бога дает надежду на жизнь, цель которой — сокращение *расстояния* между замыслом и его реализацией.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998 (БТС).

Митрополит Сурожский Антоний. О покаянии: Проповеди. — Клин: Христианская жизнь, 2004.

Серво П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 3-е изд., стер. — М.: КомКнига, 2007. С. 24–39.

Л. А. Пиотровская (Санкт-Петербург)

ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Моему научному наставнику —
с благодарностью за доверие и свободу*

В центре внимания Надежды Евгеньевны всегда было слово, с одной стороны, как ключевая единица, организующая продукт речемыслительной деятельности человека, т. е. текст, с другой — как единица внутренней языковой системы человека, обладающая разнообразными смысловыми связями (см., напр.: Сулименко, 2007). Второй из названных аспектов изучения слова, несомненно, связывает его с миром интроспекций человека.

Большинство психологов, наряду с другими эмоциональными явлениями¹, различают эмоции и чувства. Чувства, в отличие от эмоций, характеризуются устойчивостью и осознанностью. Противопоставление эмоций и чувств является центральной проблемой в работе Г. Х.

---

¹ С. Л. Рубинштейн в зависимости от степени осознанности эмоционального переживания разграничивает в эмоциональной сфере личности три основных уровня: 1) уровень аффективно-эмоциональной чувствительности (осознанное отношение человека к чему-либо, например, удовольствие); 2) предметные чувства (осознанное переживание отношения человека к миру): интеллектуальные (например, удивление), эстетические (например, удовольствие) и моральные; 3) мировоззренческие чувства (более обобщенные, чем предметные), например, чувство комического. С. Л. Рубинштейн выделяют также аффекты, страсти и настроения (Рубинштейн, 1940/1999, с. 574–583). Сходную классификацию предлагает А. Н. Леонтьев, различающий 1) аффекты; 2) собственно эмоции; 3) предметные чувства; 4) настроения (Леонтьев, 1962, с. 200).

Шингарова (1971), подчеркивающего, что эмоциональные реакции в равной мере свойственны человеку и животным, тогда как чувства (этические, эстетические, познавательные) возможны только в человеческом обществе. Положение о том, что эмоции и чувства являются двумя различными стадиями развития эмоциональной формы отражения действительности, было сформулировано еще С. Л. Рубинштейном. Так же, как С. Л. Рубинштейн, Г. Х. Шингаров считает специфической чертой чувств, отличающей их от эмоций, осознанность. Кроме того, сравниваемые эмоциональные процессы различаются по функции: эмоции возникают в ходе уравнивания организма со средой, в то время как «посредством чувств происходит регуляция поступков, действий и желаний личности сообразно установленным <...> требованиям и нормам общества» (Шингаров, 1971, с. 156).

Таким образом, эмоции и чувства различаются 1) по степени осознанности; 2) по функции; 3) по связи с конкретной ситуацией; 4) по генезису; 5) по связи с личностными характеристиками; 6) по длительности.

Основным предметом данной статьи является сравнение научной и наивной категоризации эмоциональной сферы психики человека. Экспериментальное исследование в русско- и англоязычной аудитории было направлено на решение следующих вопросов:

1) является ли разграничение понятий «эмоция» и «чувство» значимым для наивных носителей сравниваемых языков;

2) имеет ли одно из двух сравниваемых понятий статус доминантного (родового) в речевой организации носителей русского и английского языков;

3) в какой мере совпадает/различается категоризация сходных эмоциональных явлений¹ как эмоций или чувств носителями разных языков.

Русскоязычным (студенты технического вуза, 20–22 года, 70% мужчин и 30% женщин) и англоязычным (студенты Бристольского университета, 20–23 года, 60% мужчин и 40% женщин) испытуемым в количестве 30 человек было предложено отнести каждое слово, называющее эмоциональное явление (далее — НЭ), к группе слов, обозначающих эмоции или чувства (*emotions or feelings*), или указать на отсутствие корреляции с эмоциями или чувствами. Так как количество НЭ было достаточно большим (56 НЭ русского языка и 64 НЭ англий-

---

¹ Мы отдаем себе отчет в том, что слова, квалифицируемые двуязычными словарями как межъязыковые синонимы, например *удивление* — *surprise*, *страх* — *fear*, *гнев* — *anger*, *жалость* — *pity*, *отвращение* — *disgust*, *испуг* — *fright* и под., можно лишь условно рассматривать как близкие по семантике.

ского языка¹), для получения более достоверных результатов эксперимент проводился в два этапа, на каждом из которых предлагалась лишь половина слов. НЭ были разделены на две группы так, чтобы синонимичные лексемы предъявлялись испытуемым на разных этапах.

При обработке полученных данных необходимо было проверить статистическую достоверность результатов, установив, являются ли отклонения выборочных частот от их среднего показателя случайными или существенными. Для этого полученное распределение частот сопоставлялось с равномерным с помощью критерия статистической оценки различий χ^2 .

Были выдвинуты две статистические гипотезы: 1) H_0 — гипотеза об отсутствии различий, согласно которой распределение реакций «эмоция» — «чувство» — «затрудняюсь ответить» не отличается от равномерного и является статистически незначимым; 2) H_1 — альтернативная гипотеза о значимости различий, согласно которой распределение трех типов реакций отличается от равномерного и, таким образом, является значимым.

Если $\chi^2_{\text{эмп.}} \geq \chi^2_{\text{крит.}}$, то нулевая гипотеза отклоняется. Значение критерия χ^2 для каждого НЭ определялось по формуле $\chi^2 = \sum (f_s - f_t) / f_t$, где f_t — средняя величина признака, $f_s - f_t$ — отклонение выборочной частоты от средней, Σ — знак суммирования (Сидоренко, 2006).

С учетом этого гипотеза H_0 была отклонена для всех НЭ, кроме 8 НЭ в русском языке: *интерес, омерзение, смятение, сожаление, торжество, трепет, умиление, уныние* — и 7 НЭ в английском языке: *abhorrence, detestation, fun, gladness, tedium, torment, trepidation*. В «буферную зону» (гипотеза H_0 отклонена, но гипотеза H_1 не может быть принята) попали 7 НЭ в русском языке — *восхищение, злость, наслаждение, печаль, скука, смущение, удовольствие* — и 5 НЭ в английском: *enjoyment, malice, sadness, spite, torture*.

Гипотеза H_1 безоговорочно принимается для 41 русских НЭ (73,2%) и 52 английских НЭ (81,25%): *боязнь, досада, замешательство, мучение, недоумение (9,8)², ненависть (10,0), неприязнь, опасение*

---

¹ Неодинаковое количество слов, предъявлявшихся в двух группах испытуемых, обусловлено бóльшим количеством синонимов в английском языке.

² В скобках после НЭ указывается значение χ^2 ; если значение χ^2 совпадает для нескольких НЭ, оно приводится после последнего. Чем больше показатель статистической значимости различий, тем более согласованным и достоверным является статус эмоционального явления. Жирным шрифтом выделены те НЭ, для которых $\chi^2 > 20$. Буквенный верхний индекс после этих НЭ обозначает категоризацию соответствующего эмоционального явления: «ч» — чувство, «э» — эмоция, “f” — feeling, “e” — emotion.

(10,4), *веселье*, *волнение* (12,2), *негодование* (13,4), *тревога* (14,8), *любопытство* (15,0), *мука*, *счастье*, *удовлетворение*, *ужас* (15,2), *возмущение* (18,6), *восторг* (19,4), *злоба*^ч (20,6), *жалость*^ч (21,2), *сострадание*^ч (21,6), *грусть*^ч (21,8), *изумление*^з (22,4), *радость*^ч (25), *отвращение*^з, *раздражение*^з (25,8), *испуг*^з, *раскаяние*^ч (29,4), *возбуждение*^з, *тоска*^ч (29,6), *ярость*^з (30,2), *горе*^ч, *стыд*^ч (33,8), *гнев*^з, *ликование*^з (34,2), *презрение*^ч, *удивление*^з (38,4), *любовь*^ч, *страх*^ч (38,8), *вина*^ч (48,6); *alarm*, *compassion* (9,6), *embarrassment* (9,8), *anguish*, *love* (10,0), *confusion*, *dejection*, *excitement*, *triumph* (10,4), *perplexity* (12,2), *agitation* (12,6), *curiosity*, *happiness*, *repentance*, *satisfaction* (12,8), *dread* (13,4), *boredom*, *irritation*, *sorrow* (14,8), *uneasiness* (15,2), *pity*^ф, *contempt*^е (21,2), *astonishment*^ф (21,6), *disgust*^ф, *repugnance*^ф, *resentment*^ф (21,8), *surprise*^ф, *terror*^ф (25,0), *delight*^ф, *joy*^е (25,4), *guilt*^ф, *horror*^ф (25,8), *pleasure*^ф, *rage*^е (29,2), *admiration*^ф, *bewilderment*^ф, *hatred*^ф (29,6), *anger*^е, *aversion*^ф, *fright*^ф, *shame*^ф (33,8), *exaltation*^ф, *grief*^е, *wonder*^ф (34,2), *annoyance*^ф, *remorse*^ф (38,4), *anxiety*^ф, *fear*^ф, *loathing*^ф (38,8), *fury*^е, *interest*^ф (43,4), *amazement*^ф (48,6).

Анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы¹.

1. Для носителей как русского, так и английского языка не все эмоциональные явления оказываются достаточно определенными по статусу, однако для англоязычных испытуемых процент НЭ, однозначная категоризация которых затруднительна, меньше, чем для русскоязычных испытуемых.

2. Степень согласованности ответов в группе носителей английского языка, выше, чем в группе носителей русского языка. Из 52 НЭ английского языка, для которых принимается гипотеза о статистической значимости различий (H_1), $\chi^2 > 20$ для 32 НЭ, по результатам же эксперимента в группе русскоязычных испытуемых таких НЭ только 22 из 41. Иначе говоря, половина английских НЭ из предъявленных в эксперименте получила согласованную категоризацию высокой степени, тогда как по результатам эксперимента в группе носителей русского языка такие слова составили менее 40%.

3. В пределах выбранного порога ($\chi^2 > 20$), согласно ответам носителей английского языка, подавляющее большинство эмоциональных явлений соотносится с категорией “feeling” (26 НЭ против 6 НЭ), тогда как носители русского языка распределили эмоциональные явле-

---

¹ Поскольку эксперимент проводился со сравнительно небольшими группами испытуемых, все выводы имеют предварительный характер и требуют дальнейшей проверки.

ния между категориями «эмоция» и «чувство» приблизительно одинаково (ср.: из 22 НЭ 40% были соотнесены с категорией «эмоция» и 60% — с категорией «чувство»). А это значит, что для наивного носителя английского языка именно категория “feeling” оказывается наиболее широкой, операциональной; носители же русского языка в равной степени оперируют категориями «эмоция» и «чувство». Показательной в этом отношении является категоризация синонимичных НЭ. В эксперименте с носителями русского языка некоторые синонимы получили разную квалификацию; ср.: *ужас* — «эмоция», *страх* — «чувство»; *ликование* — «эмоция», *радость* — «чувство». Носители же английского языка эмоциональные явления, обозначенные синонимичными словами, в большинстве случаев отнесли к одной категории; например: *surprise, astonishment, amazement, wonder; fear, fright; aversion, disgust, repugnance; admiration, delight* — “feeling”.

Сравнение некоторых результатов эксперимента в группе англоязычных испытуемых с толкованием соответствующих НЭ в толковых словарях свидетельствует о том, что для носителей английского языка семы ‘внезапность’ или ‘интенсивность’, которые, согласно психологическим исследованиям, отличают эмоции от чувств, оказываются нерелевантными; ср.: *amazement* ‘a feeling of great surprise’; *astonishment* — ‘complete surprise’; *fright* — ‘a sudden feeling of fear’ (Longman Dictionary... 2003). Это позволяет предположить, что деление эмоциональных явлений на «чувства» и «эмоции» для носителей английского языка оказывается менее строгим и четким, чем для русскоязычных информантов.

4. Статус разных эмоциональных явлений в пределах одной категории не одинаков: например, *вина* — более типичный представитель категории «чувство», чем, скажем, *злоба* для носителей русского языка; *amazement, interest, loathing, fear, anxiety* — более типичные представители категории “feeling”, чем *pity, astonishment*. Подобным образом организована и категория «эмоция». Наиболее явные представители этой категории: *удивление, ликование, гнев, ярость, возбуждение, испуг, раздражение, отвращение, изумление* — для носителей русского языка; *fury, grief, anger, rage, joy, contempt* — для носителей английского языка; при этом степень «типичности» эмоциональных явлений как представителей категории «эмоция» (“emotion”) также различается.

5. Близкие эмоциональные явления часто имеют разный статус для носителей русского и английского языков: например, НЭ *удивление, изумление, испуг* являются представителями категории «эмоция», в то время как *surprise, astonishment, amazement, wonder, fright* —

представители категории “feeling”, причем степень согласованности ответов испытуемых двух групп является высокой. Ср. также разную категоризацию и других эмоциональных явлений носителями русского и английского языков: *отвращение* — эмоция vs *repugnance* — feeling; *презрение* — чувство vs *contempt* — emotion.

6. Наиболее согласованные ответы внутри одной группы испытуемых получили слова-стимулы, называющие фундаментальные, по К. Е. Изарду (1970), эмоции (НЭ приводятся в порядке уменьшения значения χ^2): *вина, страх, удивление, презрение, гнев, стыд, горе, отвращение, радость; amazement, grief, anger, aversion, fear, shame, guilt, astonishment, contempt, sorrow*. Категоризация всех названных явлений, за исключением *sorrow* ($\chi^2 = 14,8$), характеризуется высокой степенью статистической значимости (в русскоязычной аудитории χ^2 варьирует в пределах от 48,6 до 22,4, в англоязычной — от 48,6 до 21,2). Особняком стоит эмоциональное явление *интерес*, которое носителями русского языка, в отличие от носителей английского языка, не было квалифицировано ни как чувство, ни как эмоция (половина испытуемых предпочла оценку «затрудняюсь ответить», остальные ответы распределились поровну между категориями «чувство» (8) и «эмоция» (7)). Фундаментальные эмоции, по Изарду, являются врожденными и межкультурными феноменами. Видимо, поэтому они воспринимаются носителями разных языков подсознательно как сущности дискретные.

В то же время сравнение результатов категоризации фундаментальных эмоций не полностью соответствует характеристикам К. Е. Изарда. С одной стороны, информанты обеих групп распределили названные эмоции по разным категориям. С другой стороны, половина сходных эмоциональных явлений получила разную категоризацию в двух группах испытуемых; ср.: *радость* — чувство vs *joy* — emotion; *удивление* — эмоция vs *amazement, astonishment* — feeling; *горе* — чувство vs *grief* — emotion; *отвращение* — эмоция vs *aversion* — feeling; *презрение* — чувство vs *contempt* — emotion.

Обобщение результатов эксперимента свидетельствует о том, что в наивной картине мира разделение эмоциональных явлений на эмоции и чувства релевантно не для всего объема слов тематической группы «чувства — эмоции» (“feelings — emotions”). Данная категоризация эмоциональной сферы, признанная психологами, оказывается действенной только для определенной группы слов, более или менее дифференцированных в сознании наивных носителей языка, причем более значимой она является для представителей русской культуры.

Категории «чувство» и «эмоция» (“feeling” — “emotion”) отображены в сознании носителей русского и английского языков не как равноправные объекты, но как совокупности, имеющие внутреннюю структуру, которая может быть описана в терминах теории поля: ядро / периферия, наиболее / наименее типичный представитель категории; при этом степень типичности элементов одной категории в значительной степени различается по языкам и обусловлена культурными традициями.

Литература

- Изард К. Е.* Эмоции человека / Пер. с англ. — М., 1970.
Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику. — СПб., 2002.
Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1962.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб., 1999. 1-е изд. М., 1940.
Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. — СПб., 2006.
Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа. — СПб., 2007.
Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства человека как форма отражения действительности. — М., 1971.
Longman Dictionary of Contemporary English. — Harlow, 2003.

Е. В. Бердникова (Санкт-Петербург)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Наиболее существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении языков и, конечно, культур. При сопоставлении языков национально-культурные различия наблюдаются на всех уровнях, где выделяются элементы совпадающие и несовпадающие: «Чем самобытнее сравниваемые языки, чем меньше в их истории было культурных контактов, тем меньше у них точек соприкосновения, тем более разнятся они в целом и поэлементно» (Томахин, 1988, с. 5).

При сравнении языков расхождения, несовпадения между ними проявляются на всех уровнях, но особенно заметно — на лексическом, поскольку семантическое членение языком действительности не может полностью совпадать у всех народов. Лексика больше, чем какие-либо другие области языка, связана с внеязыковой реальностью. Каждый язык по-своему отражает и закрепляет в значениях своих

лексических единиц объективную реальность. Л. В. Щерба отмечал, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят люди, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» (Щерба, 1974, с. 69).

Особенно ярко специфика языковой картины проявляется при употреблении **безэквивалентной лексики**, которую пристально изучают на протяжении многих десятилетий представители различных областей языкознания — лингвострановедения и лингвокультурологии, теории и практики перевода, лексикографии, когнитологии, семаσιологии и контрастивной лексикологии.

Как известно, лексический состав любого языка не однороден, поэтому при межъязыковом сопоставлении данных единиц с формальной точки зрения выделяются три основных типа:

- полное соответствие,
- частичное соответствие,
- отсутствие соответствия.

Особый интерес и трудность при сравнительно-сопоставительном анализе текстов оригинала и перевода представляют случаи полного отсутствия соответствия той или иной лексической единицы одного языка в словарном составе другого языка. Именно в этом случае принято говорить о безэквивалентной лексике.

Безэквивалентных слов в языке сравнительно немного; например, в русском языке, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, они составляют 6–7% от общего количества активно употребляемых слов (Верещагин, Костомаров, 1990, с. 51). Однако именно они являются хранителем национально-культурной семантики.

Понятие безэквивалентности противоречиво по своей сути. Характерная черта безэквивалентных слов — это их непереводаемость на другие языки с помощью постоянного соответствия, несоотнесенность с некоторым словом другого языка. В то же время принадлежность лексической единицы к безэквивалентной лексике не означает невозможность передачи ее значения в тексте. Поскольку перевод может осуществляться не только на уровне отдельных единиц, но и на уровне текста, передача релевантного для данного контекста значения безэквивалентной лексической единицы остается возможной, хотя и не всегда на аналогичном уровне и в полном объеме.

Безэквивалентные единицы и лексические лакуны выявляются в «парах»: если в одном языке есть безэквивалентная единица, то в сопоставляемом языке — лексическая лакуна и наоборот.

Под **лексической лакуной** мы понимаем* отсутствие в одном языке однословного наименования для общеизвестного предмета/явления при наличии такового (однословного наименования) в другом языке. Абсолютная лакуна — это синтаксически объективированное содержание концепта, которое может быть представлено по-разному: компактным словосочетанием, громоздким словосочетанием, развернутым описанием, которое, как заметил В. И. Жельвис, «развернуто не для того, чтобы наиболее полно определить нечто известное, а за неимением (добавим: ненужностью, неактуальностью в данном обществе. — Е. Б.) подходящего понятия» (Жельвис, 1977, с. 140). При отсутствии в языке соответствующей лексической единицы в случае коммуникативной необходимости лакуна элиминируется на уровне синтаксиса, расчлененно.

Безэквивалентность лексических единиц, так же как и лексическая лакунарность, связана с различным видением мира разными народами — это проявляется в том, что носители одного языка не всегда закрепляют в понятиях и значениях лексических единиц то, что фиксируют носители другого языка. Однако отсутствие стабильного, системного языкового выражения в том или ином языке еще не свидетельствует об отсутствии концепта. Концепт в языке, представленный лакуной, свидетельствует о его коммуникативной нерелевантности, а не о его отсутствии в национальном сознании носителей языка. Видимо, предметы / явления действительности, выраженные однословно, более актуальны в культуре носителей одного языка, чем в другой культуре.

Вот что по этому поводу пишет Е. С. Кубрякова в исследовании «Язык и знание», полемизируя с Л. О. Чернейко: «Я бы не стала категорически утверждать, что “коллективный разум не “видит” того, что не названо словом”, или же того, что “при отсутствии у человека (в его идиолекте) слова, связанного с неким фрагментом действительности, отсутствует в его сознании и сам фрагмент” <...>. В сознании человека многие фрагменты действительности представлены образами, и многое может попасть в поле его зрения и быть увиденным (и понятым) без наличия для него специального обозначения. В памяти человека нередко всплывают целые эпизоды, с языком не связанные, да и хранятся в ней самые разные отпечатки прошлого — лица, вещи, целые сцены — и мы можем “прокрутить” по желанию различные фрагменты нашей жизни и даже сопоставлять их. Память причудливо связана с языком, однако в ней, несомненно, есть место и несловес-

---

* См. подробнее нашу работу (Бердникова, 2006).

ным образом <...>. Но, действительно, то, что “схвачено знаком” и получило свое название, свое имя в языке, обладает для человека исключительной значимостью, а потому играет в осуществлении мыслительных процессов едва ли не основополагающую роль» (Кубрякова 2004: 305). Кроме того, концепты могут быть личными или принадлежать малой группе людей (в этом случае они будут иметь только личные или групповые наименования, но не общеязыковые).

Как замечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, проблема соотношения лакуны и концепта на практике не так проста. Многие концепты остаются невербализованными, и их бывает очень сложно обнаружить. Однако в наличии или отсутствии концептов и проявляется наиболее ярко национальная специфика концептосфер народов (Попова, Стернин, 2003).

Безэквивалентность и лексическая лакунарность носит относительный характер, поэтому ее следует рассматривать только применительно к конкретной паре языков. Например, в немецком языке нами выявлена безэквивалентная единица *Mop*, *m*, для которой нет перевода в виде слова в русском языке. Определение значения этой единицы ‘мягкая веревочная щетка для подметания пола’ используется для описания содержания лакуны в русской лексической системе: указывается содержание лакуны и обязательно приводится фоновая единица языка сопоставления, послужившая основой обнаружения лакуны. Соответственно, русско-немецкая лакуна — это лакуна в русском языке, выявленная на фоне немецкого языка, а немецко-русская лакуна — это лакуна в немецком языке, обнаруженная на фоне русского. Фоновая единица приводится для сравнения на языке оригинала как доказательство существования соответствующей языковой единицы в одной из языковых систем или подсистем.

Приведем примеры лексических лакун, выявленных нами в русском и немецком языках:

русско-немецкие лакуны

(картонная) подставка под кружку с пивом — ср. нем. *Bierdeckel*, *m*;

заявление о предоставлении лечебной (санаторной) путевки — ср. нем. *Kurantrag*, *m*;

отличительная цветная маркировочная пленка, наклеиваемая на магнитофонную ленту — ср. нем. *Kenntband*, *n*;

водитель, поставивший машину на кратковременную стоянку — ср. нем. *Kurzparken*, *m*;

(цветная) пленка для съемки при искусственном освещении — ср. нем. *Kunstlichtfilm*, *m*;

немецко-русские лакуны

Tischmeister bei Festessen (Tamada, m) — ср. рус. *тамада*;
geistig unentwickelter junger Mann — ср. рус. разг. ирон. *недоросль*
(*недоучка*);
(vom ganzen Kollektiv ausgeführte) Kampagnearbeit — ср. рус. перен.
разг. *аврал*;
ein auf Vertragsbasis (nicht fest) eingestellter Beschäftigter, ein stundenweise Beschäftigter — ср. рус. разг. *договорник*;
eine wahre Geschichte, ein wahrer Vorfall — ср. рус. *быль*.

Содержание национального понятия, выраженного компактно (существующего в национальном языке как «отдельность»), передано в другом языке развернутым словосочетанием.

В большинстве случаев можно обнаружить лакуны культурного характера, или культурологические (этнографические), выделение которых основывается на том факте, что отражение действительности, закрепленное в разных языках, не бывает полностью идентичным. Например, можно отметить следующие культурно-специфические факты: немецкий завтрак не столь обилен как русский, традиционны кофе, бутерброды, часто отсутствуют горячие блюда. Немецкий обед зачастую состоит из двух блюд: основным блюдом (Hauptgericht) служит «второе» (в нашем понимании), как правило что-либо мясное. Традиционными для немецкого ужина являются салаты, некоторые холодные блюда из мяса или рыбы (Воробьев, 1994, с. 14).

Таким образом, очевидно, что «наш» завтрак, обед и ужин не такие, как в Германии, тем не менее, наименования вышеперечисленных видов приема пищи мы переводим словами *Frühstück*, n, *Mittagessen*, n, *Abendbrot*, n / *Abendessen*, n, и так в бесконечном ряде случаев. При всех этих различиях основная идея все еще является общей для соотносительных слов в разных языках. Такая социально-культурная окраска соответствующих слов еще не противоречит возможностям коммуникации, хотя мы осознаем, что данные понятия находятся на пути к расхождению. Можно привести примеры понятий, национальная окраска которых оказывается достаточно сильной, чтобы повлиять на их содержание и сделать соответствующее слово лакуной для другого языка. Так, немецкое *zweites Frühstück* ‘второй завтрак’ не находит своего отражения среди видов приема пищи в России. При переводе данного фрагмента переводчик опускает один из компонентов словосочетания *второй завтрак*, что приводит к текстовой подмене одного вида приема пищи другим: *Rosie findet in ihrer Hosentasche ein halbes*

Brötchen vom zweiten Frühstück (M. L. Kaschnitz. Lange Schatten); *Пози нащупывает в кармане оставшийся от завтрака кусок булки* (М. Л. Кашниц. Длинные тени).

Поскольку немецкий завтрак не столь обилен, как русский, часов в одиннадцать немцы завтракают второй раз. Однако, по-видимому, нельзя говорить о наличии в русской национальной концептосфере такого концепта, как второй завтрак. Сознание народа данное явление как бы «не замечает»; несмотря на то, что мы, например, перекусываем (чаевничаем) в любое время суток, но данный вид приема пищи никак не называем.

Этнографические лакуны связаны, в первую очередь, с отсутствием концепта в сознании инокультурного реципиента, поэтому элиминирование таких лакун в лексической структуре текста — задача достаточно сложная. Нужно не просто передать содержание слова исходного языка, но и сохранить его национальный колорит. Приемы транслитерации и калькирования указывают на принадлежность реалии к быту и культуре исходного языка, тем самым обращая внимание инокультурного реципиента на национальное своеобразие стоящего за данной реалией понятия. Однако данные способы не раскрывают значения иноязычной лексической единицы, и такого рода слова читателю, не знающему исходного языка, без соответствующих пояснений остаются непонятными. Использование приближенного или трансформационного перевода при элиминировании этнографических лакун облегчает понимание текста инокультурным реципиентом, но вместе с тем дает неверное представление о предмете или явлении другой культуры. Описательный перевод, как известно, раскрывает с помощью (описательного) словосочетания существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления. На наш взгляд, выбор способа перевода зависит от нескольких факторов: от характера текста, от значимости данного понятия в контексте, от словообразовательных возможностей языка, от фактора адресата.

Таким образом, особенности языковой картины мира определяются отражением специфических элементов данного языкового коллектива. К более специфичным «составляющим» национальной языковой картины мира на лексическом уровне относятся лакунарные и безэквивалентные единицы, которые демонстрируют нам примеры различной степени «отстояния» от универсальных основ мировидения. Именно через безэквивалентные единицы и лексические лакуны проявляется в большей степени национально-культурное своеобразие мира представителями различных языковых коллективов.

Литература

Бердникова Е. В. О содержании понятия «лексическая лакуна» // Вестник ИНЖЭКОНА [Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета]. 2006. № 3 (12). С. 352–355.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1990.

Воробьев Ю. А. Лексика немецкого языка в культурологическом аспекте: Опыт лексикологического описания на материале тематической группы «пища»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1994.

Жельвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения: Сб. ст. / Отв. ред. А. А. Леонтьев. — М.: Наука, 1977. С. 136–146.

Кашниц М. Л. Длинные тени // Кашниц М. Л. Длинные тени: рассказы / Пер. с нем. — М.: Известия, 1983. С. 30–37.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки слав. культуры, 2004.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. — 3-е изд., доп. и испр. — Воронеж: Истоки, 2003.

Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. — М.: Высшая школа, 1988.

Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. С. 60–74.

Kaschnitz M. L. Lange Schatten // Lange Schatten: Erzählungen. 5 Auflage. — Hamburg: [s. n.], 1961. S. 5–14.

II. ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА. ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ

С. Г. Ильенко (Санкт-Петербург)

«БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА» — ПОВЕСТЬ «ШУТКИ РАДИ» ИЛИ ЕЩЕ ОДИН ПУШКИНСКИЙ ПОИСК ПУТЕЙ К НОВОЙ ПРОЗЕ

Проза его — венец словесной прозрачности.
Сама действительность, если бы захотела расска-
зать о себе, заговорила бы умной прозой Пушкина.

Ю. И. Айхенвальд

При всей противоречивости оценок «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» «Барышне-крестьянке» достаётся особо: «Рядом со слабыми и маловероятными анекдотами “Барышня-крестьянка” и “Метель” мы встречаем потрясающий рассказ “Станционный смотритель”» (Лернер, 1923, с. 33–34)¹. Самым ярким предшественником Н. О. Лернера в этом отношении был В. Г. Белинский, заявивший, что «они («Повести Белкина». — С. И.) не художественные создания, а просто сказки и побасенки» (Белинский, 2000, с. 76). Реабилитация, наиболее последовательная и убедительная, появилась уже у Ап. Григорьева: «Белкин пушкинский был первым выражением критической стороны нашей души, очнувшейся от сна, в котором грезились ей различные миры» (Григорьев, 1967а, с. 123); и еще: «Умел отбрасывать то, что не нужно, и сохранять то, что нужно», но ничего не исключая:

---

¹ Характерна оценка ситуации выхода в свет «Повестей Белкина», данная Ап. Григорьевым: «Пробовал ли читатель в лета своей зрелости перечитать “Повести Белкина”. Эти повести, которые в лета пылкой молодости привели их в негодование за упадок таланта и сил певца Алеко и Пленника, повести, из которых некоторые казались им ужасно пустыми, как “Метель”, а некоторые даже водевильными, как “Барышня-крестьянка”. Они только в первой из них, в “Сильвио” (имеется в виду “Выстрел”. — С. И.), видели отражение пушкинского гения, именно потому, что здесь остался след борьбы с мучительным и тревожным идеалом» (Григорьев, 1967б, с. 517).

«ни тревожно романтического начала, ни юмора здорового рассудка, ни страстности, ни северной рефлексии» (там же).

В этой же модальности трактуются «Повести Белкина» и в знаменитом венгерском издании начала XX века. В статье, принадлежащей А. Искозу (А. Долинину), читаем: «...нам представляется, что однажды Пушкин встал в очень веселом настроении, посмотрел на милый его сердцу деревенский пейзаж, на желтеющий с золотым отливом невдалеке лес, на невысокие косогоры <...>, вспомнил про веселую, живую в непосредственном кокетстве, способную выкидывать различные штуки, уездную барышню — пришел от всего этого в шаловливое состояние, которое было так свойственно его не угасавшему с годами темпераменту, и написал *дивную грациозную* шутку — повесть “Барышню-крестьянку”» (Искоз, 1910, с. 197; выделено нами. — С. И.).

Как видим, оценка «шутка» у А. Искоза сохраняется, но не ставится под сомнение ни жанровая «квалификация» — **повесть**, ни эстетические достоинства — **дивная**, а главное — **грациозная**, т. е. поэтически звучащая. Статья А. Искоза возникает в данном случае в памяти не случайно — именно эти две им затронутые (пусть как бы намеком) идеи: 1) что же такое пушкинская проза (повесть) в отличие от поэзии, самобытность которых он последовательно отстаивал и теоретически, и своим творчеством; 2) в чем и как проявляется «грациозное» «поэтическое прошлое» «начинающегося прозаика», элементы которого он сознательно сохранял, естественно, в принципиально перерожденном виде, — до сих пор остаются самыми актуальными при анализе первой завершенной пушкинской прозы.

Развитие каждой из этих идей имеет в пушкинистике свою интересную и разветвленную историю, иногда представленную одна от другой в некой «изоляции», но, естественно, «не обходящуюся» одна без другой и в конечном итоге представившуюся как некое взаимосвязанное единство. Наиболее заостренно (что не означает «убедительнее, чем во всех других попытках») это было продемонстрировано немецким славистом В. Шмидом в статье «Проза и поэзия в повестях Белкина», публикацию которой представлял в 1989 году А. П. Чудаков.

Любопытно, что, характеризуя особенности прозы, В. Шмид отталкивается от смыслового употребления этого понятия у самого Пушкина, привлекая при этом «Словарь языка Пушкина». В результате его трактовка прозы сводится к таким общим ее характеристикам, как нестихотворность (1), установка на план содержания, подразумевающего соответствие жизненной правде (аутентичность), прозаично-

сти изображаемого мира (2), простота выражения, освобождение от всяких поэтических украшений (3) (Шмидт, 1989, с. 318–319).

Естественно, делается попытка, причем небезуспешная, расшифровать известное высказывание Пушкина о прозе: «Она требует мыслей и мыслей: блестящие выражения ни к чему не служат» (Пушкин, 1949, с. 14). В. Шмидт видит в этом пушкинском требовании прежде всего установку на обработку собственно **предметного плана**, на изображение «предметов в их логических и причинно-следственных связях», «в устранении каких бы то ни было препон между словами и предметами», «в освобождении от всяких украшений» (Шмидт, 1989, с. 317). Вместе с тем проза, с точки зрения Пушкина, должна сохранять и следы поэтичности, но отнюдь не слепо перенесенные из поэзии. В создании «прозаической поэтичности» и, как следствие, в аналитическом ее нахождении — вся сложность исследования прозы, тем более «Повестей Белкина».

Стремясь обнаружить тайну пушкинского эмоционально-поэтического воздействия на читателя, В. Шмидт видит ее прежде всего в новом овладении поэтом **жанром новеллы**. Новеллы Пушкина — это не просто сжатый рассказ с «подчеркнутой сюжетностью», но рассказ-повествование с непременным включением в него своеобразных **поэтических структур**. Именно это последнее обстоятельство и приводит исследователя к весьма лестной оценке развития русского словесного творчества: «Пушкин не только создает первые образцы этого жанра в России, но и обогащает жанровые возможности европейской новеллистики и дает решающий толчок ее дальнейшему развитию» (Шмидт, 1989, с. 321).

В чем же, однако, В. Шмидт усматривает пушкинские приемы опозитивирования прозы? Он сводит их к трем основным:

– к парадигматизации текста — введению в него «сети эквивалентностей (сходств и противопоставлений)», характерных для плана содержания и соответствующей композиции, что особенно проявляется в системе **тематических** сходств и контрастов; «Поэтическое, — подчеркивает В. Шмидт, — предусматривает господство парадигматического порядка, т. е. вневремененной и внепричинной связи мотивов, над синтагматической упорядоченностью, т. е. над смежностью слов и временно-причинной связи мотивов» (Шмидт, 1989, с. 322); этот принцип убедительно иллюстрируется симметрической композицией «Выстрела»;

– к введению в текст явлений мышления «метафизического» или «языкового», заключающегося «в отмене немотивированности слова по отношению к обозначаемой им вещи», — отсюда **развертывание**

тропов и пословиц (этот принцип демонстрируется обыгрыванием слов зрителя со ссылкой на Евангелие от Иоанна, гл. X, стих. 12): «ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест», а также использованием пословиц (*Суженого конем не объедешь* в «Метели», *На чужой манер хлеб русский не родится* в «Барышне-крестьянке» и др.);

– к обособленности отдельных мотивов, а следовательно, эпизодов для придачи им большей смысловой значимости (определенной символичности). Этот последний прием демонстрируется эпизодом, связанным с появлением стационарного зрителя в Дунином доме в Петербурге: *В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости, Дуня, одетая со всей роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы.* В особой выразительности этого эпизода (мотива) сомневаться, действительно, не приходится, но «закадровое его прочтение» В. Шмидом вызывает некоторое недоумение, тем более что в данном случае есть дополнительная ориентация и на парадигматический прием (вспоминается умение дочери зрителя «усмирять» сердитых и грозных проезжающих) и на прием развертывания пословиц и тропов («наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы», ср. *обвести вокруг пальца*, отсюда — Дуня «хозяйка положения»; «сверкающие (брильянтами) пальцы» трактуются как умение дочери стационарного зрителя «с большой ловкостью достигать всех своих целей»). Завершается же этот разбор безапелляционным выводом: «В мнимой поэзии любви... читатель должен обнаружить вполне прозаические черты» (Шмид, 1989, с. 326). Не знаю, как воспринимают анализ В. Шмида другие читатели, но для меня, как читателя, эта сцена продолжает сохранять свою поэтичность.

Тем не менее, характеризуя подход В. Шмида к соотношению «двух ликов» в «Повестях Белкина» — основного прозаического и сопутствующего, поэтического, — следует во многом с ним согласиться.

Но и та и другая творческая стихия, представленная В. Шмидом, далеко не исчерпана. В данном случае на примере «Барышни-крестьянки» хотелось бы дополнить характеристику прозаизации таким ее важнейшим показателем (может быть, главнейшим), как введение системы диалогов, а характеристику поэтичности — обнаружением своеобразия «образа автора», а не просто повествователя.

Начнем с первого. Давно замечено, что свой путь «прозаика» Пушкин начинает с прозаизации поэзии — прежде всего, в «Графе Нулине» и «Домике в Коломне», в так называемых «поэтических анекдотах», но принципиально по-новому — в «романе в стихах»

«Евгении Онегине». Одним из ярких приемов при этом оказывается введение диалогов. Напомним первую строфу III главы: «— Куда? Уж эти мне поэты! Прощай, Онегин, мне пора...», диалог Татьяны с няней, Онегина с князем, мужем Татьяны, на рауте в Петербурге и целый ряд других. Но это все, как правило, непосредственное введение диалогов. В повести же создается принципиально новая система — система **диалогом**.

Диалогема — фрагмент текста, включающий в себя диалог персонажей и соответствующее его «авторское сопровождение», обладающее такими функциями как 1) предуведомление, «сигнал к началу», презентация диалога, 2) обстоятельства и характер его протекания, 3) сигнал завершения. Диалогемы, обладающие полным набором соответствующих функций, следует определять как распространенные или полные; диалогемы же, в которых названные функции представлены не полностью, — нераспространенными или неполными. С точки зрения квалификации собственно «диалогической части» диалогом их можно противопоставить как монотематические (простые) политематическим (сложным).

Насколько важно авторское сопровождение диалога, можно проиллюстрировать заключительной сценой из «Барышни-крестьянки»:

«И Алексей спрыгнул с лошади, отдал поводья в руки лакею и пошел без доклада.

“Все будет решено, — думал он, подходя к гостиной, — объяснюсь с нею самою”. Он вошел... и остолбенел! Лиза — нет, Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платьице сидела перед окном и читала его письмо, она так была занята, что не слыхала, как он вошел. Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. Он бросился ее удерживать. “Акулина, Акулина!..” Лиза старалась от него освободиться... “*Mais laissez-moi donc, monsieur; mais êtes-vous fou?*” — повторяла она, отворачиваясь. “Акулина! друг мой, Акулина!” — повторял он, целуя ее руки. Мисс Жаксон, свидетельница этой сцены, не знала, что подумать. В эту минуту дверь отворилась, и Григорий Иванович вошел.

— Ага! — сказал Муромский, — да у вас, кажется, дело совсем уже слажено...

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку».

Но ведь эта возможность «не описывать развязку» обеспечивает ярко включенная в текст диалогема, в которой главным оказываются не реплики персонажей (тем более что Алексей Берестов способен в этой ситуации произнести только обращение «Акулина! друг мой,

Акулина!)), а психологически выверенное авторское сопровождение¹. В «Барышне-крестьянке», может быть, последовательнее (или, по крайней мере, очевиднее), чем в других повестях Белкина, обнаруживается то переплетение прозаической и поэтической стихий, которое В. Шмид не без основания считает наиболее яркой чертой новеллы, трактуемой им как **важнейший** жанр, служащий для возможного со вмещения поэзии и прозы, как «идеальный мостик перехода» от первой ко второй. Композиционно-ритмо-рифмическая симметричность, присущая поэзии, проявляется в прозе прежде всего в подчеркнутой симметричности мотивов событийно-повествовательных ходов. И если «Случай» и «Самозванство» можно признать основами сюжеторазвития в «Повестях Белкина», то «симметрия» их появления в «Барышне-крестьянке» не может быть не замечена. «Случай» присутствует в завязке, когда ранее «враждующие отцы» («новоявленные Монтеки и Капулетти») **случайно** мирятся и становятся приятелями, договаривающимися о браке детей. «Случай» раскрывает влюбленному Алексею тайну Лизы Муромской, шаловливо выдававшей себя за крестьянку Акулину.

Второй мотив — «Самозванство» — обнаруживает себя во всех наиболее значимых содержательных событиях, происходящих в повести. В сцене знакомства молодых героев как самозванка ведет себя не только Лиза-Акулина, но и Алексей Берестов, выдавая себя за камердинера «молодого барина». В сцене первого визита Берестова в дом Муромских оба влюбленных снова «под маской»: Лиза — «блестящей», «беленькой» (благодаря белилам) барышни, Алексей — «разочарованного мрачного байронического» героя. В последней сцене, заключающей весь цикл («конец повестям И. П. Белкина»), неожиданно обнаруженная Алексеем его «смуглая Акулина», все еще продолжая «маскарадную игру», скрывается под маской весьма благопристойной, разыгрывающей ситуацию какого-то досадного недоразумения Лизы Муромской, пытаясь «отпугнуть» и «отрезвить» пылкого влюбленного безукоризненным французским языком.

Поэтическая симметрия пушкинских новелл проявляется и в «однотипных» развязках ситуаций. Речь идет не только о «счастливом

---

¹ Тем более обидно, что поэтический колорит этой сцены «Повестей Белкина» утрачен в очень неточной передаче этого в известной монографии знаменитого исследователя русской культуры Анри Труайя: «Так же как Татьяна в последней песне поэмы, Лиза читает письмо возлюбленного. Но, в отличие от Татьяны, она не отталкивает этого посетителя, бросившегося к ее ногам. Она ему все объясняет. Довольные родители благословляют детей, соединившихся волею случая» (Труайя, 2005, с. 170).

(или благополучном) конце», но и о намеке на возникшие осложнения. Один из вдумчивых исследователей повестей усмотрел этот намек и в «Барышне-крестьянке». Он реализован в семантически многозначном междометии Муромского «Ага!». (Если говорить о его «звучковом облике», то оно, действительно, скорее устрашающее, чем радостное.)

Главным же «прозаическим признаком» «Барышни-крестьянки» следует признать широкое (по сравнению с другими повестями) использование диалогом. Именно эту текстовую структуру Пушкин прежде всего и использует, описывая увлечение, а потом и возникновение любовного чувства между «странной крестьянкой» и молодым Берестовым.

Это поистине упоительные и захватывающие читателей (особенно читательниц) картины расцвета молодых, тянущихся друг к другу сердец, их безудержное веселье, озорство, вполне оправдывающее затейный маскарад и лукавое притворство. Но здесь тоже проявляется определенный парадокс: диалогема — признак прозы. И в данном случае он присутствует в социальной окрашенности введенных диалогов. Обратим внимание лишь на два весьма выразительных штриха. Первое. Формально ведущим диалог является барин Берестов. И он вправе задавать вопросы: «Откуда ты?», «Как тебя зовут, душа моя?», «И ты не обманешь меня?», хотя если иметь в виду реализацию коммуникативных интенций, то первенство окажется за Акулиной (Лизой). Второе. В отмеченности социальных взаимоотношений существенную роль играет обращение. Крестьянка представилась Акулиной, влюбленный Алексей так чаще всего к ней и обращается (наряду с «душа моя», «милая», «мой друг Акулина», «милая Акулина»). Акулина обращается к Алексею, ориентируясь только на одно слово «барин». Впрочем, Алексей не счел нужным представиться ей по имени. «Презренной прозой говоря», Пушкин тонко использовал категорию обращения в функции регулятора социальных отношений, как принято об этом говорить в лингвистике. Но парадокс заключается в том, что прозаический прием ведения диалога поэт Пушкин наполнил поэтическим содержанием.

Литература

Белинский В. Г. Повести, изданные Александром Пушкиным // А. С. Пушкин. Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. — СПб., 2000. Т. 1. (Сер. «Русский путь»).

Григорьев Ап. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина: Статья первая // Литературная критика. — М., 1967а.

Григорьев Ап. Граф Толстой и его сочинения // Литературная критика. — М., 1967б.

Искоз А. Повести Белкина // Библиотека великих писателей: Пушкин / Под ред. С. А. Венгерова. — СПб., 1910. Т. 4.

Лернер Н. О. Проза Пушкина. — М., 1923.

Пушкин А. С. О прозе // Собр. соч.: В 10 т. / Под ред. Б. В. Томашевского. — М.; Л., 1949.

Труайя А. Пушкин. Биография. Т. 2. — СПб., 2005.

Шмид В. Проза и поэзия в «Повестях Белкина» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48. № 4.

Н. С. Болотнова (Томск)

О СВЯЗИ КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИЕЙ

Современная лингвистическая парадигма, для которой характерны антропоцентризм, экспансионизм, функционализм, экспланаторность (Е. С. Кубрякова), стимулировала возникновение новых научных направлений, истоки которых связаны с уже имеющейся лингвистической традицией.

В задачи статьи входит выявление общности и различий **функциональной лексикологии**, успешно разрабатываемой в РГПУ им. А. И. Герцена (ср. работы В. В. Степановой (1988; 1990; 2006 и др.), Н. Е. Сулименко (1988; 2004; 2007 и др.), В. Д. Черняк (1990; 2008; Козырев, Черняк 2004 и др.), И. Г. Проскуряковой (1994), Т. А. Трипольской (1999), Е. В. Сергеевой (2002), Л. Н. Чурилиной (2003) и др.), и **коммуникативной стилистики текста**, развивающейся в Томском государственном педагогическом университете.

Коммуникативная стилистика текста опирается на достижения функциональной лексикологии, возникновение которой в 80—90-е годы связано с именем В. В. Степановой — тонкого ценителя и знатока русского слова, неоднократно отмечавшей неисчерпаемость его семантического потенциала, нежесткость семантической структуры, непрерывность семантического развития. В. В. Степановой была намечена общая тенденция развития функциональной лексикологии: «От слова в его системных связях — к слову в тексте, от слова как элемента текстовой системы к слову как воплощению концептуального содержания, как средоточию культурной памяти народа — таково есте-

ственное движение нового функционального направления в лексикологии» (Степанова, 2006, с. 6–7).

Дальнейшее успешное развитие функциональной лексикологии связано с работами Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк, Л. Н. Чурилиной и др. В исследованиях Н. Е. Сулименко, например, разрабатывается антропоцентрический подход к языку в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, а также идеи лингвосинергетики применительно к тексту и его лексической организации (Сулименко 2004; 2007 и др.). В трудах В. Д. Черняк исследуются достижения современной лексикографии, анализируются особенности современного словоупотребления (Черняк 1990; 2008; Козырев, Черняк 2004 и др.). В работах Л. Н. Чурилиной изучается концептосфера художественного прозаического текста (Чурилина 2003). Данный перечень можно было бы продолжить.

Коммуникативную стилистику текста сближает с функциональной лексикологией, во-первых, признание ключевой роли слов в общении (Степанова 1988; 1990; 2006; Сулименко 1988; 2004; 2007; Болотнова 1992; 1994; 2007); во-вторых, особый интерес к ассоциативным связям слов: «Ассоциативные связи лингвистически интерпретированы пока лишь в самом общем плане» (Степанова 2006: 17). В-третьих, у коммуникативной стилистики текста и функциональной лексикологии имеется общая проблематика: функционирование слов в разных сферах коммуникации; лексическая репрезентация концептов; исследование лексической структуры текста, включая разработку текстовой лексической парадигматики.

Вместе с тем имеются и существенные различия у данных научных направлений, касающиеся их целей, теоретической базы, понятийно-терминологического аппарата, методики исследования. Чтобы показать это, остановимся подробнее на особенностях коммуникативной стилистики текста. Это одно из направлений современной функциональной стилистики, опирающееся на достижения функциональной лексикологии, формирующееся на стыке с другими науками, комплексно изучающее целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации и явление идиостиля. В связи с этим можно говорить о расширении предмета изучения стилистики текста, выделенной В. В. Одинцовым (Одинцов, 1980) в 80-е годы, изменении ее целей и задач.

В задачи коммуникативной стилистики входит разноаспектное рассмотрение текста как формы коммуникации, в которой отражается как стилистический узус, так и идиостиль автора. То и другое определяется с новой, коммуникативно-деятельностной точки зрения, с учетом того, как текст устроен и ориентирован на адресата, как он действует, «работает» в процессе познавательной деятельности читателя,

как разные авторы организуют эту деятельность средствами текста и его особой организацией. Конкретизация задач коммуникативной стилистики текста связана с тремя ее основными направлениями, формирующимися на стыке с психолингвистикой, прагматикой и герменевтикой в соответствии с психолингвистическим, прагматическим, информативно-смысловым аспектами общения как текстовой деятельности. Речь идет о теории регулятивности (Болотнова, 1998а; 2003а и др.), теории текстовых ассоциаций (Болотнова 1994; 1998б и др.), теории смыслового развертывания текста (Болотнова 1992; 2002; Коммуникативная стилистика... 2001). Связанные с ними направления коммуникативной стилистики текста дополняют друг друга, основываясь на изучении словных и сверхсловных единиц и лексической структуры текста. Исследуя коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте, можно выявить не только эстетический смысл произведения и механизм его формирования, но и стиль автора, «стоящего» за текстом, который проявляет себя и свое видение мира в слове.

Коммуникативная стилистика текста интенсивно разрабатывается в последние годы в связи с новой лингвистической парадигмой, приобретая когнитивный характер (см. подробнее: Болотнова 2003 б; 2006; 2007 и др.). В рамках этого направления, которое сначала ориентировалось только на изучение художественного текста, затем вышло за его рамки, за исходные были взяты положения о том, что в тексте отражаются не только фрагмент действительности и языковая система, «стоящая» за текстом (включая стилистический узус), но и языковая личность автора во всем многообразии ее проявлений с учетом модели Ю. Н. Караулова (1987) (лексикон автора, его семантикон, информационный тезаурус, цели и мотивы, ассоциации). В тексте находит отражение и образ адресата, который «входит» в произведение, пронизывает его ввиду коммуникативной природы текста.

Коммуникативная стилистика является не только деятельностной по своей направленности, но и интегративной, ориентированной на комплексный подход к тексту с учетом отраженных в нем лингвистических и экстралингвистических факторов общения. Для данного направления характерен интерес как к отдельным элементам текстовой системы (прежде всего лексическим) с учетом их роли в коммуникации, так и к структуре, семантике и прагматике целого текста, в котором эти элементы получают свою коммуникативную определенность, информативную значимость и прагматический заряд. В рамках коммуникативной стилистики текста изучается его речевая организация с точки зрения ее соотношенности с конкретным содержанием текста,

авторской интенцией и коммуникативно-прагматическим эффектом. Стилистический узус при этом, несомненно, учитывается, но главным является исследование как общих, так и индивидуально-авторских закономерностей стилистической организации текста, обеспечивающих наибольшую эффективность совместной текстовой деятельности автора и адресата.

Коммуникативную стилистику интересуют закономерности смыслового восприятия текстов разных типов исходя из заложенных в них коммуникативных стратегий и смысловых программ с учетом стилистических параметров текста; средства и способы достижения коммуникативного эффекта; коммуникативные универсалии, имеющие лингвистическую основу, в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Данное научное направление основано на системно-деятельностном подходе к структуре текста и его семантике, ориентировано на общий смысл целого текста и только через это — на особенности идиостиля автора.

От других наук (прагматики, психолингвистики, психопоэтики, филологической герменевтики), опирающихся на теорию речевой деятельности, коммуникативная стилистика отличается пристальным вниманием к лингвостилистическим аспектам речевого общения в их текстовом воплощении. При этом исследование структурно-смысловой организации текста с точки зрения коммуникативного эффекта рассматривается как обусловленное рядом факторов, включая стилистический узус и идиостиль автора. С другими областями знания коммуникативную стилистику текста сближает интерес к языковой личности, «стоящей за текстом» (Ю. Н. Караулов), внимание к процессам восприятия, интерпретации и понимания текста, а также общая направленность на эффективность речевого общения.

От функциональной лексикологии коммуникативную стилистику отличает интерес к многоаспектным проявлениям идиостилевых особенностей текстовой деятельности автора, включая лексическое структурирование текста с учетом его системных качеств, общей системно-структурной организации, семантики и прагматики. Изучение лексической репрезентации концептов осуществляется в аспекте идиостиля в сопоставлении со стилистическим узусом; концептуальная структура текста рассматривается с точки зрения его ассоциативно-смыслового развертывания с опорой на теории регулятивности и текстовых ассоциаций.

Для функциональной лексикологии характерен подход **от слова**, исследование коммуникативных ориентиров в семантике слова, изучение функционирования слов и классов слов (парадигм) в тексте, ро-

ли лексических единиц в формировании отдельных концептов. Для коммуникативной стилистики характерен подход **от текста**, его коммуникативно обусловленной системно-структурной организации с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов и категорий текстообразования, отражающих творческую индивидуальность автора, его картину мира и идиостиль (он проявляется многообразно, включая использование характерных для автора средств и способов организации диалога с адресатом). В изучении сотворчества автора и читателя объектом особого внимания являются лексические средства и лексическая структура текста в целом.

Таким образом, функциональная лексикология теоретически обогащает коммуникативную стилистику, которая, учитывая достижения функциональной лексикологии, преследует несколько иные цели и задачи, сближаясь с рядом смежных областей знания. Исследование текста как формы коммуникации и единицы культуры возможно на стыке разных научных направлений, которые, обогащая друг друга, способствуют дальнейшему расширению и углублению знаний о данном феномене.

Литература

Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992.

Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. — Томск, 1994.

Болотнова Н. С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*. 1998. — Opole, 1998 а. Вып. VII. S. 179–189.

Болотнова Н. С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // *Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века*. — СПб., 1998 б. С. 242–247.

Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте: поиск ключей к эстетическому коду // *Слово. Семантика. Текст: Сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. В. В. Степановой / Отв. ред. В. Д. Черняк*. — СПб., 2002. С. 137–143.

Болотнова Н. С. Регулятивность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной*. — М., 2003 а. С. 328–331.

Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // *Сибирский филологический журнал*. 2003 б. № 3–4. С. 198–207.

Болотнова Н. С. Методики анализа концептуальной структуры художественного текста // *Слово — сознание — культура: Сб. науч. тр. / Сост. Л. Г. Золотых*. — М., 2006. С. 309–318.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста.. 3-е изд, доп. — М., 2007.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: Пособие для вузов. — М., 2004.

Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. — Томск, 2001.

Одинцов В. В. Стилистика текста. — М., 1980.

Проскурякова И. Г. Слово в учебном тексте. — СПб., 1994.

Сергеева Е. В. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2002.

Степанова В. В. Обусловленность функционирования слов в тексте // Семантические и эстетические модификации слов в тексте. — Л., 1988. С. 3–10.

Степанова В. В. Функциональные ориентиры в семантике слова и их текстовое воплощение // Проблемы исследования слова в художественном тексте. — Л., 1990. С. 4–17.

Степанова В. В. Слово в тексте: Из лекций по функциональной лексикологии. — СПб., 2006.

Сулименко Н. Е. Семантические основы текстового слова: Метод. разработка и материалы к спецкурсу. — Л., 1988.

Сулименко Н. Е. Современный русский язык (слово в курсе лексикологии). — СПб., 2004.

Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа: Учебное пособие. — СПб., 2007.

Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. — Новосибирск, 1999.

Черняк В. Д. Текстовые проекции глагольных синонимических рядов // Проблемы исследования слова в художественном тексте. — Л., 1990. С. 27–38.

Черняк В. Д. Лексические доминанты Санкт-Петербурга: к истокам петербургского текста // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: Материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2007 г. — СПб., 2008. С. 19–26.

Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2003.

Т. А. Трипольская (Новосибирск)

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Проблемы прагматики и когнитивистики, традиционно относящиеся к разным направлениям, органично переплетаются и фокусируются на понятии языковой личности, в структуре которой неразрывно связаны когнитивный и коммуникативно-прагматический уровни. В последние годы предпринимаются попытки найти и описать «точки соприкосновения» и взаимодействия этих уровней в орга-

низации языкового сознания, во-первых, в теории и практике анализа языковой личности, во-вторых, в общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия.

Первичные речевые жанры (или речевые акты; далее — РЖ), как правило, рассматриваются в рамках семантико-прагматической и стилистической исследовательских парадигм (Дж. Р. Серль, А. Вежбицкая, М. Я. Гловинская, Т. В. Шмелева, В. В. Дементьев, К. А. Долинин, И. М. Кобозева, В. А. Салимовский, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк и др.). Попытки когнитивного анализа РЖ пока немногочисленны (Трипольская, 1999; Бычихина, 2004; Бердникова, 2005).

Отметим, что своеобразным толчком для когнитивных исследований речевых жанров послужили работы по изучению текстовой структуры (позднее — дискурса) с точки зрения когнитивных механизмов ее порождения (В. З. Демьянков, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, Н. Е. Сулименко, Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин, В. И. Карасик).

Исследования Н. Е. Сулименко, посвященные изучению лексической системы языка и разных аспектов языковой организации текста, идейно питают самые разные направления современного научного знания и являются основой для изучения художественной картины мира, воплощенной в тексте. Идеи о возможности и необходимости моделировать концепт с опорой на самые разные языковые структуры вполне применимы и к области речевых жанров. Ср.: «Концепт как единица концептуальной системы носителей языка предстает не только в имени фрагментов знания, но и является сверткой определенных ассоциативных полей, замыкающихся на концепте. Их развертывание обнаруживается и в ассоциативном эксперименте, в словарях (особенно активного типа, направленных от содержания, идеи к способам ее представления), и в текстах, дискурсе разного типа» (Сулименко, 2002, с. 13).

Опыт изучения эмотивно-оценочного дискурса свидетельствует о необходимости введения в семантико-прагматический контекст дополнительных исследовательских ориентиров (Трипольская, 1999). Так, определяющим для исследования эмотивно-оценочных речевых жанров (похвала и самопохвала, уничижение и самоуничижение и др.), как и для речевых актов других типов, является положение о том, что условия успешности речевых актов, сформулированные в прагматике, имеют, как правило, когнитивную основу (Дейк, 1989) — концептуальный фрейм (или сценарий) (Минский, 1979; Филмор, 1988; Дейк, 1989), который организует наше речевое поведение и позволяет адекватно интерпретировать речевое поведение других людей. Ср.:

«Когнитивная теория прагматики <...> должна стремиться к прояснению характера связей между различными когнитивными (концептуальными) системами и условиями успешности речевых актов в конкретных условиях» (Дейк, 1989, с. 12).

В этом случае РЖ просьбы, похвалы, благодарности и др. можно рассматривать как реализацию ментального сценария определенного типа. Специфика же организации и функционирования определенных речевых жанров служит основой для реконструкции когнитивных единиц.

Интуитивно говорящие «знают», как надо отказывать, обещать, хвалить, и это знание — часть наших знаний о мире (Ван Дейк, 1989). Существенной также оказывается наша языковая компетенция в реализации речевых намерений. Так, Д. Н. Шмелев использует понятие «идеальный ориентир», характеризуя имеющиеся у нас знания об использовании языковых единиц: «Присутствие в сознании носителей литературного языка представления о функционально-стилистической прикрепленности различных языковых форм служит скорее своего рода “идеальным ориентиром” при использовании языка в различных целях, чем неким безусловным императивом. Говорящий “знает”, как нужно сказать, говоря о том-то и том-то в такой-то обстановке, но чем непринужденней он может чувствовать себя в данной обстановке, тем свободней он нарушает указанные границы» (Шмелев, 1989, с. 15). Такое истолкование неимперативной природы языковых знаний, видимо, справедливо и для понимания сути когнитивного фрейма — информации, ориентирующей говорящего в выборе речевой стратегии, но не предписывающей ее. Говорящие знают языковые единицы, т. е. сведущи в а) семантике и референтных особенностях слова; б) синтактике, т. е. способах обращения со словом; в) прагматике, под которой понимается не только информация, фиксирующая отношение говорящего или адресата сообщения к ситуации, о которой идет речь, но и сведения об уместности/ неуместности использования данного слова в определенной ситуации, его коннотациях и его принадлежности к некоторому стилю речи.

Таким образом, когнитивное исследование дискурса и составляющих его РЖ базируется на следующих основаниях: понятие когнитивного фрейма, или сценария, прагматического понимания, прагматического контекста и схемы его анализа (Ван Дейк, 1989, с. 20).

Современная лингвистика пока не располагает исчерпывающей моделью когнитивного уровня языковой способности (тезаурусного уровня), однако имеются представления о типах информации, храня-

щейся в сознании, ее «упаковке», организации и взаимодействию (Караулов, 1987).

Представляется, что ментальный сценарий, обеспечивающий успешную коммуникацию, включает общие информационные блоки, необходимые для организации общения, и блоки, содержащие информацию о реализации конкретных речевых актов (отказа, который не приводит к коммуникативному провалу; благодарности, уместной в определенной ситуации; комплимента, который адекватно воспринимается адресатом; максимально эффективных просьбы, упрека, замечания, порицания и др.).

Так, для исследования эмотивно-оценочного дискурса наиболее существенными представляются три типа когнитивной информации: 1) знания о ценностных ориентирах социума, неразрывно связанные с обобщенными представлениями об эмоциях — эти знания «организованы» вокруг некоего концепта (например, морально нравственные концепты), актуального для говорящего коллектива; чем гуще сеть языковых знаков, отражающих эмотивно-оценочную интерпретацию внеязыковой ситуации, тем актуальнее она для носителей языка; 2) информация о типах речевого поведения, о речевых стратегиях, о путях построения речевых актов, в которых воплощается эмоционально-оценочное освоение мира; такая информация концептуализируется в виде ментального динамического (М. Минский) сценария; 3) знания собственно лингвистического характера, предполагающие освоение семантической, стилистической и прагматической специфики эмотивно-оценочного слова.

Ср., например, РЖ комплимента, который в современном русском дискурсе имеет специфические черты: а) оценивается не как высказывание, цель которого — сделать приятное собеседнику, но как недостаточно правдивое, б) вызывает вместо адекватной реакции (благодарности) стремление опровергнуть смущающую адресата высокую оценку, «оправдаться».

— *Тебе надо жениться. — После войны, если встречу такую женщину, как ты. — Ты делаешь мне комплимент? — Нет, это правда* (разг. речь; муж.); — *Я могу подумать, что вы собираетесь мне делать комплименты. Это не годится между старыми друзьями* (И. Тургенев. Провинциалка); — *Какая у вас замечательная кофточка! — Да что вы! Я ее сшила из старой шторки* (разг. речь; жен., высшее); — *Вы сегодня очаровательны! — Боже мой, да я едва волочу ноги!* (разг. речь; жен., высшее).

Опираясь на указанные компоненты ментального сценария комплимента, говорящий имеет шанс выбрать адекватную стратегию РЖ.

Применительно к другим типам РЖ можно говорить об иных ментальных составляющих, хранящихся в языковом сознании: представлении о статусных и гендерных характеристиках коммуникантов в ситуации просьбы, о психологическом типе собеседника, его самооценке, приверженности к этикетным нормам в реализации благодарности, похвалы, комплимента, упрека, отказа.

Результаты исследований, посвященных когнитивным сценариям (фреймам) РЖ, позволяют предположить, что немаловажным в реконструкции когнитивных сценариев мог бы стать так называемый отрицательный дискурсивный материал (ср.: «отрицательный языковой материал», который Л. В. Щерба предлагал использовать в лексикографической практике). Именно неудачные речевые акты демонстрируют сбои / лакуны в сценарии, которые могут стать вполне очевидными и для коммуникантов, и для исследователя. Речь идет как о глубинных, так и о ситуационных элементах фрейма.

Известно, что в процессе освоения родного языка никого специально не обучают отказывать, упрекать, поздравлять, советовать, делать комплименты или выражать отрицательную оценку, однако говорящие в той или иной степени овладевают этими коммуникативными навыками, «считывая» прототипические модели речевых жанров из речи окружающих. В русле поставленных задач особо интересны ситуации, когда 1) говорящий сам осознает, что не владеет какой-либо информацией о том, каким образом построить тот или иной речевой акт, и 2) когда в реальной коммуникации становятся очевидны смысловые лакуны, связанные с реализацией того или иного сценария.

В исследовании специфики ментальных сценариев (и их вариантов) неоценимым является дискурс психологических тренингов, во время которых участники включаются в экспериментальную деятельность, предполагающую моделирование различных, в том числе и коммуникативных, ситуаций. Интересен также сопровождающий эту деятельность и/или отсроченный анализ коммуникативных стратегий, выбора слова, системы интенций говорящих и психологического состояния участников тренинга.

Рассмотрим ситуацию, в которой руководитель тренинга работает с тренерами групп. Профессиональный психолог (тренер группы) предъявляет свою проблему: группа не слышит его просьб; эта же проблема существует не только в профессиональной, но и в повседневной коммуникации. Ему предлагается здесь и сейчас ПОПРОСИТЬ о чем-либо свою коллегу, которая на просьбу может реагировать так, как захочет, по обстоятельствам:

— *Катя, после тренинга у нас праздник. Я хочу, чтобы ты взяла организацию праздника на себя.* — *А я, Маша, этого совсем не хочу...*

Вторая попытка тоже неудачная: — *...я хочу, чтобы ты нам помогла, ты это замечательно делаешь...* Руководитель тренинга меняет участников ситуации: «просителем» теперь выступит другой участник тренинга, а «неудачница» Маша становится на время зрителем: — *Катя, после тренинга у нас праздник. Не сможешь ли ты нам придумать что-нибудь интересное?* — *Поживем — увидим. Что-нибудь придумаем.*

После демонстрации успешно реализованной просьбы представляется еще одна попытка участнику тренинга, заявившему о своих коммуникативных неудачах. И говорящий вновь демонстрирует отсутствие представлений о таком значимом элементе ментального сценария просьбы, как неравный коммуникативный статус адресанта и адресата. Отметим, что в другой ситуации этот коммуникант-неудачник вполне профессионально может проанализировать особенности речевого акта просьбы, включая все обязательные смысловые элементы. Это знания о том, как «устроены» те или иные речевые акты, знания «извне», привнесенные, например, филологическим образованием, а реализация указанных интенций, осложненная спонтанностью устной речи, дает сбой: ослабление последнего этапа порождения речи — контроля — выявляет «слабые места» в когнитивном сценарии речевого жанра просьбы.

Смысловой компонент «социальный статус» столь же существен в организации похвалы. Эта особенность речевого жанра ярче всего проявляется в случаях, когда высказывание адресовано «снизу вверх». Ср.:

(Идет обсуждение научных докладов. Молодой аспирант, анализируя прослушанные доклады, отзывается с похвалой о докладе своего научного руководителя). Профессор: — *Вот и Виктор Николаевич меня похвалил...* (все улыбаются, а автор похвалы весьма смущен) (разг. речь).

Следующая ситуация связана с неумением / трудностями / отказом от выражения благодарности. Одному из членов тренинга серьезно помогла группа, поэтому вербализованная благодарность — это вполне ожидаемая реакция от него. Но человек молчит; на вопрос о том, испытывает ли он благодарность к другим участникам тренинга, он отвечает положительно:

— *Наташа, раз ты испытываешь благодарность к людям, поблагодари их.* — (После молчания) *А я не умею.* — *Как это не уме-*

ешь? — Ну, слов не знаю. — Не знаешь слова «спасибо»? — Знаю, конечно. — Так в чем дело? — Что, просто сказать «спасибо»?

В этом случае говорящий сталкивается с проблемой выбора из имеющегося в словаре репертуара средств с семантикой благодарности (*спасибо, благодарю, выражаю благодарность/признательность, благодарен, признателен, я весь ваш, я ваш должник, нет слов, мерси, сенкью* и др.), вдруг осознавав, что общепринятое *спасибо* оказывается в некоторых случаях малопригодным в силу его высокой частотности и универсальности (*спасибо* за переданный в трамвае билет и *спасибо* за помощь в беде): слово как будто ослабляет свой семантико-прагматический потенциал и не выражает всей гаммы эмоций коммуниканта и его отношения к другому лицу. Ср. также:

Кажется, это было четырнадцатого, днем, — раздался телефонный звонок. Пока Анна Андреевна не назвала себя, я не понимала, кто говорит — так у нее изменился голос. «Приходите». Я пошла сразу. Анна Андреевна объявила мне свою новость еще в передней (Известие о предстоящей отправке Левы на Север. Анна Андреевна просила меня срочно достать теплые вещи: ей разрешили вещевую передачу)... По телефону мне удалось довольно быстро условиться о шапке, шарфе, свитере... Я проводила ее до дому. Обычно, прощаясь, она говорит, наклоняя голову: «Спасибо вам», а тут сказала:

— Я вас не благодарю. За это не благодарят (Л. Чуковская).

В этой ситуации, как и в предыдущей, говорящий отказывается от речевого акта благодарности, усматривая в специализированных языковых средствах лишь ритуальную семантику. Напомним, что РЖ благодарности является комплексным, включающим ритуальные, эмоциональные и оценочные составляющие (Бердникова, 2005). С помощью высказывания с семантикой благодарности говорящий может реализовать одновременно достаточно сложную систему интенций: выразить чувство благодарности, соблюсти условия социальной конвенции, а также предъявить свои ценностные ориентиры.

Коммуникативное затруднение или отказ от реализации РЖ, возникающие из-за отсутствия подходящих слов, позволяют реконструировать его семантико-прагматическую многослойность, а также уточнить место сложного речевого жанра в классификациях разных типов, построенных, как правило, в русле прагматических исследований.

Данное положение дел свидетельствует о том, что ментальные сценарии речевых действий имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать то, что в данном обществе является характерным или типичным.

Когнитивный подход задает новый ракурс в описании РЖ: рассматривая РЖ как способ реализации когнитивного сценария, можно выявить типовую семантическую структуру высказывания и возможности ее семантико-прагматического варьирования, а также по-новому взглянуть на существующие классификации РЖ, в недостаточной степени учитывающие специфику сложных, комплексных речевых жанров.

Литература

Бердникова А. Г. Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2005.

Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2004.

Дейк Т. А. ван. Язык. Коммуникация. Познание. — М., 1989.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.

Минский М. Фреймы для представления знаний. — М., 1979.

Сулименко Н. Е. Слово в контексте гуманитарного знания. — СПб., 2002.

Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. — Новосибирск, 1999.

Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1988. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 52–92.

Шмелев Д. Н. Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. — М., 1989. С. 5–26.

Р. Л. Смулаковская (Череповец)

КОМПОЗИЦИОННО-ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ФРАГМЕНТАРНЫХ ТЕКСТОВ (жанр заметки)

Фрагментарные жанры — это результат ухода от жестких риторических жанровых канонов, это реализация свободного, спонтанного самовыражения, высокой степени рефлексии. Не случайно их называют «смешанными» или свободными, такими, которые «оказались идеальным вместилищем всевозможных романтических размышлений и импровизаций, гипотез и проектов, поскольку давали пишущему практически полную формальную свободу и в то же время сохраняли постоянную теснейшую связь с реальной жизнью» (Вайнштейн,

1994, с. 413). Принципы организации свободных жанров были сформулированы и реализованы в произведениях английских и немецких романтиков и связывались с устными и письменными формами речи: застольными беседами, спорами, проповедями, лекциями, дневниковыми записями, заметками на полях. Л. Я. Гинзбург, обратившись к анализу «Записной книжки» П. А. Вяземского, дополняет фрагментарные жанры «литературно-критическим или политическим рассуждением, характеристикой, афоризмом, цитатой и т. п.» (Гинзбург, 1982, с. 85).

Объектом анализа предлагаемой статьи является жанр литературной заметки, материалом послужили заметки 1824–1836 годов А. С. Пушкина (Пушкин, 1976), «Психологические заметки» и «Наука инстинкта. Ответ Рожалину <Фрагменты>» В. Ф. Одоевского (Одоевский, 1975), «Из старых записей. 1920–1930-е годы», «Из записей 1950–1970-х годов» Л. Я. Гинзбург (Гинзбург 1982; 1987; 1989). Термин «жанр» используется нами в традиционном значении — модель порождения для пишущего и горизонт ожидания для читателя. Заметка относится к коммуникативно-узуальному жанру и в МАС определяется как «краткая запись о чем-л.» (Словарь... 1981, с. 543). Определение фиксирует важнейшие признаки фрагментарных жанров: краткость, лапидарность и тематическую свободу («о чем-л.»). Более того, компонент толкования «запись» объясняет, почему подобного рода тексты можно называть и записями. Так, Л. Я. Гинзбург в маленьком предисловии к книге «О старом и новом» пишет: «...под заголовком “Из старых записей” входят *заметки* о моих современниках <...> и *заметки* на разные темы» (Гинзбург, 1982, с. 2; курсив здесь и далее в цитатах наш. — Р. С.).

Литературные заметки относятся к нежестким жанрам культурного общения, и их модель может быть представлена «как некое поле для коммуникативного действия, в котором необходимость следования надындивидуальным нормам сочетается с возможностью индивидуального выбора» (Трошина, 2001, с. 40). В пределах этого поля осуществляется сочетание конвенционального и индивидуального, позволяющее модели перениматься и узнаваться. Среди конвенциональных компонентов жанровой модели заметок отметим следующие: 1) пропозициональный (тематический) базовый элемент, который обусловлен экзистенциальностью текстов, представлен сферой внутренней жизни человека, тем, что В. Ф. Одоевский назвал «опытами над своею душою» (Одоевский, 1975, с. 203), и носит рефлексивный характер; 2) иллокутивные намерения (интенция) автора, реализующиеся в виде сентенции по поводу действительности, обобщенного

рассуждения «о типических фактах и типических проявлениях в поведении людей» (Ильенко, 2003, с. 460); 3) типичные композиционно-языковые средства реализации жанровой формы, которые и являются предметом предлагаемого исследования.

Характер авторской интенции делает естественным для заметок использование структур сентенционного типа, реализующих ассертивную модальность. Краткость заметки приводит к интенсификации языковых средств, к ее афористичности. На это обратил внимание А. З. Лежнев, анализируя «неповествовательную» прозу А. С. Пушкина (Лежнев, 1966, с. 223–224). Лапидарность, фрагментарность заметки «подсказывали широчайшие возможности отбора, пропуска, недоговаривания и подразумевания» (Гинзбург, 1982, с. 90). Иногда текст равен афоризму, сентенция остается неразвернутой: *Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, глубокомысленного; Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах* (Пушкин, 1976, с. 15–16); *Сказать, что существуют пределы для духа человеческого, может только тот, для кого не существует этих пределов; Умозрительные системы почти всегда религиозны, эмпирические никогда; Напрасно иные боятся дурных мыслей; всего чаще общество больно не этим недугом, но отсутствием всяких мыслей и особенно чувств* (Одоевский, 1975, с. 211, 213, 214); *Нельзя быть в течение многих лет странным на один манер; События, протекающие только в сознании, могут достигать такого предела, после которого эмпирическое переживание уже ничему не может научить человека* (Гинзбург, 1989, с. 24, 80). В синтаксическом отношении приведенные в качестве примеров сентенции представляют собой как простые, так и сложные предложения.

Однако чаще сентенции носят развернутый характер, конкретизируются, аргументируются, сопровождаются оценочно-полемическими рассуждениями. При этом сентенции занимают разные позиции в пределах фрагментарного текста.

(1) *Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности* (Пушкин, 1976, с. 15). В этой заметке две сентенции вынесены в начало текста. Было бы естественно предположить, что далее последует ар-

гументация тезы, но, вопреки ожиданиям, заметка заканчивается антитезой, которая вводится противительно-ограничительным союзом и отличается высокой степенью обобщения и экспрессии. Заметка, таким образом, структурирована тремя высказываниями сентенционного типа.

(2) *Один из наших поэтов говорил гордо: «Пусть в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется». Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувства и мыслей и недостатка слов для их выражения* (там же, с. 17). Констатирующее высказывание, построенное по типу антитезы, завершает текст.

Как представляется, в этом случае уместно заметить, что для фрагментарных жанров характерна «полнота слова при обрыве мысли» (Вайнштейн, 1994, с. 413), что они рассчитаны на интерпретационную деятельность читателя. Автор побуждает его к сотворчеству, предлагая на основе эксплицитной информации добыть имплицитные смыслы. Этому способствует парадоксальность сентенции, включающей в себя оксюморон, как в следующем примере: (3) *Хорошо лгут только правдивые люди. Они лгут только при полной уверенности, что ложь эта не может выйти наружу (а если может, то чтобы она оказалась «благородной»).* Ложь же лживых людей, особенно женщин, несет на себе следы великолепной фантазии и полного отсутствия аккуратности. Они никак не могут свести концы с концами, тем более предусмотреть взаимоотношения людей, которым они рассказывают навыворот одну и ту же историю (Гинзбург, 1987, с. 160). Аргументация в этой заметке выстроена по типу сопоставления, как и в следующем тексте: (4) *Наука инстинкта должна родиться у русских. Природа севера заставляет жителей его обращаться в самих себя и тем побеждать природу; такова роль в человечестве северных жителей. Жителей юга обманывает природа своею щедростью; они впадают в безумие, а природа начинает их мало-помалу выделять из недр своих; физическое спасение жителей юга зависит от жителей севера, издавна привыкших заменять силы природы своею собственной силой* (Одоевский, 1975, с. 200).

В качестве начальных используются предложения, в которых утверждение коррелирует с модусом знания, что эксплицируется соответствующими предикатами, например, замечено, известно: *Замечено, что всегда рождение бывает пропорционально со смертью...; Известно, чем совершеннее животное, тем долее оно развивается и что количество бывает всегда на счет качества; Замечено, что на*

сумасшедших всегда действует — голые ли стены их окружают или с прекрасными пейзажами, слышат ли они музыку или нет, окружены ли они удобствами жизни или нет; Замечено, что два и несколько вместе живущих людей мало-помалу делаются друг на друга похожими не только по духу, но и по телу (там же, с. 217, 225, 226–227); Всем известно, что французы народ самый антипоэтический (Пушкин, 1976, с. 331). Типичность факта, его временная всеохватность, обобщенная постоянность маркируется лексически (всегда, всем) и грамматически — формой настоящего времени.

Обобщенность поддерживается конструкциями с бытийным предикатом *есть* в инициальной позиции в сочетании с субъектом, обозначенным нарицательным существительным широкой референции: *Есть люди, которые сносят всякую нелепость, лишь бы было в ней чувство* (Одоевский, 1975, с. 201); *Есть тип женщин, которых уверенность в себе делает простодушными; Есть люди с недифференцированной талантливостью и без определенного назначения; Есть род людей, обреченных на неудачу: они дают любимому человеку все, чего тот от них хочет...* (Гинзбург, 1987, с. 160, 216, 231).

Пропозиция, обращенная к внутренней жизни субъекта, предполагает авторскую рефлексию над душевным опытом человека; этим отчасти, как представляется, объясняется появление вопросительных конструкций, обеспечивающих одновременно диалогизацию монологического по форме текста. Кроме того, находясь в начале заметки, вопрос подчеркивает фрагментарность этого жанра, в котором «каждый эпизод мог начинаться *in medias res* и кончатся на любом месте» (Гинзбург, 1982, с. 90), как это происходит в следующих двух примерах: (5) *Если все уже сказано, зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие! нет, не будем клеветать разума человеческого, неистощимого в соображениях понятий, как язык неистощим в соображении слов. В сем-то смысле счастливая шутка князя Вяземского совершенно справедлива; он, оправдывая излишество эпитетов, делающих столь вялыми русские стихи, сказал очень забавно, что все существительные сказаны и что нам остается заново оттенить их прилагательными. Добросовестные люди задумались и важно стали доказывать, что и глаголы и деепричастия и прочие части речи давно уже сказаны (Пушкин, 1976, с. 243); (6) *Откуда эта потребность подбирать чужие слова? Свои слова никогда не могут удовлетворить; требования, к ним предъявляемые, равны бесконечности. Чужие слова — всегда находка — их берут такими, какие есть; их все равно нельзя улучшить и переделать. Чужие слова, хотя бы отдаленно и неточно выражающие**

нашу мысль, действуют, как откровение или как давно искомая и обретенная формула. Отсюда обаяние эпиграфов и цитат (Гинзбург, 1987, с. 154). Дебют фрагмента (5) — два вопроса к обобщенному адресату и оценочная восклицательная конструкция — образует вопросно-ответный комплекс, формирующий полемический характер текста. В тексте (6) риторическая вопросительная конструкция выполняет фатическую функцию установления контакта, привлечения внимания адресата и одновременно введения темы, которая затем разрабатывается в заметке.

Весьма разнообразны прагматические функции вопросительных конструкций в «Психологических заметках» В. Ф. Одоевского, обратимся к одной из них: (7) *Нравственный инстинкт требует развития, как всякая другая сила человека; удивляются, отчего поэзия ныне ослабевает в действии своем на общество? Но есть ли у нас особое воспитание для поэтов? Общество образует чиновников, воинов, правоведов, ремесленников — но для поэта нет воспитания. Душа его не сохраняется в той независимой чистоте, которая может нас довести до высшего развития нравственного инстинкта. <...> Где же поэту у нас прожить безгрешно? Где он может достигнуть до своей самобытности? Поэтический дух в нем действует; но, не проникая до самого себя, поэт выражает чувства, возбужденные в нем природою, возбужденные выражением чувства других людей, себя, этого святилища человечества, он не выражает. Вместо звания действителя он носит звание воспринимающего...* (Одоевский, 1975, с. 205). Текст начинается с типичной для жанра заметки сентенции, характеризующейся подчеркнутой директивной модальностью (*требует*); далее представлена косвенная речь, где вопрос извне передает одновременно удивление, досаду, огорчение (семантика явно диффузна) и в то же время он вместе с последующим вопросительным предложением образует диалогическое единство по модели вопрос — вопрос. При этом второй вопрос является собственно риторическим, в котором содержится суждение с утверждением противоположного, что эксплицировано в последующем предложении, которое образует с вопросом риторическое вопросно-ответное единство (термин Е. Н. Линдстрем (2003)). В этой же заметке используется еще два рефлексивных риторических вопроса-размышления о сложных проблемах бытия поэта в обществе.

Таким образом, можно утверждать, что конвенциональные компоненты модели заметки как фрагментарного жанра (пропозиция и иллюкутивные намерения) оказались устойчивыми на протяжении XIX—

XX веков и обусловили некоторые типичные композиционно-языковые средства их реализации, рассмотренные в статье.

Литература

Вайнштейн О. Б. Индивидуальный стиль в романтической поэтике // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М.: Наследие, 1994. С. 392–430.

Гинзбург Л. Я. О старом и новом: Статьи и очерки. — Л.: Советский писатель, 1982.

Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. — Л.: Советский писатель, 1987.

Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Воспоминания. Четыре повествования. — Л.: Советский писатель, 1989.

Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. — СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2003.

Лежнев А. З. Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1966.

Линдстрем Е. Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 2003.

Одоевский В. Ф. Наука истины: Ответ Рожалину <Фрагменты>: Психологические заметки // Одоевский В. Ф. Русские ночи. — Л.: Наука, 1975. С. 198–230.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Худож. лит., 1976. Т. 6.

Словарь русского языка: В 4 т. — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1981. Т. 1 (МАС).

Трошина Н. Н. Лингвокультурологические проблемы теории текста: обзор по материалам публикации Уллы Фикс // Социальные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание: Реферативный журнал РАН ИНИОН. — М., 2001. № 1. С. 39–47.

Н. Л. Шубина (Санкт-Петербург)

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ АВТОРА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ («от коллективного авторства» к индивидуализации стиля речи)

Желание обратиться к анализу функционально-адаптивных механизмов, действующих в современных научных текстах, продиктовано не тем, что предлагаемая тема «недостаточно изучена» (научный стиль, научный текст — широко и достаточно разнообразно представленная тема как в практике научного познания, так и в практике обучения). Принятые в научном сообществе правила и (даже) законы представления научной информации в сфере письменной коммуника-

ции направлены на стандартизацию и в некотором роде унификацию текста. Цель — создать тексты, «отвечающие требованиям...». Кажется бы, выполнение установленных требований должно обеспечивать адекватность в понимании научного текста (при условии совпадения коммуникативно-прагматических программ автора и читателя научного текста).

Однако в последнее время растет недовольство научной общественности относительно способов кодирования научной информации. С одной стороны, «тиражирование» терминов из одной научной области в другую без дополнительной их интерпретации приводит к непониманию исходного замысла автора, к искаженному представлению результатов научного исследования, к неверному толкованию всей терминосистемы. С другой — «тиражирование» речевых средств, которые позволяют сохранять традиции в реализации формально-логического способа изложения научного материала, также обусловили неадекватное толкование научной мысли автора, появление так называемых псевдотекстов. «Коллективное авторство» авторефератов, научных статей и даже отзывов становится очевидным фактом. Между тем интерес к научной информации во многом определяется фигурой автора этой информации.

Изменение типологических признаков научной информации, способов ее презентации в устной, письменной и электронной сферах коммуникации потребовала от современного исследователя умелой «демонстрации своего речевого поведения». Небольшой по объему научный текст (например, статья или тезисы) требует большого профессионализма от автора. Как правило, текст молодого исследователя (магистранта, аспиранта) подвергается редакторской правке научного руководителя. Такого рода правка может «скрыть» авторский стиль или внести дополнительные элементы, характерные для речевого поведения самого руководителя. Вместе с тем следует отметить, что современный научный текст (независимо от его жанрового своеобразия) должен представлять собой **коммуникативное пространство** — «целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» (Гаспаров, 1996, с. 297). Как полагает Б. М. Гаспаров, понятие коммуникативного пространства представляется более широким, чем жанр; оно включает в себя, наряду с собственно жанровой характеристикой, такие свойства языкового сообщения, как его «тон», предметное содержание и та общая интеллектуальная сфера, к которой это содержание принадлежит; оно включает также коммуникативную ситуацию, со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысли-

ваемых компонентов, из которых складывается представление каждого участника о коммуникативной ситуации. Важную сторону коммуникативного пространства составляет представление автора сообщения о реальном или потенциальном партнере. Наконец, свой вклад в коммуникативное пространство вносят самосознание и самооценка говорящего, представление о том, какое впечатление он сам и его сообщение должны производить на окружающих.

Глубина декодирования смысла обусловлена стратегией переработки информации. Восприятие текста подразумевает понимание без рефлексивного осмысления. Если исходить из осознания того, что речевая коммуникация предполагает сотрудничество коммуникантов, то следует учитывать и тот факт, что и отправитель и реципиент находятся в состоянии коммуникативной рефлексии.

Как свидетельствуют результаты интерпретации и анализа научных текстов, информативность возрастает в текстах, в большей степени «отстраненных» от автора. В этом случае все элементы текста составляют особые микросистемы в передаче информации (наименование текста, его метаграфическая аранжировка, выделение ключевых слов, эпиграф и др.), они становятся в конкретном тексте структурно и коммуникативно равноправными. Чем сложнее такая структура, тем выше информативность текста.

Научная информация, безусловно, имеет специфические способы ее презентации в научных текстах разной жанровой отнесенности. Неумелое использование этих способов и дополнительных семиотических кодов может вызвать неоднозначную интерпретацию как на уровне восприятия, так и на уровне интерпретации.

Это особенно важно в современных условиях, когда происходит смена познавательных установок науки и их отражение в научном дискурсе. Представляется очевидным, что индивидуальный стиль исследователя все отчетливее проявляется именно в научном тексте. В связи с этим в научных текстах формируются специальные средства авторизации. Чем крупнее ученый, чем значимее его научные результаты, тем более индивидуализирована его речь. Весьма характерным является для научных трудов таких ученых и доступность изложения, которая способствует преемственности научной мысли.

Автор проявляет себя через свое отношение к научным фактам в комментариях, в которых содержится субъектно-оценочная квалификация информации, что тоже свидетельствует о ярко выраженной тенденции к актуализации субъекта речи (автора). Информация в скобках содержит не только добавочную или уточняющую информацию, но и ее оценку (метатекстовая информация):

«По-видимому (об этом трудно судить с уверенностью), все больше утверждается мнение, что искомым базисом является не просто структура, а абстрактная структура — наиболее устойчивая» (В. Л. Смирнов)¹;

«При селекции всегда есть шанс (и, увы, немалый) того, что будет удалена клетка, содержащая решение (глобальный уровень), поскольку критерий удаления определяется эвристическими соображениями селекционера» (А. Н. Лапин).

Принято считать, что научному стилю несвойственна образность и экспрессивность. Между тем многие ученые стараются совместить формальные с точки зрения изложения научной мысли приемы и неформальные, отражающие авторскую позицию, авторский стиль речи. В настоящее время становится вполне привычным использование как в сфере письменной, так и в сфере устной коммуникации разностилевых языковых средств.

«У методов, как у рабов, не было иной роли, кроме служебной, вопрос о самоценности методов обычно даже не ставился <...>.

Такая неоднозначность метода может смущать, раздражать, отталкивать. Но не она ли присутствует в любом действующем языке и постоянно сопровождает нас в жизни? <...>

Естественное стремление к открытости существовало в науке всегда. В математике оно сказывалось в появлении таких областей, как многозначная логика, размытые множества, нестандартный анализ. Но принцип абсолютизации замораживал эти ростки. Сейчас науке приходится становится открытой, и математика, смиряясь с утратой определенности, жаждет обновления <...>.

Наука, смущенная свободой, испытывает потребность в новой самоорганизации.

Попробуем найти в этом захлестывающем море “сумасшедших” идей какую-нибудь спасительную методологическую опору с достаточно крепкими корнями, гибкую, но прочную, как плавник кита» (Р. Г. Баранцев).

Принято считать, что в научных текстах жесткой структуры (например, в автореферате) изменения касаются лишь введения нового методологического инструментария. Однако особенности речевого поведения автора научного текста просматриваются весьма отчетливо через метатекстовую информацию:

«Говорить о том, что цикл обладает жанровым потенциалом, можно с трудом, поскольку сложно вывести ряд универсальных (жанровых) признаков, характерных только для лирического цикла»²;

---

¹ Приводятся фрагменты из статей ученых, опубликованных в сборнике научных статей «Синергетика и методы науки» (СПб.: Наука, 1998).

² Приводятся примеры из авторефератов диссертаций по филологии, защищенных в 2007–2008 годах. В текстах сохраняется авторская пунктуация.

«Исследование сложного и многогранного объекта, каковым, безусловно, является категория безличности, построенное на скрупулезном детальном анализе обширного языкового материала, с опорой на теоретические положения, высказываемые в многочисленных лингвистических трудах, позволили автору прийти к следующим важным обобщениям и выводам о сущностных характеристиках изучаемого языкового материала»;

«Наиболее активно создаются имена существительные. Они составляют более половины новых слов. За существительными следуют прилагательные, глаголы и наречия. Многие исследователи говорят о незначительной роли наречий в корпусе новых слов. С этим трудно согласиться. В настоящее время прослеживается другая тенденция».

Можно предположить, что новые знания и новые способы их представления потребовали новых средств для передачи и получения информации. Известно, что формальный набор средств не всегда обеспечивает адекватное восприятие научной информации, и более того — в современном потоке информации особый интерес вызывают те научные тексты, в которых автор не только предлагает свое решение научной проблемы, умеет грамотно распределить научную информацию, но и проявляет себя как личность, умеющая отстаивать свою точку зрения и уважающая мнение потенциального читателя / оппонента, который может и не разделять эту точку зрения.

На восприятие научной информации в значительной степени влияет речевое поведение ее автора, его умение вести дискуссию, способность организовать научную информацию и готовность к диалогу, уважительному и объективному. Уважение к читателю обуславливает стремление автора к созданию «когнитивной комфортности» при восприятии и понимании научных результатов. Уважительное отношение к читателю как коммуникативному партнеру проявляется и в метаграфическом оформлении текста (использование шрифтовых возможностей, пунктуационных знаков, символических знаков, выделение актуальной информации с помощью подчеркивания, разрядок, мотивированное использование отступов и др.).

Под влиянием компьютерной среды и устной речи письменный текст приобретает нелинейный характер (превращается в свободную ссылочную среду). Многомерный текст диктует появление новых форм речевого поведения. Действуют законы оптимизации баланса **затрат** (моторные, когнитивные) и **пользы** (информативной, социальной, эстетической). В этой ситуации автор научного текста должен создать определенные «степени защиты» своего труда от непонимания или неточного толкования. Речь идет об особом структурировании текстового пространства, ранжировании информации на **главную**,

дополнительную, фоновую и метатекстовую. Научный текст (как и любая научная информация) представляет собой гипертекстовое образование. Именно поэтому читатель (адресат) нуждается в корректной презентации содержательной «многослойности» текста.

Таким образом, современная коммуникативная среда (ситуация) существенно изменила подходы к организации текста, который становится единицей нелинейного восприятия и понимания информации. При этом действует новое правило: сокращение текстового пространства при увеличении информационного объема. И как следствие выполнения этого правила — письменный текст становится многоканальным (появились новые правила «упаковки» текста).

Норма как один из системообразующих факторов естественного языка испытывает на себе сильнейший удар в процессе использования языка как кода. Речь идет не только о ненамеренном, но и намеренном нарушении установленных правил. Например, запрет на употребление личных глаголов в научном тексте и местоимения:

«Я не буду здесь делать обзор известных мне точек зрения на паралингвистику и подходов к ней, а скажу лишь, что придерживаюсь наиболее распространенного и, можно даже сказать, почти общеприятного определения» (Г. Крейдлин)¹.

Известно, что активное приспособление языка как адаптивной системы к условиям коммуникативной среды и ситуации, в которых он функционирует, обеспечивает его изменчивость при сохранении организованности.

Для современного автора научного текста необходимо определить, кто является адресатом создаваемого текста. Статья в журнале или статья в сборнике научных статей имеют свою специфику. Журнальная статья предназначена для особого читателя, диапазон исследовательских интересов которого различен, но он достаточно широк и многообразен. Ориентация на адресата, которая характеризует научную речь, обуславливает использование средств для привлечения внимания, поддержания речевого контакта, выбор языковых средств, устанавливающих тональность общения.

Самым главным инструментом автора для презентации научной информации являются языковые средства, которые направлены на формирование как внешней, так и внутренней организации текста.

Авторский комментарий создает впечатление смысловой много-

---

¹ Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.

слоиности текста. Для этого существуют разные приемы, в том числе и метаграфические (в приведенном ниже примере это квадратные и круглые скобки, кавычки):

«О том, как можно делать подобные вещи, весьма подробно написано в [1]. Однако автор не назвал бы красивыми приведенные там мелодии “машинного производства” (впрочем, это дело вкуса)» (М. А. Капустин).

Диалог с читателем как важная черта научной статьи во многом определяет адекватное понимание изложенной информации. Авторский стиль поддерживается как выбором языковых средств, так и структурной организацией текста.

В арсенале особых средств передачи информации у отправителя есть не только те, которые определены действующими конвенциями в данном социуме, но и те, которые созданы самим автором. Специфической сферой «творчества» автора является сфера невербальной коммуникации. Невербальная сфера коммуникации является, с одной стороны, важнейшим источником информации, а с другой — средством маркирования и распределения информации в тексте.

Наличие ценностных, когнитивных и технических факторов оказывает радикальное воздействие на языковые и ментальные процессы, а также на социальное и речевое поведение авторов научных текстов. Наличие определенных правил, конвенций, при помощи которых осуществляется оценка научных результатов исследования и научной деятельности автора не свидетельствует о жесткой заданности установленных правил, а лишь об их мотивированности и коммуникативной оправданности в рамках определенной речевой ситуации.

«Феномен, который можно назвать “владением” языком, состоит в способности относительно успешно ориентироваться в напластованиях разнородных компонентов и их непрерывных пластических изменениях, в бесчисленных переплетениях аллюзионных, эмотивных, жанровых силовых линий, — ориентироваться так, чтобы создавать более или менее успешные языковые произведения, в которых и мы сами, а наш адресат (непосредственный либо подразумеваемый) могли бы распознать нечто, соответствующее той мысли, которую мы хотели сформулировать и передать: соответствующее в достаточной степени, чтобы между нами могло возникнуть ощущение языкового контакта и обмена» (Гаспаров, 1996, с. 14–15).

Включение разных механизмов в коммуникативно-познавательной программе реципиента (на сознательном и подсознательном уровнях) позволяет интерпретировать все виды информации, включенные в текст. Иное дело, что целевая установка читателя может

меняться, а это означает, что предложенная автором информация может подвергаться или не подвергаться интерпретации.

Если признать, что текст — это динамическое образование, то реципиент не может ограничиваться той информацией, которая содержится в тексте. Участникам коммуникации свойственно создание дополнительной информации, извлеченной из самого текста.

В научный текст включаются разные функциональные единицы и компоненты, в том числе и те, которые усиливают факторы восприятия, удерживают внимание и познавательный интерес, а также воздействуют на читателя. Эффективное сочетание вербальных и невербальных средств в современных текстах обеспечивает «защищенность» текста от его неадекватной интерпретации. Представляется очевидным, что для успешной коммуникации должны совпадать коммуникативно-прагматические программы отправителя и реципиента. Успешное декодирование информации обусловлено установлением значимости интерпретируемого объекта.

Таким образом, при организации научного текста необходимо руководствоваться не только правилами, предписываемыми стилистикой научной речи, но и правилами научной этики. Не менее важными становятся стихийно устанавливаемые правила презентации научной информации в соответствии с меняющейся коммуникативной ситуацией.

Литература

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996.

В. Ю. Прокофьева (Оренбург)

ДОМ В ПОЭЗИИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»: ГЕШТАЛЬТНАЯ СТРУКТУРА ЛОКУСА

Пространственные концепты (локусы) свидетельствуют о представлении человеком различных форм жизненного пространства, «текстовый характер пространства языка и культуры как семиотических систем делает соизмеримым его с пространством человека-носителя культурноязыковой информации, передаваемой словом и текстом» (Сулименко, 2002, с. 158).

В футуристической поэзии можно встретить описание городского пространства с высоты небоскреба — в этом случае номинация нового вида дома служит обозначением реальной точки наблюдения города сверху:

с высоты небоскребов
как безудержно
льются экипажи
картечь не так поражает даже (Крученых).

Особую образность представлению города как существа придает поэтическая фокусировка на образе дома (домов), который мыслится как доступная сенсорному восприятию часть (части) огромного существа, не поддающегося целостному зрительному восприятию. Словари Н. В. Павлович (Павлович, 1999) и Н. А. Кожевниковой, З. Ю. Петровой (Кожевникова, Петрова, 2000) представляют образные параллели с номинацией *дом*, в которых можно наблюдать текстовую реализацию антропоморфных, зооморфных, предметных и природных гештальтов образа дома.

Антропоморфный гештальт на синтагматическом уровне формируется посредством употребления к имени *дом* предикатов, в семной структуре которых в качестве ядерной присутствует сема ‘действие, совершаемое человеком’: *Низкий дом без меня сутулится* (Есенин); *Улыбается мать-изба* (Клюев).

Мифопоэтическое уподобление дома человеку, традиционно поддерживаемое образной параллелью *окно (окна) дома — глаз (глаза)* его, дополняются в поэзии парадигмой эмотивных обозначений. В следующем фрагменте эмотивная парадигма расширена за счет введения образной параллели *стены — спины*, что дало возможность представить дом как существо не только «схематически похожее на человека», но и как существо, эмоционально рефлексирующее на окружающий мир:

Иссыхают избы зноем,
Смотрят злым глазком...
В небо смотрят смутным смыслом,
Спины гневно гнут (Белый).

Поэзия футуризма, особенно активно метафоризирующая городское пространство, представляет яркие гештальты домов и небоскребов, основанные на метафорических моделях **ДОМ = ЧАСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА, ОРГАН, ДЕТАЛЬ ОДЕЖДЫ**; имя *дом* в этом случае употребляется, как правило, и в ед., и во мн. ч.: *Вывесоч-*

ная татуировка на небоскребной небритой щеке (Шершеневич); оконные дома образуют род ужасной селезенки (Хлебников).

Образная параллель *дома* — *зубы*, возникающая при наблюдении «с высоты птичьего полета», позволяющем соотнести локус *Город* с открытым ртом при восприятии обоих референтов как «контейнеров», усложняется за счет введения лексических компонентов (выделены жирным), формирующих субфрейм, входящий во фрейм «Еда»:

Смотрите: зубочисткой в кирпичных зубах
Ковыряется солнце в городе (Мариенгоф).

Уподобление множества городских крыш особого вида прическе лежит в основе следующей метафоры и участвует в формировании смежного гештальта *Город* — *существо*:

Где он мог видеть этот ежик
Домов с бездонными проломами? (Пастернак).

Значительная вытянутость вверх «заморского» дома и небольшое основание по отношению к высоте позволяют представить небоскреб в виде человека, причем в качестве метафоризатора выбирается номинация военного, в семной структуре которой в качестве ассоциативно-образной присутствует сема хорошей выправки, а фоновые знания привносят в образ такие смысловые составляющие, как ‘красивый’, ‘стройный’, ‘высокий’:

А семиэтажный гусар небоскреба
Шпорой подъезда звяк (Шершеневич).

Завершает гештальт образно-звуковая метафора, построенная по модели ЧАСТЬ ДОМА = ЧАСТЬ ОДЕЖДЫ ЧЕЛОВЕКА, на основании сходства в пространственном расположении и звуковом восприятии референтов. «Уравновешивает» метафоризацию образная параллель *крыша* — *шляпа*, которая организует в тексте стихотворения антропоморфный гештальт, где ключевым в создании образности становится разговорный глагол со связанным значением, используемый для описания одной конкретной ситуации (ср.: *нахлобучить*, что (разг.) ‘надвинуть (головной убор) низко на лоб’ (Ожегов, Шведова 2002)): *Небоскребы нахлобучивают крыши на морды* (Шершеневич).

В футуристической поэзии находим и описание противоположной ситуации, где компонент *крыша* имплицитно присутствует в прилагательном: ...Снимать железные панамá с истеричных домов (Шершеневич). Узуальное употребление в качестве глагольного актанта только наименования головного убора завершает образную параллель на семантическом уровне.

Гештальт *Город* — *убийца* и такой концептуальный признак локуса *Город*, как «город-антропофаг», распространяются и на составляющие его элементы. Этот гештальт может поддерживаться рассмотренной выше образной параллелью *дома* — *зубы*, чему способствует ассоциативно-образная сема поглощения, присутствующая во втором компоненте. В этом случае объектом агрессии становится наблюдатель (лексический показатель — личное местоимение), агрессивный субъект — город (лексический показатель — слово из лексикотематического поля «Город»), а дома мыслятся как инструмент агрессии, усиливающийся употреблением метафоризатора в форме тв. п.: *Меня улица изжевала каменными зубами с пломбами огней* (Шершеневич).

Это же представление находим в зооморфных гештальтах дома, когда последний сопоставляется с хищником. Гештальт *Дом* — *хищник* эксплицируется как в пропозиции:

Здания — хищные звери
С сотней несытых утроб! (Брюсов),

так и на синтагматическом уровне (предикат *ощетинились* предполагает в качестве субъекта действия номинацию из ЛТГ «Звери») и в метонимической модели (*шерсть* — *зверь*):

Избы...
ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них сухую персть (Белый).

Зооморфные гештальты основаны на уподоблении множества домов при зрительном восприятии городского пейзажа множеству животных; имя *дом* в этом случае употребляется, как правило, во мн. ч., а в качестве метафоризатора выбираются наименования стадных животных, даже если тропеизируется не группа домов, а только один: *Дом, как охромевиший конь* (Брюсов).

Активно используется (особенно футуристами) в зооморфной метафоризации городского пространства творительный сравнения. Метафора строится в этом случае по схеме: слово-экспликатор локуса и его частей + глагол + номинация животного или птицы в тв. п. Особая роль здесь принадлежит предикату, так как именно в нем фиксируется одна из граней визуальной концептуализации реалии (форма, цвет):

Собакой на Сене чернеют дворцы
на желтизне на осенней
(Маяковский);

Торцы улиц весенних тиграми
Пестрятся в огнебиении фонарей
(Шершеневич);

Город белый, заснувший
Тысячей белою зайцев,
Лишь чернеют трубы-уши
(Хлебников);

Черным вороном во мгле...
Старинный замок на скале
Притих
(Городецкий).

Среди зооморфных гештальтов дома наиболее распространенным по количеству текстовых реализаций оказывается орнитологический. Истоки этой образности лежат в фольклорном облике избы на курьих ногах, который эксплицируется в поэзии начала XX века: *На бревенчатых тяжких лапах Восплясала моя изба* (Клюев).

Индивидуальные поэтические гештальты локуса, в основе которых лежит зооморфная концептуализация дома, связаны с представлением множества объектов, расположенных в городском (ограниченном) пространстве. Ассоциация в виде идиомы *как сельди в бочке* формирует гештальт: замки-сельди, сплющенные бочонком улиц (Хлебников).

Лексическая экспликация предметных гештальтов локуса формируется такими его концептуальными признаками, как 1) компактность, 2) способность быть вместилищем, 3) единовременное зрительное восприятие всего локуса, 4) множество объектов, идентичных по форме и функции. Различное сочетание признаков и связанные с ними ассоциации служат «трамплином» для поэтического метафоризирования. Так, первые два лежат в основе параллели *дом — лодка*:

я в комнатенке-лодочке
проплыл три тыщи дней (Маяковский).

К выходу на второй компонент приводит совмещение абстрактной и конкретной ассоциаций на стимулы из одного деривационного гнезда: *жизнь → плавание и жить → в доме*.

Способность быть вместилищем может допускать как присутствие объектов внутри локуса контейнерного типа, так и их отсутствие. Дом без людей может тропеизироваться как «ларец без драгоценностей»:

Стоит заброшенный дворец.
Он обветшал, напоминая
Без драгоценностей ларец (Северянин).

Отсутствие людей в доме ассоциируется с отсутствием жизни, т. е. с ее противоположностью — смертью. Дом становится вместилищем не

жизни, а смерти, что приводит к лексико-семантической параллели *дом — гроб*, организующей текстовую парадигму слов с общей семой смерти:

Похожи избы на гроба:

В них веет тлением часовен (Городецкий);

Черепами людей белеют дома (Хлебников).

Такое сопоставление также связано с концептуализацией локуса *Город* и поддерживает гештальт *Мертвый город*, который формируется через ассоциацию *ночь — сон — смерть*, на которой основана образность в хлебниковском фрагменте.

Концептуальный признак «компактность» в сочетании с эмоционально-оценочным и эстетическим восприятием определенных домов дает толчок к тропеизации на основе «кондитерского» кода: *кофейно-кремовый домик как торт* (Белый); *дом — пряник* (Цветаева); *шоколадные дома* (Мандельштам). «Кулинарный» код актуализирует такие признаки локуса, как хрупкость, невозможность противостоять стихии:

(война) в руке дома изломала,

Как вязку хрустнувших сушек (Брюсов).

Признак «множество одинаковых объектов» при восприятии высоких домов как двухмерных предметов приводит к метафорической модели ДОМА — СТРАНИЦЫ, ЛЕПЕСТКИ, ФЛАГИ, причем первые две поддерживают гештальты *Город — книга* и *Город — цветок*:

Город стеклянных страниц,

Открывающий их широким цветком днем

И закрывающий на ночь. (Хлебников);

И кем на терзанье

Распущены по ветру

Полотнища зданий? (Пастернак).

Природные гештальты локуса основаны на другом концептуальном признаке — дом как большой, высокий объект. В этом случае в качестве метафоризатора поэт выбирается номинация объекта из природного мира: *Дома как горы* (Городецкий); *Стеклянные утесы* (Хлебников).

Точка наблюдения внутри дома, разумеется, меняет его лексический портрет, который фокусируется на лексических показателях внутреннего деления домашнего пространства (*комната, коридоры*) и границ локуса (*пол, потолок, окно, дверь, сад*), но это — тема другой статьи.

Литература

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Дом бытия языка. Учение о логоэпистеме. — М., 2000.
- Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. — М., 2000. Вып. 1: «Птицы».
- Колесов В. В.* Древняя Русь: Наследие в слове. Мир человека. — СПб., 2000.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 2002.
- Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов: В 2 т. — М., 1999.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. 2-е изд. — М., 2001.
- Сулименко Н. Е.* Пространство слова в прозе О. Мандельштама // Пространство и время в художественном произведении. — Оренбург, 2002. С. 154–161.

И. А. Мартьянова (Санкт-Петербург)

КОМПОЗИТИВ И СТРОФОИД

Одна из самых актуальных проблем исследования и преподавания русского языка — систематизация представлений о синтаксических единицах, осуществить которую невозможно без выбора параметров языка, речи или текста, без определения концептуальных ориентиров (Ильенко, 2003).

Синтаксические единицы выделяются на разных основаниях в традиционной, функциональной, коммуникативной грамматиках, при этом наиболее плодотворным оказывается их анализ в функциональной среде — в речи и тексте. В связи с этим особое значение приобретает столь динамично развивающийся феномен, как текст современной русской прозы.

В литературе русского постмодернизма проблема высказывания закономерно выступает на передний план, вследствие чего лингвистически значимыми оказываются и синтаксическая рефлексия ведущих российских прозаиков (В. Маканина, Т. Толстой, Л. Петрушевской, В. Сорокина, В. Пелевина, Л. Улицкой, М. Палей и др.), и сама специфика функционирования синтаксических единиц в текстах их произведений.

Анализируя закономерности развертывания дискурса современной прозы, исследователи, как правило, отталкиваются от набора ее принципов: неомифологизм, игра на границе между вымыслом и реальностью, иерархия текстов в тексте, приоритет стиля над сюжетом,

уничтожение фабулы, нарушение связности текста, не отражение, а моделирование собственной реальности (Руднев, 1997, с. 237–241).

В синтаксической же интерпретации традиционное внимание уделяется его аналитичности, в частности, парцеллированным, вставным и некоторым другим конструкциям. Проблема его собственно синтаксического своеобразия не представляется, однако, столь прозрачной, если учитывать парадокс одновременного усложнения и обеднения синтаксиса современной прозы (там же, с. 240).

Ее создатели в полной мере ощущают и сопротивление макротекста, и пластику фразы. По мнению критиков, «не только в жизни, но и в словесности на передний план выходит проблема организации высказывания, которая подчеркнута описывает себя как одно из возможных высказываний того же типа» (Курицын, 1998, с. 192).

Обращение к современному тексту позволяет глубже осмыслить не только уже привычные (сложное синтаксическое целое, синтаксема), но и относительно новые понятия (композитив и строфоид). Рассмотрим их подробнее.

Современная русская проза отмечена оригинальным графическим оформлением текста:

*Приезжие,
отъезжающие,
пришедшие благодарить за милость
были представляемы оберкамергером,
и
государыня жаловала им
веселый небесный взгляд
и
целовать ручку (В. Карев. Катарсис);*

Валька, добавим, презирала тех, кто ее не ценил, то есть все человечество и всех волшебников мира, а также всех животных, считая их полными ничтожествами: дур птиц, зараз насекомых, нахалок мышей, тупых, как валенки, рыб и наглых, как танки, ослов, не говоря уже о таких выродках, как кошки и собаки.

*Самое интересное, что ей никогда не было никого жалко!
И жилось ей, как мы видим, превосходно.
Хотя ее тоже никто никогда не любил и не жалел.
Такая вот загадка природы*

(Л. Петрушевская. Маленькая волшебница);

*Нина заплакала.
Она не плакала уже тысячу лет...
Она не плакала от злости, когда уходила из журнала.
От ненависти, когда разводилась с Евгением.
От страха, когда болела Дашка.*

*Теперь вот заплакала от встречи с отвергнутым ею родственником.
Какие-то сошедшие с рельсов эмоции... Нервные клетки, потерпев-
шие крушение...*

(Г. Щербакова. Год Алены).

Специфика пунктуационно-графической аранжировки выражается в так называемом обратном, или реверсивном, отступе, в пробельных элементах, выделяющих значимые в композиционном отношении синтаксические единицы, равные по объему синтаксеме, словосочетанию, высказыванию или их комбинациям.

Эти примеры трудно интерпретировать при помощи термина «абзац». Дело заключается не только в графическом оформлении, но и в ориентации абзаца на законченное высказывание. Интересующие нас фрагменты ориентируются в своем построении на другие единицы — композитивы, не обязательно совпадающие по объему с высказыванием (в приведенных примерах каждый композитив занимает отдельную строку).

Композитив — это единица организации текста, выделяемая пунктуационно-графически в силу своей композиционной значимости. Ее объем обусловлен участием в выполнении различных композиционных функций: выражения точки зрения, изображения художественного времени, крупности плана и др. Композитив вычленяется только в ряду, в соположенности, в соотношении с другими компонентами текстовой ткани произведения.

Идея вариативной единицы организации текста востребована временем. Как термин, в несколько ином понимании, композитив присутствует в «Коммуникативной грамматике русского языка» (Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998). Еще ранее Б. М. Гаспаров, предлагая определение коммуникативного фрагмента, подчеркивал, что «необходимо заняться поиском принципиально иных категорий описания языкового материала, лежащих принципиально в иной плоскости, по сравнению с категориями языковой структуры. Это должны быть категории, которые были бы способны работать в условиях непрерывных и бесконечных изменений ситуаций и задач, возникающих перед говорящими; для которых такая вариабельность, пластичность и открытость была бы не пределом сложности, но напротив, естественным и простейшим условием их функционирования» (Гаспаров Б. М., 1996, с. 102).

Использование этого понятия позволяет отойти от традиции изучения показа реальности только с опорой на предикацию, открывая возможности лингвистической интерпретации текста с опорой на ка-

тегории художественного пространства и времени, точки зрения, крупности плана.

Таким образом, композитив не «атом» текста, а вариативная единица его организации, соединяющая в себе композиционное и синтаксическое начала. Последнее выражается не только в возможности совпадения объема композитива с объемом той или иной синтаксической единицы. Если бы дело заключалось только в этом, в самом введении нового понятия можно было бы усмотреть ошибку удвоения термина (композитив-синтаксема, композитив-высказывание и т. п.).

В идее композитива выражается представление о том, что язык одинаково предоставляет писателям набор своих синтаксических единиц, но уже от писателей зависит характер их текстовой реализации и взаиморасположения. Таким образом, композитив, обнаруживая авторский замысел, выступает и как единица креативная.

В приведенных выше примерах композитивы, актуализированные графически, были собраны в строфоид — единицу организации художественного и публицистического текста, представляющую собой содержательное, ритмическое и интонационно-синтаксическое единство, имеющее специфический характер графического оформления, с обратным, как в стихотворном тексте, абзацным отступом.

Ранее этот термин был использован М. Л. Гаспаровым (Гаспаров. М.; Л., 1989, с. 425) для обозначения единиц стихотворной речи, подобных строфе, но не выдерживающих строгих принципов ее организации. Как известно, Г. Я. Солгаником предложен и активно используется термин «прозаическая строфа» (Солганик, 1991). Мы предпочитаем ему термин «строфоид» не только потому, что прозаическая строфа оказалась уже зарезервированным термином, но и потому, что он, в понимании Г. Я. Солганика и других исследователей, не обнаруживает своей специфики по сравнению с ССЦ.

В значении избранного нами термина особенно важным является компонент 'подобный', т. е. не являющийся строфой и вместе с тем имеющий с ней определенные черты сходства, которые становятся особенно очевидными при обращении к современной поэзии.

Строфоид не обладает строгостью, соразмерностью и стабильностью классической стихотворной строфы, однако он подобен ей тем, что объединяет композитивы не только содержательно, но и ритмико-интонационно. К нему также применимы столь актуальные для поэзии понятия, как «рифма», «межстрочный перенос» и «межстрофический перенос».

В строфоид собираются композитивы разного объема — от синтаксемы до высказывания:

*И тут начинался вестерн
тут загремела погоня
не всадников но кентавров
котамахия
крысомахия
мафия против мафии*

(Л. Петрушевская. Как Гоша драл Ксюшу).

На функционирование строфоида влияют тенденции визуализации современной культуры, в том числе ее компьютеризация, открывающая разнообразные возможности самовыражения в графическом моделировании текста. Строфоидная линия развития широко представлена в современном прозаическом дискурсе (Г. Щербакова, Л. Петрушевская, А. Королев, И. Полянская, М. Палей, В. Сорокин).

Создавая строфоид, автор ритмическими, интонационными, графическими средствами настаивает на его целостном эстетическом восприятии. В силу этого он нередко совпадает по объему с ССЦ или со сложным тематическим целым. Феномен строфоида, демонстрируя разнообразные возможности композиционно-синтаксической аранжировки ССЦ в дискурсе современной прозы, свидетельствует о развивающемся, формирующемся характере этой текстовой единицы (Ильенко, 2003, с. 28–35).

Таким образом, проблема определения состава и сущности единиц современного русского синтаксиса не может быть поставлена и решена только как сугубо грамматическая, вне их рассмотрения в зеркале текста, в силу коммуникативной природы самого синтаксиса.

Литература

- Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. — М., 1996.
- Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. — М., 1989.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.
- Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. — СПб., 2003.
- Курицын В. Н.* Журналистика: 1993—1997. — СПб., 1998.
- Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. — М., 1997.
- Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика. — М., 1991.

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ЧЕХОВСКОМ ТЕКСТЕ: ФРЕЙМ И ВЫБОР ЛС-МОДЕЛИ

Научно-исследовательский проект РГНФ № 07-04-00158а
(«Описание лексико-синтаксических моделей
сложноподчиненного предложения в русском языке»)

...одна лишь гениальная живопись:
пойми, разгадай ее сам.
К. И. Чуковский о прозе А. П. Чехова

Отличие художественного текста от других текстовых образований изучается весьма широко, но со времени выхода в свет книги И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (Гальперин 1981) наличие специфики у художественного текста связывают прежде всего с видами информации и составом текстовых категорий, среди которых выделяют универсальные, имеющие особую значимость: «...ведущими текстовыми свойствами являются его целостность, членимость и модальность» (Ильенко, 2003, с. 366). В цитируемой работе С. Г. Ильенко, как и в книге И. Р. Гальперина, который ввел понятие модальности как текстовой категории и выделил субъективно-оценочную модальность (в современных исследованиях художественного текста принят термин «авторская модальность»), основой дефиниции является представление об оценке: модальность «художественного произведения понимается как оценочное отношение автора к изображаемому» (там же, с. 368), однако существенно уточнено само понятие оценочного отношения к изображаемому не только в функционально-ориентировочном плане (фактуально- / концептуально-содержательная информация), но и в субъективно-модальном (реальность / гипотетичность) и эмоционально-смысловом (положительная / отрицательная оценка). Существенно, что «присутствие автора обнаруживается как эксплицитно, так и имплицитно» (Ильенко, 2003, с. 369) и «коэффициент модальности меняется в зависимости от целого ряда причин — индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации» (Гальперин, 1981, с. 118).

Рассмотрим некоторые тактики репрезентации авторской модальности, связанные с введением чужой речи при помощи конструкции сложноподчиненного изъяснительного предложения, взяв в качестве

операционной единицы анализа лексико-синтаксическую модель (ЛС-модель) (Ильенко, Левина, 2007).

Особенностью ЛС-модели, ядро которой организует контактная рамка — сочетание лексического компонента, т. е. контактного (опорного) слова, с союзом (Ильенко, 1973), — является не только способность создавать пропозициональную рамку, но и, при использовании глаголов (реже — других частей речи), относимых к классу интерпретирующих (в широком понимании, представленном в «Коммуникативной грамматике русского языка», где они выделяются в противовес констатирующим), организовывать модусную рамку. «Глаголами модусной рамки, — отмечают авторы «Коммуникативной грамматики...», — здесь называются лишь те, при помощи которых говорящий обнаруживает характер ментальных и/или речевых действий субъекта речи по отношению к содержанию диктума» (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 75). «Говорящий» (т. е. интерпретатор) может являться или не являться «субъектом речи» в зависимости от таксономического класса предложений («я»-предложение, «он»-предложение, «оно»-предложение (Степанов 2004)). Если в «я»-предложении говорящий квалифицирует собственное действие — например, при использовании модели с глаголом [**БРЕХАТЬ** / **СБРЕХАТЬ**], (**ЧТО...**) |^{прост.} с точки зрения его положительной / отрицательной оценки и истинности / ложности передаваемой информации: *Я ей сбрежал, что ты на мельницу уехал* (А. П. Чехов. Барыня), — то в «он»-предложении говорящий интерпретирует чужое высказывание; ср.: [**ЛГАТЬ** / **СОЛГАТЬ**], (**ЧТО...**) — *Ты солгал, что ты убил! — бешено завопил Иван. — Ты или сумасшедший, или дразнишь меня, как и в прошлый раз!* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

В нарративе, в зависимости от его вида (традиционный / нетрадиционный) и типа речи (собственно-авторская / несобственно-авторская), интерпретирующие предикаты устанавливают различные соотношения в связке «говорящий (интерпретирующий) — субъект речи» в проекции на повествователя и персонажей. Так, в свободном косвенном дискурсе (Падучева 1996) в зоне несобственно-авторской (несобственно-прямой) речи (выделена в примере подчеркиванием) наблюдается соотношение ПЕРСОНАЖ 1 — ПЕРСОНАЖ 2, как, например, во фрагменте из «Палаты №6», где оно предстает как **АНДРЕЙ ЕФИМЫЧ** («говорящий») — **ДАРЬЮШКА** (субъект речи):

Прежде в послеобеденное время Андрей Ефимыч ходил по комнатам и думал, теперь же он от обеда до вечернего чая лежал на диване лицом к спинке и предавался мелочным мыслям, которых никак не мог побороть. Ему было обидно, что за его большие чем двадцатилетнюю службу ему не дали ни пенсии, ни единовременного пособия. Правда, он служил не честно, но ведь пенсию получа-

ют все служащие без различия, честны они или нет. Современная справедливость и заключается именно в том, что чинами, орденами и пенсиями награждаются не нравственные качества и способности, а вообще служба, какая бы она ни была. Почему же он один должен составлять исключение? Денег у него совсем не было. Ему [Андрею Ефимычу. — И. Л.] было стыдно проходить мимо лавочки и глядеть на хозяйку. За пиво должны уже 32 рубля. Мещанке Беловой тоже должны. Дарьюшка потихоньку продает старые платья и книги и **лжет** хозяйке, **что** скоро доктор получит очень много денег (А. П. Чехов. Палата № 6).

В традиционном нарративе, где связка «говорящий (интерпретирующий) — субъект речи» проецируется на соотношение ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ — ПЕРСОНАЖ, интерпретирующий предикат выступает как средство формирования авторской модальности: *Бегство Ставрогина ошеломило и придавило его* [Петра Степановича. — И. Л.]. *Он солгал, что Ставрогин виделся с вице-губернатором; то-то и есть, что тот уехал, не выдавшись ни с кем, даже с матерью...* (Ф. М. Достоевский. Бесы).

Таким образом, выбор из корпуса существующих в русском языке определенной ЛС-модели, содержащей интерпретирующий глагол, определяет возможность использования ее в качестве средства экспликации авторской модальности. В случае выбора рамки с констатирующим глаголом, например, *говорить, что*, речь о подобной функции, казалось бы, некорректна. Тем не менее при определенной организации текста и эти модели могут быть репрезентантами авторской оценки, являясь средством введения модальной информации по принципу минус-приема.

Стилистика А. П. Чехова с ее стратегией предпочтения косвенных средств воплощения авторской мысли, определяемая уходом от открытой поучительности (что приобрело «статус своеобразного закона», которому подчинились все составляющие в сфере формы» (Химич, 1970, с. 22–23)), предусматривает эту своеобразную тактику введения авторской модальности.

Минус-прием осуществляется с опорой на знания адресата (в случае текстовой художественной коммуникации — читателя) как вербального, так и невербального характера. Выявить этот механизм помогают когнитивные структуры — в данном случае в качестве инструмента анализа релевантно обращение к понятию «фрейм» (Минский 1979; Филлмор, 1988). Фрейм обладает объяснительной силой, поскольку представляет собой модель стереотипной ситуации на основе выявления совокупности характерных элементов, общих для ряда близких ситуаций, и фиксации их во взаимосвязанных понятиях (слотах), что обеспечивает учет типичности ассоциаций.

Рассмотрим фрейм «Лгать» и его представление в тексте художественного произведения.

Глагол *лгать*, являющийся именем фрейма, относят к глаголам поведения, фреймовое описание которых, по данным ассоциативного словаря, содержит пять обязательных слотов: «субъект поведения»; «объект поведения»; «именование поведения»; «общая оценка»; «характеристика поступка, поведения или субъекта поведения» (Старостина, 2005). Поскольку существенной особенностью глаголов поведения является то, что «в их семантическую структуру входит субъект сознания (а именно субъект оценки, почти всегда отрицательной, не совпадающий с субъектом самой деятельности» (Падучева, 1996, с. 149), в применении к фрейму «Лгать» фреймовая структура может быть представлена следующим образом: {ЛГАТЬ: («субъект поведения» (1): лицо, сознательно дающее ложную информацию) («ложная информация» (2): информация, не соответствующая положению дел) («адресат» (3): лицо, которому предназначена данная информация) («оценка» (4): квалификация с позиции аксиологических и деонтических норм)}. Указанные слоты, однако, обуславливают усложнение фреймовой структуры за счет установления связей со следующими слотами: («информация противоположного типа» (5): информация, соответствующая положению дел), («наблюдатель поведения» (6): лицо, являющееся субъектом оценки), («характеристика поведения» (7): конкретные признаки деятельности), («следствия» (8): конкретные результаты, к которым привело данное поведение). Хотя терминал 4-го слота содержит амбивалентные оценки, свидетельствующие о том, что в картине мира русского языкового коллектива существуют неприемлемые формы лжи, анализ данных ассоциативного словаря показал, что появление положительной оценки (например, *ложь во спасение*) уникально (Старостина, 2005) — это определяет обязательное наличие во фреймовой структуре дополнительного слота («обстоятельства» (9): описание оправдательной ситуации с указанием причины и цели) — по сути, переход к фрейму «Святая ложь».

В тексте фрейм репрезентируется за счет экспликации слотов, а их наличие, собственно говоря, и позволяет выявить и квалифицировать фрейм. Так, в приведенном выше примере из рассказа А. П. Чехова «Палата № 6» выявляются слоты (1) (Дарьюшка), (2) и (5) (см. фрагменты текста, выделенные разрядкой), (3) (хозяйка), (6) (Андрей Ефимович) и (4) (отрицательная оценка: употребление глагола *лгать* в несобственно-прямой речи Андрея Ефимовича *вм. говорить*). Аналогично фреймовая структура проявляется и в приведенном ниже фрагменте речи Лаевского: особенностью является совпадение слотов (1) и

(6): субъект поведения является одновременно наблюдателем; как справедливо замечают авторы «Коммуникативной грамматики...», данное соотношение требует разрыва во времени (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 62):

– *Боже мой, — вздохнул Лаевский, — до какой степени мы искалечены цивилизацией! Полюбил я замужнюю женщину; она меня тоже...<...> Мы бежали, в сущности, от мужа, но лгали себе, что бежим от пустоты нашей интеллигентной жизни* (А. П. Чехов. Дуэль).

Структура фрейма может представать в редуцированном виде — некоторые из слотов оказываются незаполненными (см. выше примеры из произведений Достоевского: не заполнен слот (2)) — и расширенном — вводятся факультативные слоты (см. ниже пример 1: вводится слот (8)).

Для выражения отрицательной оценки не нужны дополнительные слоты, эту функцию выполняет имя фрейма. Поэтому значимо его отсутствие для фреймовой структуры при замене ЛС-модели [ЛГАТЬ], (ЧТО) на ЛС-модель [ГОВОРИТЬ], (ЧТО) в тексте «Дамы с собачкой»:

1) *Раз в два-три месяца она уезжала из С. и говорила мужу, что едет посоветоваться с профессором насчет своей женской болезни, — и муж верил и не верил;*

2) *В декабре на праздниках он собрался в дорогу и сказал жене, что уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека, — и уехал в С. Зачем?*

Рассмотрим последний из примеров. Совокупность четырех слотов: («субъект поведения»: он) («ложная информация»: уезжает в Петербург хлопотать за одного молодого человека) («противоположная информация»: уехал в С. Зачем?) («адресат»: жена) — позволяет говорить о репрезентации фрейма «Лгать», однако он не получает квалификацию — имя фрейма заменяется другим. При отсутствии имени фрейма не получает экспликации и отрицательная оценка. Отказ от отрицательной оценки в ситуации, обуславливающей ее наличие с учетом морально-этических норм (аксиологическая и деонтическая модальность), предстает как специфическая коммуникативная тактика: самим фактом вывода оценки как нерелевантной для данной ситуации формируется положительное отношение автора к персонажам.

Заметим, что в ситуации адюльтера — а она является в рассказе сюжетообразующей — тема лжи занимает одно из центральных мест.

Есть ли дополнительные факты, поддерживающие и мотивирующие авторскую модальность?

Сравним еще раз способ заполнения слотов (3) и (5): «ложная информация» соположена с «истинной» на основе двух компонентов, однако сопоставление фиксирует отсутствие симметрии:

	Куда?	
«ложная информация» в Петербург		«истинная информация» в С.
	С какой целью?	
<i>хлопотать за одного молодого человека</i>		<i>Зачем?</i>

Вопрос героя, обращенный к самому себе, свидетельствует о наличии лакуны — в свете рассматриваемого соотношения оппозиция «истинный / ложный» не имеет смысла и фрейм «Лгать» предстает ущербным. По всей вероятности, именно эта уникальная тактика избавляет читателя от нравственного дискомфорта.

Проведенный анализ способов введения авторской модальности в текстах А. П. Чехова дает все основания еще раз согласиться с мнением И. Р. Гальперина: «Отношение читателя к персонажам произведения — результат сопереживания: явными или скрытыми путями у него возникает представление оценочного характера, в большинстве случаев вызванное отношением самого автора» (Гальперин 1981: 116).

Литература

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.

Ильенко С. Г. О лингвистических основах школьного курса синтаксиса // Обучение русскому языку в 7–8 классах. — М., 1973.

Ильенко С. Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. — СПб., 2003. С. 359–375.

Ильенко С. Г., Левина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. — СПб., 2007.

Минский М. Фреймы для представления знаний. — М., 1979.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). — М., 1996.

Старостина Е. В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2005.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. 3 изд., стер. — М., 2004.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1988. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 52–93.

Химич В. В. Стилиевые закономерности прозы Чехова 90-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1970.

К. П. Сидоренко (Санкт-Петербург)

ИНТЕРТЕКСТОВАЯ КОНТАМИНАЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ («Горе от ума»)

Предлагаемая заметка относится к одному из аспектов обработки материалов, посвященных интертекстовой «судьбе» комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и, в частности, к работе над словарем цитат и крылатых выражений, соотносимых с этим произведением. Все выдержки из «Горя от ума» приводятся по изданию (Грибоедов 1995)*.

Словарное описание интертекстовых единиц предполагает целенаправленное обращение к так называемому «отрицательному языковому материалу» (по Л. В. Щербе (1974)). Разнообразные модификации, изменения и искажения по-разному могут быть оценены с позиций русской речевой культуры, однако без них лексикографическая обработка интертекстового материала не представляется возможной. Фразеологические контаминации по-разному трактовались исследователями. А. М. Бабкин, понимая под контаминацией «объединение частей семантически сходных фразеологизмов, приводящее к образованию новой фразеологической единицы с тем же или сходным значением», пишет о «внешней причине» этого явления, которым являются «поиски экспрессии» (Бабкин, 1970, с. 104). Полемизируя с этой точкой зрения, А. И. Молотков настаивал на том, что контаминации являются неправильностями, которые можно объяснить, «как и всякие ошибки, плохим знанием говорящим фразеологии русского языка» (Молотков, 1977, с. 203). А. М. Бабкин выделяет структурно-семантическую основу фразеологической контаминации, которая, если продолжить эту мысль, дает фразеологическую деривацию, оценка которой с позиций культуры речи, по-видимому, не может быть однозначной. Показательно, что речевые модификации, в том числе и фразеологические контаминации, не только воспринимаются как законо-

---

* При ссылке на текст «Горе от ума» римский цифрой указывается действие, а арабской — явление.

мерное явление, но и становятся особым аспектом при функциональном описании русской фразеологии (см. Мелерович, Мокиенко, 1997).

Сходная проблематика возникает и при обработке смежного фразеологии участка идиоматики — корпуса интертекстовых единиц. Однако если в работах по фразеологическим контаминациям дискутируется вопрос о характере нового образования, его статусе в системе фразеологии, то в сфере интертекста эта проблематика получает продолжение. Возникают вопросы о сохранении соотнесенности выражения с источником, о цельности новой единицы, об оценке «ошибок» цитирования и т. п. Отсюда и несколько иное понимание контаминации: это не только и не столько создание новой речевой единицы (фразеологизма), но и образование нового интертекстового единства цитатного характера (структурно и семантически неоднородного и противоречивого), которое так или иначе интерпретируется в словаре и лишь может быть соотнесено с вокабулой (заголовком словарной статьи). Такой интертекстовый шаг обычно приводит к созданию эффекта внешней исходной цельности, которая, по существу, является ложной.

Ниже предлагается ряд классификационных позиций, отражающих специфику интертекстовых контаминаций.

1. Расширение внутритекстового пространства. Имеются в виду такие случаи, когда в интертекстовый шаг вовлекаются два и более сегмента исходного текста. Типичный пример основан на объединении нескольких (обычно — двух) исходных высказываний в рамках одного действия или даже одного явления. Такое смешение объясняется сходством содержания реплик и порождает то, что можно было назвать «естественной небрежностью» при цитировании. Так, нередко происходит смешение сходных цитат, восходящих к разным репликам Фамусова и Скалозуба в одном явлении (II, 5): [Фамусов] *А, батюшка, признайтесь, что едва / Где сыщется столица, как Москва.* [Скалозуб] *Дистанции огромного размера* (ст. 259–261) и [Фамусов] *Решительно скажу: едва / Другая сыщется столица, как Москва.* [Скалозуб] *По моему суждению, / Пожар способствовал ей много к украшенью* (ст. 317–320). В результате образуется смешанное единство типа *Решительно скажу: едва где сыщется столица, как Москва* с многочисленными свободными вариантами реплик *Дистанции огромного размера* и *Пожар способствовал ей много к украшенью*. В данном случае показательно, что в интертекстовый шаг вводится реплика. Такого рода комбинации довольно разнообразны и многочисленны. Например:

[София] *Чужих и вкривь и вкось не рубит, — Вот я за что его люблю.* [Чацкий] *Шалит, она его не любит* (III, 1, ст. 123–125) и [Чацкий] *Целый день играет! Молчит, когда его бранят! (В сторону.) Она его не уважает.* (III, 1, ст. 109–110) и [Чацкий] *Сатира и мораль, смысл этого всего? (В сторону.) Она не ставит в грош его* (III, 1, ст. 117–118). В пересказе содержания «Горя от ума» И. А. Гончаров пишет:

У Чацкого рассеялись все сомнения:

Она его не уважает!

Шалит, она его не любит.

Она не ставит в грош его!

утешает он себя при каждой ее похвале Молчалину и потом хватается за Скалозуба (И. А. Гончаров. Мильон терзаний <1872>).

Впрочем, в авторском комментарии есть намек на нарочитое объединение высказываний, не являющихся смежными исходно («при каждой ее похвале»). Однако в примере, приведенном ниже, перед нами высказывание, основанное на контаминации, дающей ложный эффект исходной смежности. Ср. в шутовском продолжении «Горя от ума» (добавляются слова Чацкого *Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!* (III, 1, ст. 2)):

Чацкий. Вот я и на перепутье: кого все-таки любит Софья? *Кто, наконец, ей мил? Скалозуб? Молчалин? Шалит, она его не любит!*

Нагиев. И вправду, непросто разобраться в сих любовных хитросплетениях. Надеюсь, разрубить этот гордиев узел нам поможет сама Софья Павловна Фамусова! Прошу в студию! (Т. Николаенко. «Окна» с участием Чацкого и Ко <2005>).

Объединение восходящих к одному действию и одному явлению реплик — [Чацкий] *Кричали женщины: ура! / И в воздух чепчики бросали!* (II, 5, ст. 394–395) и [Фамусов] *К военным людям так и льнут, / А потому, что патриотки* (II, 5, ст. 315–316) — дает такое же моделирование цельности исходного цитатного фрагмента:

Мадмуазель Сушкова была «патриоткой», из тех, кто кричали «ура» и «в воздух чепчики бросали» (А. Марченко. С подорожной по казенной надобности <1984>).

Возможно расширение исходного текстового пространства, когда на общей семантической основе-концепте происходит «цитатная подгонка». В этом случае расширение интертекстового пространства соотносится уже не с одним действием комедии, а с несколькими. Например, два исходных фрагмента: [Фамусов] *При мне служащие чужие очень редки; / Все большие сестрины, свояченицы детки* (II, 5) и

[Молчалин] *Чиновные и должностные все ей друзья и все родные* (III, 3) — дают контаминированную измененную скрытую цитату:

Ни в члены правления, ни в другую какую-нибудь ответственную должность не может попасть никто из посторонних, а все «свои» — *то родные, то «сестрины, свояченицы детки»* (А. П. Лукин. Отголоски жизни <1901>).

Афористичность текста «Горя от ума» определяет его мощный «контаминационный» потенциал, когда точная ссылка на то, «кто это сказал», значения не имеет. Эту особенность комедии Грибоедова шутливо обыгрывают П. Вайль и А. Генис:

Если же признать Чацкого умным, то надо признавать и то, что он умен по-иному. Осмелимся сказать: умен не по-русски. По-чужому. По-чуждому. Для него не разделены так бесповоротно слово и дело, идея обязательной серьезности не давит на его живой, темпераментный интеллект. Он иной по стилю. Разве общество отвергает Чацкого за идеи? Прочтем отрывок:

*А все Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!
По шутовскому образу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платье, волосы, так и умы коротки!*

Пламенное проклятие иноземному засилью. Кто же это так возмущен? Да все: первые шесть строк в этом составном монологе принадлежат Фамусову, последние шесть — Чацкому (П. Вайль, А. Генис. Родная речь. Уроки изящной словесности <1991>).

Очевидно, что возможность такого обыгрывания имеет свои лингвистические основы.

2. Расширение межтекстового пространства. Имеются в виду такие случаи, когда в интертекстовом шаге участвуют два (иногда и больше) разных произведения. Так, слова Чацкого *Ах! Франция! нет в мире лучше края!* (III, 22) контаминируются со стихом Пушкина *Москва... Как много в этом звуке* («Евгений Онегин», 7, XXXVI) и дают новое цитатное единство при очевидной пушкинской интертекстовой доминанте:

Ах! Франция... Как много в этом слове для сердца русского слилось! Может, не совсем плебейская генетика, может, неплохое знание истории, но что-то меня неумолимо толкало хоть раз в жизни увидеть Париж. (О. В. Барышникова. Впечатления довольно романтической женщины о Париже, лишенном романтики, или как убить 2,5 часа рабочего времени <2005>).

Ряд примеров такого рода можно было бы продолжить.

3. Контаминация, дающая новую автономную интертекстовую единицу и являющаяся одним из путей интертекстовой деривации, позволяющей развести методологию интертекстуальности с методологией теории источников (см. Пьеге-Гро, 2008, с. 73). Так, в разделе «ДЕЙСТВУЮЩИЕ» в «Горе от ума» есть «*Старуха Хлестова, свояченица Фамусова*» (Репетиллов называет ее *Амфисой Ниловой* (IV, 8)). Там же обозначены *Графиня бабушка* и *Графиня внучка Хрюмины*. Д. Н. Бегичев в некогда популярном романе «Семейство Холмских» использует цитаты и имена из «Горя от ума» (см. Мещеряков, 1983, с. 17 и далее), и разного рода приемы контаминации у него не редки. Например, появляется контаминированный литературный антропоним *Графиня Хлестова*:

По тесноте дома в Надежине, невозможно было приехать на свадьбу родной сестре князя Рамирского, *графине Хлестовой* и прочим его родным (Д. Н. Бегичев. Семейство Холмских <1841>).

Показательно повторение этого антропонимического обозначения у Ф. М. Достоевского. Так возникает загадка интертекстовой деривации, ср.:

Ну-с, князю, разумеется, жениться нельзя было: что, дескать, *графиня Хлестова* скажет? Как барон Помойкин об этом отзовется? (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные <1861>). (С известной долей осторожности можем допустить, что у Достоевского присутствует и усложняющая контаминацию реминисценция слов Фамусова *Что станет говорить / Княгиня Марья Алексеевна!* (IV, 14).)

Ср. также еще одно объединение имен грибоедовских персонажей — *Фамусов* и *Максим Петрович*:

Бывши откупщиком, ездил он [Фамусов] в Петербург, к торгам на откупа, и там всегда проживал много на обеды. <...> Фамусов через обеды свои познакомился со многими. Один из значительных чиновников, которых угощал он в Петербурге, проезжал, спустя несколько лет после того, чрез его деревню, где была почтовая станция. От нечего делать спросил он: чья деревня? Ему сказали: *Максима Петровича Фамусова*. Он вспомнил, что этот *Максим Петрович* был ему знаком... (Д. Н. Бегичев. Семейство Холмских <1841>).

Заголовочное положение таких единиц в словаре, как правило, исключено, однако высокая частотность вольного или невольного обыгрывания авторского слова не позволяет воспринимать контаминацию как недоразумение, которому не место в словаре, обрабатываемом язык классика.

Литература

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. — Л.: Наука, 1970.

Грибоедов А. С. Горе от ума / Подгот. текста и коммент. А. Л. Гришунина; Науч. ред. С. А. Фомичев. — СПб.: Нотабене, 1995. (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 1).

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. — М.: Рус. словари, 1997.

Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.) / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. и яз. — Л.: Наука, 1983.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. — Л.: Наука, 1977.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: ЛКИ, 2008.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. С. 24–39.

И. П. Матханова (Новосибирск)

АИФОРИЗМЫ КАК ОБЩЕРЕФЕРЕНТНЫЙ ТИП ТЕКСТА

Исследование осуществлено при содействии Фонда Президента РФ на поддержку ведущих научных школ НШ-1335.2008.6

Читая работы Н. Е. Сулименко, всегда удивляешься широте ее научных интересов, умению увлечься и увлечь новыми лингвистическими концепциями и вместе с тем верности учителям — В. В. Степановой, С. Г. Ильенко, А. В. Бондарко, проявляющейся и в любви к тексту как лингвистическому и художественному феномену, и в глубокой и точной характеристике функционирования слова во взаимодействии со средой, и во внимании к грамматической семантике, взаимодействующей с лексической. Еще один из ее лингвистических талантов — умение привлечь внимание к новым языковым фактам, ввести их в научный оборот, «заразить» интересом к нестандартным, неожиданным

ным текстам, например к «народным афоризмам», печатающимся на страницах газеты «Аргументы и факты», или АиФоризмам, которым Н. Е. Сулименко посвятила статью в сборнике Новосибирского педуниверситета (Сулименко, 2000).

АиФоризмы, которые Н. Е. Сулименко справедливо называет сентенционным типом текста (как и пословицы), наследуют свойства афоризма, являющегося для них образцом построения, а также обладают рядом собственных характеристик, таких как: они создаются рядовыми читателями[•] (с «довольно высоким, хотя и не всегда профессиональным уровнем языковой компетенции» (там же, с. 5); в них не столько фиксируются закономерности, которые характерны для всего человечества во все времена, сколько отражаются реалии, актуальные для нашей страны в современную эпоху, и поэтому значительная часть информации является затекстовой, одинаково понятной и автору и читателю и поэтому объединяющей их. Кроме того, они парадоксальны, часто используют эффект обманутого ожидания (там же). Все эти особенности накладывают отпечаток не только на особую лексическую организацию подобных текстов малой формы, но и на их грамматическую специфику.

Охарактеризуем несколько логико-смысловых разновидностей АиФоизмов, выделенных на основе реализации в них конститутивной семантической категории временной нелокализованности (Бондарко 2002; Смирнов, 1992): нестандартные, необычные по содержанию, но использующие типовые грамматические средства выражения временной и персональной референции (*Деньги учат нас обходиться без них; Естественный отбор — это изъятие денег у мужа после получки*); формулирующие ограничения в устанавливаемых закономерностях (*У плохого студента есть шанс стать хорошим солдатом; В наше время даже язык искусства становится нецензурным*); определяющие несоответствие каких-либо отношений общим правилам (*Хорошая жена всегда согреет. Не жизнь, так суп; Теперь о демократии мы знаем все, кроме того, как ею пользоваться*); характеризующие возможности, predeterminedенные сложившимися обстоятельствами (*Болеть надо так, чтобы другим неповадно было*). Эти разновидности выделяются с учетом лексико-грамматической (морфологической и синтаксической) специфики данного жанра.

Как уже отмечалось в статье Н. Е. Сулименко, многие АиФоризмы построены по образцу афоризмов и отличаются главным образом

[•] В целях экономии места, а также единообразия (авторы указаны не всегда) фамилии в примерах не приводятся.

лексической нестандартностью, которая основана на языковой игре (отметим, что в других разновидностях эти лексические особенности тоже сохраняются): в них совмещаются два (иногда и более) прецедентных текста (*Выборы из двух зол до добра не доведут; Политики приходят и уходят, а их обещания живут вечно*) или сталкиваются разные значения многозначных слов либо омонимов (*Куда ни кинь, везде кидают; Борясь с наркоманией, нам еще вкалывать и вкалывать*), причем контекст может актуализировать разные значения в одном и том же слове (*И у медицинских светил бывают затмения*). Вместе с тем нелокализованность в таком случае «наследуется» из сталкиваемых прецедентных текстов, в том числе и благодаря тому, что они осознаются коммуникантами как устойчивые, воспроизводимые, характеризующие не одну ситуацию, а многие, и любая временная форма оценивается как передающая значение неактуальности. Если же языковая игра основывается не на прецедентных текстах, то чаще всего используются типовые средства нелокализованности: конструкции тождества *X это Y* (Арутюнова, 2005, с. 309), конструкции с адъективным предикатом (Булыгина 1982), передающие значение качественности, глагольные конструкции с кванторами всеобщности, с формами настоящего неактуального (Бондарко, 2002; Смирнов, 1992) и под., например: *Лучшее лекарство — бальзам на душу; В любовном треугольнике один угол всегда тупой; Темное прошлое постоянно бросает тень на светлое будущее; Короткий ум жизнь человека не удлиняет*. Надо отметить, что, хотя большинство из этих высказываний характеризуется высокой степенью генерализации, в них прочитывается актуальный смысл, не только потому, что они относятся к конкретным «текущим» событиям нашей жизни, но и потому, что отражают ее приметы и закономерности.

В следующем семантическом типе, характерном для АиФоризмов, формулируются не только правила, но и их ограничения, тем самым происходит сужение сферы действия некоторой закономерности: это может касаться периода их действия, групп лиц и явлений, на которые они распространяются, а также их регулярности. Так, в высказывание вводятся языковые средства, которые указывают на то, что правило характерно только для текущего времени (*теперь, сегодня, нынешний* и др.), или на то, что данная закономерность обнаружилась только в последнее время (*оказалось, выяснилось, стало* и под.): *Теперь голод не тетка, а сестра лечебному голоданию; Сегодня курс обучения привязан к курсу доллара*; ср. также: *Вход в светлое будущее стал платным; Оказывается, мы всю жизнь строили светлое прошлое*. Ограничение персонального плана достигается благодаря ука-

занию на социальное положение лица (*Для пенсионера и муха в щак — уже говядина*), его возраст и/или пол (*Дети — плоды, не видящие корней*), качественную характеристику лица (*Быстрой езды не любит тот русский, на котором ездят*), что в общем характерно для большинства генерализованных высказываний и текстов (Смирнов, 1992), но чаще используются показатели общности, включающей самого говорящего — *мы, наши*, — прямое указание на место действия в России: *Никто так не умеет жить, как мы не умеем; Сколь неестественны наши методы борьбы с естественными монополиями; Народ в России делится на крутых и всмятку*. И, наконец, в качестве средств, снижающих «ранг» обобщения, выступают показатели *иногда, часто, бывает*: *Наши хранители не всегда ангелы; Иногда жена с мужем мучается, как собака с костью: и съесть не может, и бросить жалко; Бывает такой футбол, который ни в какие ворота не лезет*.

Еще один семантический тип АиФоризмов представлен конструкциями, в которых фиксируются различные случаи несоответствия: исключения (*Иное равноправие начинается с ущемления прав левых*), неожиданного следствия выявленной закономерности, вплоть до доведения до абсурда (*Страна на подъеме, цены растут; Скорые поезда и опаздывают быстрее*), близкого к этому значения антирезультата (результата, противоположного цели): *Медицина лечит нас до последнего вздоха; Знание закона не освобождает от безответственности*.

Описания в АиФоризмах исключений, т. е. тех случаев, которые не подпадают под существующие правила, характеризуются не как единичный факт, протекавший в определенном времени и пространстве, а как своего рода типовая ситуация, также не локализованная во времени (*Армия вышибает из молодых людей дурные мысли. Иногда вместе с мозгами*). При этом само правило может не эксплицироваться, относится к фонду общих знаний, ср.: *Даже деньги вредны при передозировке*. Довольно часто исключения представлены в предложениях разного структурного типа с противопоставлениями: *Время, конечно, лечит, но не у всех хватает времени дождаться результатов лечения; Шутка — это самый быстрый способ расположить человека, только одного — к вам, а другого — против вас*. Во многих случаях этот смысл поддерживается отрицанием или ограничительными частицами. Эффект несоответствия может быть реализован и при выражении неожиданного следствия, вызванного данной закономерностью. Это часто воплощается в парцеллированных конструкциях, первая часть которых содержит общее положение, а вторая, построенная по тому же образцу, — неожиданное присоединение: *В России нет широко известных экономистов. Есть печально известные; Знамена-*

то у нас новые. Знаменосцы старые. Кроме того, эта семантика может передаваться и в конструкциях с причинно-следственными отношениями (*Здоровье пошатнулось — за него выпили; Не сори деньгами — заметут*), в которых часто можно наблюдать пропуск логического звена (Колосова, 1980). Общереферентная характеристика такого типа высказываний базируется на логической бинарной структуре и особом характере семантического субъекта, а снижение «ранга обобщенности» создается благодаря отмеченным лексико-синтаксическим особенностям. Иногда происходит совмещение ограничения и несоответствия, поэтому о разделности этих групп можно говорить лишь условно. Хотя языковые средства выражения временной нелокализованности и именной референции остаются в последних двух типах высказываний теми же, но благодаря тонким смысловым оттенкам, возникающим в результате взаимодействия лексической и грамматической семантики, а также жанровой природы высказывания-текста, энциклопедической информации коммуникантов, степень генерализации воспринимается неодинаково, становится возможным говорить о более широком семантическом спектре и разнообразии языковых средств его воплощения.

Что касается еще одного типа временной нелокализованности, встречающейся в АиФоризмах, то он стоит особняком не только по смыслу, но и по используемым средствам — речь идет об альтернативной закономерности, которая возможна при определенных условиях (*Как вставишь зубы — так есть не на что*). Такие случаи представляется возможным рассматривать в системе значений временной нелокализованности, поскольку представлена виртуальная, а не реальная ситуация, не занимающая определенного места на временной оси, которая коррелирует с выделяемой И. Н. Смирновым (Смирнов 1992) вневременно-потенциальной ситуацией временной нелокализованности. В этих АиФоризмах часто используются модальные показатели различной частеречной природы — глаголы (*И живое слово иной раз **может** убить*), наречно-предикативные слова (*Глоток свободы **можно** и не закусывать*), прилагательные (*Для лошадиного здоровья прежде всего **нужна** человеческая жизнь*). Другим средством актуализации вневременно-потенциальных смыслов являются условные конструкции разных структурных типов, ср.: *Если у нас смертность и дальше будет превышать рождаемость, то Россию будут называть Российские Вымираты; Много будешь знать, не дадут состариться.* Наиболее отчетливо проявляется рассматриваемая семантика в тех условных конструкциях, в которых используются либо формы будущего времени, либо формы будущего времени в сочетании с повелитель-

ным наклоном, имеющим футуральную направленность, например: *Не можешь выбрать власть — выбери страну*. Близкий смысл передают простые предложения обобщенно-личного типа с формами повелительного наклонения, поскольку сама конструкция предрасположена к выражению общереферентного высказывания, однако в ней не формулируются те последствия (тот результат), к которым ведет (не) исполнение названного действия; такая формулировка выпадает на долю адресата, становящегося соавтором, например: *Не очерняйте белых пятен истории!*; *Не дай бог ни камня в почках, ни камня за пазухой*. Во всех этих конструкциях происходит совмещение двух факторов: во-первых, нацеленности в будущее, которая задана особыми грамматическими формами (повел. накл., буд. вр.) или лексическим значением — модальной семантикой главного слова, имеющего при себе зависимый инфинитив, а во-вторых, общереферентного статуса субъекта (как определенно-группового, так и неопределенно-группового).

Итак, анализ АиФоризмов как нестандартных текстов сентенционного типа позволяет выделять логико-смысловые подтипы, в которых реализуются обобщения разных рангов. Такое выделение базируется на взаимодействии семантических категорий временной нелокализации и референтного типа именных групп, учитывает лексико-синтаксические особенности высказывания, его связь с затекстовой информацией, восстановление пропущенных логических звеньев, т. е. показывает, что языковая палитра автора-рядового читателя чрезвычайно широка.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. — М., 2005.
- Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. — М., 2002.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в современном русском языке // Семантические типы предикатов. — М., 1982.
- Колосова Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры. — Воронеж, 1980.
- Сулименко Н. Е.* О судьбах этноса и слова на грани тысячелетий // Проблемы интерпретационной лингвистики. — Новосибирск, 2000.
- Смирнов И. Н.* Семантика субъекта/объекта и временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. — СПб., 1992.

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ОСНОВА ВНУТРИТЕКСТОВОГО КОММЕНТАРИЯ

«В соответствии с принципом антропности текст как культурное явление существует только при условии его интерпретации человеком, и проблема интерпретации предстает как проблема вхождения текста в культуру. Он жив при условии текстовой, интерпретационной деятельности автора и адресата как участников внутри- и межкультурной коммуникации» (Сулименко, 2008, с. 226).

Т. А. Трипольская так определяет соотношение авторской интерпретации и комментария: «У этих понятий оказывается существенная зона пересечения: трудно определить, где заканчивается комментарий (сообщение объективной информации) и начинается интерпретационная деятельность автора, повествователя, персонажа и читателя. Во внутритекстовом комментарии причудливо переплетается информация объективного и субъективного характера, факт и мнение пишущего» (Трипольская, 2008, с. 36).

Характерной чертой произведений писателя, журналиста и критика Петра Вайля является внутритекстовый комментарий, естественным образом входящий в текст, выполняющий поясняющую и справочную функции, но в первую очередь связанный с философскими, этическими и эстетическими взглядами автора. Анализируя особенности внутритекстового комментария, Т. А. Трипольская отмечает, что он имеет общепризнанные черты текста-комментария, при этом автор текста и комментатор — это один субъект, комментарий органически встроен в текст, а комментирующие текстовые фрагменты отличаются полифункциональностью, связанной с художественными задачами автора (там же, с. 35).

Имя Петра Вайля связывается с уникальным жанром путевой прозы, с исследованиями в области литературы, архитектуры, музыки, живописи, философии, а также и кулинарии. Путешествуя по миру, писатель отражает свое видение и понимание действительности через встреченных им людей: современников с их сегодняшними и вечными проблемами и национальными особенностями, а также выдающихся личностей прошлого, которые в чем-то определили развитие общества. По признанию П. Вайля, «чем больше точек — тем точнее график. Для того, может, и существуют путешествия и возвращения: чем больше видишь другого непривычного, чем чаще помещаешь изменившегося себя в иные декорации, тем вернее разберешься в себе. То

же с перечитыванием великих книг, восприятие которых разительно меняется с возрастом. Великие книги — всегда про тебя. По сути, это кажется единственно верным критерием при выборе предпочтений: про меня или не про меня?» (Вайль, 2007, с. 386).

Как отмечает литературный критик Н. Иванова, путешествие — один из самых гибких и самых древних жанров: «Жанр-донор. Жанр, полный живых возможностей» (Иванова, 2005, с. 150). По мнению критика, история путешествий как литературного жанра — это история приливов и отливов свободы в России. Путешествию на Запад, запечатленному в стихах и прозе «шестидесятниками» с их порывом доставить читателю под видом разоблачения новые сведения о мире, в том числе о новом искусстве, писатели-деревенщики предпочли иное географическое и идеологическое направление — путешествие по России, даже скорее в Россию как малую родину. Литературные путешествия из России в советской литературе были связаны с противопоставлением типов идеологий и культур. В основу путешествия были положены оппозиции. Оппозиции социального, исторического, национального типа. Наше — святое, их — адово. Литературные путешествия в Россию тоже были связаны с противопоставлением. Здесь уже культуре городского типа как подпорченной противопоставлялась культура деревенская (как святая) (Иванова, 2005, с. 153). Однако Вайль не вписывается в эту схему. Эмигрировав в 70-е годы в США, он ищет новых впечатлений, жаждет свободы передвижения, возможности ознакомиться с мировой культурой. Оглядываясь из 90-х годов на прежние десятилетия, писатель считает, что Россия, при всей своей изоляции, в 60-е годы уже была частью мира, уже открыла Запад: «Странно и удивительно, но в СССР в эти годы шла такая же социальная (молодежная, сексуальная, музыкальная) революция, как в Штатах или Франции, с понятными поправками, конечно» (Вайль, 2006, с. 37). Одинаково иронично он относится и к усиленным поискам народных корней, и к модной романтике «дальних дорог». Н. Иванова замечает, что литературное путешествие начала 90-х имеет постоянным фоном еще одну существенную проблему — конец СССР, в результате которого «отпала советская империя». Книга «Карта родины» — результат путешествия по «Имперскому периметру» в поисках утраченной страны, которую он оставил.

Из периферийной области описательного очерка-эссе жанр путешествий становится полноправной литературной формой. При этом, казалось бы, дополнительные для жанра путешествия задачи — философские и мировоззренческие — становятся главными (Иванова, 2005, с. 167–168).

Путевая проза П. Вайля исключительно оригинальна, она переплетается с автобиографическими лирическими отступлениями, литературоведческими и искусствоведческими эссе, политической публицистикой. В центре книги «Карта родины» — сам автор, который при этом не стремится быть главным героем, — он наблюдатель, проникнутый живым любопытством. Ю. М. Лотман отмечал: «В зависимости от того, на какой позиции находится сам описывающий, то есть в конечном итоге от того, к какой культуре он сам принадлежит, определяется и метаязык типологического описания: в основу кладутся оппозиции психологического, религиозного, национального, исторического или социального типа» (Лотман, 1992, с. 387).

В антологии с противоречащим, казалось бы, этому названием «Стихи про меня» Вайль признается в том, что умеет относиться к себе без всякого почтения, «истребляя личное местоимение первого лица в своих писаниях, за ним гоняясь и изгоняя даже в ущерб стилю и грамматике, оставляя лишь тогда, когда без него не обойтись; зная, что даже скромный оборот “я думаю” всегда лишний, потому что если говоришь или пишешь не то, что думаешь, — лучше не надо, а напоминать, что так думаешь именно ты, — все-таки нескромно» (Вайль, 2006, с. 217). По мнению Н. А. Кузьминой, в современной поэзии комментаторская деятельность оказалась чрезвычайно востребованной, как, впрочем, и в философии постмодерна в целом, не случайно всю эпоху даже именуют «комментаторской». Исследователи связывают это с наметившимся уже в начале XX века усилением филологического начала в литературе, движением литературы как формы художественного творчества и филологии как науки навстречу друг другу, стремление филологии «быть не только описанием, но и образом жизни, не только инструментом понимания, но и бытом» (Кузьмина, 2008, с. 47).

Яркой приметой художественных текстов является обостренная языковая рефлексия пишущих, выражающаяся в метаязыковом комментировании, что связывают с очагами коммуникативного напряжения в языке, реагирующем на социальное, экономическое и политическое напряжение в обществе (Вепрева, 2002). Как отмечает В. Д. Черняк (Черняк, 2005, с. 17), современную литературу отличает эксплицированная в тексте филологическая рефлексия. П. Вайль развивает эту мысль так: «Лет до сорока безусловно главным из искусств для меня была словесность, занимая добрые три четверти художественного кругозора. За следующее десятилетие расклад изменился: литература — примерно наравне с музыкой, кино, живописью, архитектурой. Слово потеснилось перед картинкой и звуком. Понятно почему.

Что такое картинка и звук? Это жизнь. А слово — истолкование жизни. <...> Составляющее смысл и суть литературы неуловимое многообразие словесной интерпретации оборачивается заведомой ускользающей неправдой. Поменялось соотношение книжной и первичной реальностей. Очень долго полагал, что нет ничего важнее и увлекательнее книг, пока не осознал, что самая изощренная умозрительная коллизия меркнет рядом с событием пустяковой живой мимолетности» (Вайль, 2007, с. 385). Тем не менее писатель-филолог, тонкий знаток литературы, Вайль не просто склонен к филологической рефлексии — она стала частью его мировосприятия, что отражается в его произведениях в форме внутритекстового комментария.

Обратившись к литературной стороне филологической рефлексии Вайля, можно привести большое количество прецедентных феноменов — имен, текстов, высказываний, ситуаций. Прецедентные феномены раскрывают предпочтения автора, его субъективное мнение, часто нетрадиционную оценку. Приоритеты в ссылках на литературу в значительной степени открывают мировоззрение человека, его систему ценностей. Замечательно, что упоминаемые Вайлем писатели всегда рассматриваются в контексте общечеловеческих отношений, в живых связях, без какого-либо «хрестоматийного глянца». Прецедентные феномены у Вайля редко прямолинейны, они рассчитаны на своего читателя — человека определенного культурного кругозора: «Очень бы удивились и португальцы, узнав, что их дорогой изысканный напиток так причудливо деформирован. Да, невкусно, *полюбите нас черненькими!*» (Вайль, 2006, с. 205; здесь и в след. цитате курсив мой. — И. С.); «Годами читал только *ерофеевскую книжку* и говорил, с неприязнью поглядывая на портрет немца: “Не, даже не думай, исключено, им не врубиться, забудь”. *Доморощенный Тютчев*, с заменой горечи на торжество» (там же, с. 208).

При этом очевидно, что Вайль не акцентирует внимания на себе. Здесь он, как представляется, расходится со своим коллегой и соавтором многих работ Александром Генисом. Известный литературный критик и писатель Александр Генис определяет жанр своего романа «Довлатов и окрестности» как «филологический роман». Автор видит задачу жанра в том, чтобы «найти его, этого самого автора». Как пишет А. Генис, «филологический роман видит в книге не образы, созданные писателем, а след, оставленный им. Уникальна только душа, которая помещается между телом и текстом. Ее след пытается запечатлеть филологический роман» (Генис, 2002, с. 283). «В хороших мемуарах, — писал Довлатов, — всегда есть второй сюжет (кроме собственной жизни автора)» (цит. по: Генис, 2002, с. 67). А. Генис за-

мечает: «У меня второй сюжет как раз и есть жизнь автора, моя жизнь». Становится очевидно, что личность автора, его нравственные и литературные приоритеты, «след души» отражаются в использованных им прецедентных феноменах. «Окрестности Довлатова» знакомят читателя с яркой интеллектуальной личностью, у которой есть все основания заявить: «Книги о других пишут, когда нечего сказать о себе. В данном случае это не так. Я-то как раз ее пишу, рассчитывая поговорить о себе. Но чтобы забраться подальше, мне нужно дерево повыше» (Генис, 2002, с. 69).

В отличие от симпатичных ему и во многом близких представителей примерно того же поколения, людей сходной творческой и эмигрантской судьбы, например, неоднократно упоминаемых Вайлем Василия Аксенова и Александра Гениса, Петр Вайль в самой большой степени остается «гражданином мира», не поляризуя его на русский и американский. Эта принадлежность к мировой культуре проявляется в филологической рефлексии через прецедентные феномены, которые, как правило, не имеют политической окраски, как у В. Аксенова времен американской эмиграции. Надо заметить, что после возвращения этого одного из известнейших «шестидесятников» в Европу политизированность его филологической рефлексии значительно снижается. В сборнике «Американская кириллица» (Аксенов, 2004) вновь преобладают неидеологизированные прецедентные феномены, опирающиеся на русскую литературу XIX–XX веков. В книгах В. Аксенова соединяются рассуждения о русском и американском менталитете, образе жизни и традициях, размышления об особенностях словоупотребления, перевода, произношения. Писатель погружен в стихию живой речи и стремится приобщить к ней читателя. В этой связи показательно признание П. Вайля: «С раннего детства был опыт пребывания в неоднородной языковой среде, что потом помогло, подозреваю, в Америке и Европе. И шире — в жизни вообще: допущение иного равноправного варианта, мнения, высказывания. То, что можно назвать альтернативным сознанием, присутствовало изначально. Однако — исподволь, подспудно» (Вайль, 2007, с. 397).

Представляется, что Вайль постоянно ощущает себя человеком России, хотя не живет здесь уже 30 лет. «Родину уважать очень трудно, не получается. Любовь — другое дело, она дается без усилий. Она просто есть» (там же, с. 445).

Известно, что языковая личность характеризуется через систему порождаемых ею текстов, филологическая рефлексия пронизывает все произведения Вайля. «В процессе интерпретации текста и реализуется креативное, творческое начало языковой личности, активизирую-

щей свою ментальную сферу, воображение, эмоции, волевые импульсы, оценки и т.д.» (Сулименко, 2008, с. 238).

Литература

- Аксенов В.* Американская кириллица: Проза и стихи. — М., 2004.
- Вайль П.* Карта родины. — М., 2007.
- Вайль П.* Стихи про меня. — М., 2006.
- Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург, 2002.
- Генис А.* Довлатов и окрестности: филологический роман // Личное — три. — М., 2002.
- Иванова Н. Б.* Невеста Букера: Критический уровень 2003/2004. — М., 2005.
- Кузьмина Н. А.* Автокомментарий в современной поэзии: формы и функции // Комментарий и интерпретация текста: Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 2008. С. 45–62.
- Лотман Ю. М.* О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. — Таллин, 1992. Т. 1. С. 377–405.
- Сулименко Н. Е.* Интерпретация текста и его лексическая структура // Комментарий и интерпретация текста: Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 2008. С. 226–238.
- Трипольская Т. А.* Комментарий как элемент художественного текста: типы и функции // Там же. — Новосибирск, 2008. С. 34–45.
- Черняк В. Д.* Современная речь как объект языковой рефлексии в новейшей литературе // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): Материалы Всерос. конф. — СПб., 2005. С. 17–19.

А. В. Хохлов (Санкт-Петербург)

ТЕКСТОВЫЕ СМЫСЛЫ ГЛАГОЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ (на материале рассказов В. М. Шукшина)

Исследование направления речевого варьирования лексических значений глагола создает представление о коммуникативной стратегии, авторских интенциях в отборе соответствующих слов, определенных картиной мира писателя.

В текстах художественных произведений В. М. Шукшина для выражения авторского отношения к современной ему действительности активно используется глагольная лексика с богатым коннотативным содержанием, которое проявляется весьма своеобразно в каждом речевом акте.

По итогам наших наблюдений отбор глагольной лексики в выражении авторской картины мира тяготеет, в основном, к зоне «человек, его внутренний мир, отношение к жизни и смерти».

Обратимся к текстам В. М. Шукшина. Почти все его произведения построены в форме городского сказа, т. е. рассказ ведется от лица автора, но голос его связан с голосом персонажа, поэтому часто сема авторской оценки сливается с оценкой персонажа определенной социальной среды.

В рассказе «Осенью» автор сетует на изменение обычаев, обрядов, праздников в деревне, так как это приводит к искажению личности человека, лишившегося связи со своими историческими корнями. Герой рассказа — паромщик Филипп Тюрин — видит современную свадьбу:

*Но тут подъехала свадьба. Такая — нынешняя: на легковых, с лентами, с шарами. В деревне теперь завели такую моду. <...> Свадьба **выгрузилась** на берегу, шумливая, чуть хмельная <...> весьма и весьма показушная и хвастливая (В. М. Шукшин).*

Ср.: **ПОДЪЕХАТЬ**. Приблизиться, передвигаясь на чем-либо. **ВЫГРУЗИТЬСЯ**. 1. Высадиться откуда-либо с грузом, со своими вещами (МАС).

В употреблении выделенных глаголов в тексте на первое место выходят семы 'неодушевленность', 'безликость', сопровождающиеся наведенной семой отрицательной авторской оценки. Она поддерживается неодобрительной (отрицательной) коннотацией глагольного оборота *завести моду*.

В глаголе *выгрузиться* уменьшается яркость сем 'одушевленность' и 'персональность', на равных оказываются вещи и люди. Метонимический перенос (свадьба в значении 'участники свадьбы с различными предметами') подчеркивает безликость приехавших. Этот же смысл выражается и с помощью грамматического согласования (*свадьба подъехала*), вследствие чего почти не выделяются различные участники свадьбы, не акцентированы культурно-исторические и национальные реалии.

Внимание паромщика направлено лишь на одного человека, не являющегося главным лицом на свадьбе, который выделялся только своим неестественным поведением, вызвавшим негативное отношение к нему героя рассказа, что проявилось в употреблении оценочных глаголов, содержащих и актуализирующих в своей семантической структуре и стилистические, и экспрессивные компоненты: *Очень выламывался один дядя в шляпе, кобенился-кобенился, никого не заразил своим деланным весельем, устал....*

Ср.: **ВЫЛАМЫВАТЬСЯ**. 2. Вести себя крайне неестественно, манерничая и ломаясь; кривляться. **КОБЕНИТЬСЯ**. 2. Делать странные неестественные телодвижения, ужимки, гримасы (МАС).

Авторские стратегии в отборе глаголов становятся очевидными, если сравнить ассоциативное поле глагольного актанта в рассказе В. М. Шукшина «Осенью» и повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

— *Твоя невеста!* — закричал Пугачев...

— *Да мы тебя женим и на свадьбе твоей погуляем...*

— *Пожалуй, я буду твоим посаженным отцом, Швабрин — дружкою.*

«Капитанская дочка»

свадьба: *посаженная мать,
погуляем, жених,
невеста, дружка,
посаженный отец.*

«Осенью»

свадьба: *выгрузилась,
подъехала на машинах,
показушная, хмельная,
хвастливая.*

Обращает на себя внимание различие национально- и социально-культурных оценочных коннотаций, сопровождающее различие в «картине мира» (уважение к традициям, национальным обычаям и культуре — в первом случае и вырождение, связанное с утратой корней, — во втором). Конечно, герой рассказа, когда смотрел на свадьбу, не думал о подобном сопоставлении, но *ему все хотелось, чтобы получился размах, удасть* (В. М. Шукшин).

Недаром в последнем предложении глаголы одной лексико-семантической группы соединены в бессоюзной конструкции, передающей последовательность, механическое сцепление действий, с именами конкретными и абстрактными, нейтрализующими сему 'одушевленность': *Паром переплыл, машины съехали. Свадьба укатила дальше* (В. М. Шукшин).

Коммуникативная стратегия в выборе глаголов в рассказах В. М. Шукшина ощущается в наличии функционально-стилистических (сниженность) и оценочных (пренебрежительность) коннотаций, отсутствующих в пушкинском тексте.

Паромщик вспоминает свою несостоявшуюся свадьбу, в чем был виноват он один, сломавший жизнь и себе, и невесте:

Вот как у него случилось в молодости с женитьбой. Была в их селе Марья Ермилова, красавица. Круглолицая, румяная, приветливая... Загляденье. О такой невесте можно только мечтать на палатках. Филипп очень любил ее, и Марья тоже его любила — дело шло к свадьбе. Но связался Филипп с комсомольцами (В. М. Шукшин).

Ср.: **СВЯЗАТЬСЯ**. 2. Установить отношения с кем-либо. 4. разг. Сблизиться, завести общие дела (обычно не выгодные, предосудительные) (МАС).

Глагол *связался* введен в высказывание, играющее ключевую роль, — оно объединяет предшествующий и последующий текстовые фрагменты отношениями противопоставления. Актуализируется функционально-стилистическая сема ‘разговорности’. Дифференциальные семы ‘обычно не выгодные дела’, ‘предосудительные’ выходят на первый план, что обуславливает неожиданность словосочетания *связался с комсомольцами*, поскольку слово *комсомолец* имело в советское время положительную социальную коннотацию. Не исчезает полностью и нейтральное значение слова *связаться* (2) — возникает речевая двусмысленность как проявление скрытой коммуникативной стратегии автора.

Связался — обычно говорят о людях, не имеющих в характере силы, а потому пристающих к тем, кто эту силу имеет, кто действует. Как мы увидим далее, Шукшин употребил слово и в этом смысле: *И опять же сам комсомольцем не был, но кричал и ниспровергал все наравне с ними. Нравилось Филиппу, что комсомольцы восстали против стариков сельских, против их засилия. Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков. Неслыханное творилось. Социальный паспорт псевдоактивиста ощущается в последовательной актуализации семы ‘интенсивность’ у глаголов. Эта актуализация глаголов *кричал, ниспровергал, восстали* и т. д. особенно значима в контексте описания бездумных действий. Ироническим целям служит использование не только ключевого глагола *связался*, но и тех, которые принято оценивать как имеющие идеологически позитивные коннотации возвышенности, торжественности, книжности — *ниспровергать, восставать*.*

Однако невеста героя была другой: *Филипп, конечно, — тут как тут: тоже против венчанья. А Марья нет, не против..., хочет венчаться... Он уговаривал Марью всячески... убеждал, сокрушал темноту деревенскую, читал ей статьи разные, фельетоны, зубоскалил с болью в сердце... Марья ни в какую: венчаться, и все.*

Ср.: **ВЕНЧАТЬСЯ**. Вступать в брак по церковному обряду (МАС); **ВЕНЧАТЬ**. Совершать над кем таинство брака (Даль 2002).

В словарях не отражен культурно-исторический компонент в семантической структуре глаголов *венчать* и *венчаться*, хотя эта коннотативная сема воспринимается как сильная, яркая.

Отмечается неоднозначная оценка персонажами культурно-исторического фона, характерного для слова *венчаться*. Культурно-

исторический компонент усиливает яркость дифференциальной семы 'церковный', а все связанное с церковью после революции оценивалось как недозволенное, запретное. Сема 'интенсивность' наводится за счет трехкратного повторения этого слова.

Теперь, оглядываясь на свою жизнь, Филипп знал, что тогда он непоправимо сглутил. Расстались они с Марьей (В. М. Шукшин). В устном народном творчестве частотно сопоставление горя и радости, жизни и смерти, обрядов радостных и печальных (ср. в словарной статье на слово *венец* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «Где венчают, тут и погребают (отпевают); Сегодня венчался, а завтра скончался» (Даль 2002)).

Эти пословицы как бы реализованы в тексте рассказа В. М. Шукшина, где трагичность событий подчеркивается приемом сопоставления. Если вначале с парома *выгружалась свадьба*, то в конце рассказа с парома *съехала* машина с гробом, где была женщина, которую герой любил в молодости. В авторском тексте вновь нет персонализации: *Паром подвалил к берегу <...> машина стала съезжать с парома <...> машина поднялась на взвод...»* (В. М. Шукшин). 22 употребления слова *машина* позволяют представить «современный», «городской», «механический» мир как безликий и неодушевленный, чужой деревенскому жителю.

Состояние паромщика, узнавшего, что хоронят женщину, которую он любил всю жизнь, подчеркнуто противопоставлением двух текстов, где доминируют 1) статичные глаголы, 2) динамичные глаголы. Ср.:

(1) *Филипп, как замороженный, стоял у своего весла, смотрел на машины. Господи, господи, Марью везут. Марью... Филиппу полагалось показать шоферу, где ставить на паром машину <...>, но он как прирос к месту, все смотрел на машину, на кузов;*

(2) *Паром стукнулся о шаткий припаромок (причал. — А. Х.). Вдели цепи с парома в кольца припаромка, заключили ломиками. <...> Крытая машина пробовала уже передними колесами бревна припаромка, бревна клябали, трещали, скрипели* (В. М. Шукшин).

Вышеизложенное подтверждает мысль о том, что именно «деревенская» проза обнажала пропасть между официальной идеологией и существовавшими в то время реалиями. Поэтому так сильна у Шукшина социальная и оценочная стратегия в отборе и употреблении лексики, включая глагольную, хотя коммуникативный потенциал глаголов раскрывается и при, казалось бы, обычном употреблении, ибо «всякое употребление слова есть семное варьирование его значения» (Стернин 1985: 77).

Таким образом, обогащение семного состава слова при его употреблении связано с явлением речевой многозначности. Отмечаются две тенденции: конкретизация семного состава словарного значения с параллельным обогащением текстового смысла слова в связи с наведением сем с опорой на ассоциативно-деривационные связи.

Литература

Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. — М., 1985–1988 (МАС).

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб., 2002.

Пушкин А. С. Повести. — М., 1997.

Стернин И. А. Лексическое значение слов в речи. — Воронеж, 1985.

Шукиин В. М. Рассказы. — М., 1979.

М. Р. Проскуряков (Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ СТИЛЕВЫХ ЧЕРТАХ ЯЗЫКА ВЛАСТИ

Язык власти коренным образом изменился. Изменения затрагивают преимущественно логический, риторический и стилевой аспекты. Изменилась тематическая направленность терминов и облегчена в целом терминологическая система. Можно наблюдать усложнение синтаксиса устной речи и усиление роли устных жанров, а также универсализацию устных жанров деловой речи.

Сегодня осуществляется синтез убеждающей, доказательной, учительной аргументации в управленческом стиле, в рамках которого сложилась многофункциональная коммуникативная система, вобравшая в себя элементы официально-делового, научного и публицистического стилей. Мы рассмотрим языковые особенности этого обобщенного стиля. Уточним некоторые стилевые особенности и индивидуальные предпочтения Д. Медведева и В. Путина. Речь пойдет об устных жанрах языка власти — выступлении и докладе на собраниях, конференциях и пресс-конференциях, совещаниях, устном распоряжении.

Симптомы сложения нового синтетического стиля мы находим как в устойчивом смешении языковых средств, свойственных для разновидностей научного, официально-делового и публицистического стилей, так и в универсализации жанров, типичных для различных ситуаций общения. В дискурсе средств массовой информации последнего времени можно наблюдать, как совещание становится похо-

жим на пресс-конференцию, а пресс-конференция (за вычетом вопросов журналистов) напоминает логически и тематически целостный доклад или лекцию. Синтетический образ речи, найденный В. Путиным, пользуется неоспоримой популярностью и тиражируется в выступлениях других политиков и руководителей государства. Так индивидуальное становится общей основой для современного управленческого стиля.

Каковы общие особенности управленческого подстиля? Из официально-делового стиля он заимствовал стремление к детальности и стандартизации изложения, а также волюнтаривность. К чертам научного стиля, частично наблюдаемым здесь, можно отнести: объективность (стремление представить разные точки зрения, безличность языкового выражения, сосредоточенность на предмете речи); логичность (выраженную в особых синтаксических конструкциях — сложных предложениях с придаточными причины, условия, следствия, предложениях с вводными словами — и в типичных средствах межфразовой связи); точность и сжатость, которые достигаются использованием терминологической лексики, а также обобщенность и отвлеченность речи. Наконец, многочисленные средства выразительности, как словоупотребительные, так и синтаксические, доступность речи заимствованы из публицистического стиля.

Быстрота понимания раньше не являлась важной в сфере управленческой коммуникации. Заинтересованный человек в случае необходимости прочитает постановление или приказ и два, и три раза, стремясь к полному пониманию. Однако последние годы с возрастанием темпа принятия государственных решений, система властной коммуникации начала работать в «разогретом режиме», и именно быстрота понимания становится приоритетным параметром. Темп управленческой коммуникации возрос за счет усиления роли устной сферы общения, а также благодаря использованию метатекстовых средств, традиционных для научного стиля речи, организующих фактическую информацию и последовательность представления тем.

Стремление к точности проявляется в использовании терминологии. Управленческий подстиль располагает собственной административно-управленческой терминологией: название учреждений, должностей, видов служебных документов. В связи с тем, что этот подстиль обслуживает разные области деятельности (культура, учеба, торговля, сельское хозяйство, различные отрасли промышленности), в речи руководителя государства находит применение самая разнообразная терминология. В речи Д. Медведева частотны по преимуществу общенаучные термины: *структура, данные, параметры, процесс,*

свойства, зависимость. Такие термины отражают систему взглядов, понятий, методов, используемых для оценки ситуации и планирования действий. Среди слов и словосочетаний, которые использует Д. Медведев, немало принадлежащих к профессиональной юридической и управленческой терминологии — *законодательство, ведение, акт, полномочия, юридическое лицо* и т. п.

В качестве одной из индивидуальных особенностей речи Д. Медведева можно назвать большое количество предлогов и предложных сочетаний, которые в разговорной речи употребляются редко и активно используются в научном стиле: *в течение, в продолжение*, а также: *путем, образом, в результате, в силу, в связи, в процессе, в режиме, на основе* и др. Широко представлены предлоги, характеризующие способ действия: *путем, методом, способом, с помощью, при помощи, в виде, в форме*; причинно-следственные отношения: *как следствие, вследствие, в результате, благодаря* (чем?), *в связи с* (чем?); основание действия: *на основе, в зависимости от, за счет, в соответствии с* (чем?); условные отношения: *при* (чем? каком условии?), *при наличии, при отсутствии, в случае* (чего?); временные отношения: *в течение, за время, после* (чего?). Из синтаксических конструкций, имеющих окраску официально-делового стиля, отметим словосочетания, включающие сложные отыменные предлоги, — *в части, по линии, на предмет, во избежание*. В. Путин реже употребляет книжные формы предлогов.

Среди средств обеспечивающих сжатость и лаконичность управленческого подстиля формы косвенных падежей — самый экономный способ установить логические связи между понятиями (ср: *стимулирования комплексного развития территорий, расширения межрегиональной и межотраслевой кооперации, достижения поставленных экономических ориентиров, реализации мер социальной политики, изменения порядка выдачи субсидий*). Лаконичная и спонтанная речь В. Путина редко включает цепочки родительного падежа. Д. Медведев, напротив, широко использует эту форму организации ключевых понятий.

Волюнтаристивный характер управленческого стиля обеспечивают выражения долженствования и предписания. Волюнтаристивность выражается семантически (подбором слов) и грамматически. В речи Д. Медведева волюнтаристивность проявляется в частом употреблении местоимения первого лица ед. числа. В связке с личным местоимением чаще всего повторяются глаголы, характеризующие речевую деятельность, — *я сказал, я говорю, я говорил, я отмечу, я выделю, я добавлю, я подчеркну, я озвучил, я выделю, я готов ответить, я хотел бы за-*

тронуть, я готов доложить; глаголы, характеризующие мнение, — *я думаю, я считаю, я имею в виду, я уверен*; глаголы, характеризующие восприятие, мышление, — *я помню, я понимаю, я увидел, я вспомнил, я слышал, я сделал выводы*.

Волюнтаративность в речи Д. Медведева имеет определенный когнитивный и прагматический сценарий. Местоимение *я* всегда маркирует информацию, представляющую наибольшую важность, которую необходимо воспринять в системе соответствующих оценок аудитории; ср.: *я увидел, услышал, узнал — я понимаю, я вспомнил — я думаю, я считаю, я уверен — я говорю*. Обязательной для восприятия является не только информация но, сценарий ее получения, система оценок информации и ее анализа, которая является универсальным руководством к действию для аудитории. Таким образом, волюнтаративная функция активизирует когнитивный и коммуникативный потенциал аудитории. Руководитель еще и педагог, пользующийся методами убеждения и учительной аргументацией; ср.: «Я думаю, что и вопросы формирования администрации будут решены в этот же срок. <...> На это есть определенное время. И с моей стороны было бы неправильно и даже *непедагогично* сейчас объявлять какие-то имена». В речи В. Путина также присутствуют местоимения первого лица ед. числа, но по преимуществу с ними употреблены глаголы, выражающие мнение: *я думаю, я считаю, я имею в виду, я уверен*. Употребление форм глагола в первом лице и личные местоимения способствуют конкретизации, закреплению приоритетного коммуникативного статуса.

В целом в управленческом подстиле обычно не употребляются глаголы в повелительном наклонении и сравнительно редко — конструкции со словами *должен, обязан*. Значение долженствования смягчается в письменных разновидностях управленческого стиля применением таких оборотов, как *вменить в обязанность, возложить обязанность, обязать*. В устной речи мы наблюдаем другую картину. Модальность долженствования представлена широким спектром единиц, например: *должен быть сделан, необходимо сохранять, необходимо обеспечить, должен получать, должен быть прозрачным, надо стимулировать, надо сформировать, надо уделить особое внимание, не должны отниматься, а должны именно идти на развитие* и т. д. Реализуя волюнтаративную функцию, с формами модальности часто используется местоимение *мы*: *мы хотим добиться, мы можем предметно продолжить обсуждение, мы с вами должны рассмотреть, мы с вами должны смотреть в будущее, мы с вами должны обменяться мнениями*. У этого *мы* несколько функций: активизация внимания аудитории; риторический прием присоединения к аудитории,

позволяющий убеждать слушателя, а также скрытая мягкая форма волюнтаристичности; ср.: *мы с вами хорошо знаем, но мы с вами понимаем, мы с вами об этом поговорим.*

Управленческий стиль в письменных жанрах безличен и стереотипен. Как и научному, ему чужда эмоционально-экспрессивная окраска. Ведь в языковых средствах письменных жанров управленческого стиля нет добавочных, дополнительных оценок пишущего, которые бы наслаивались на языковые единицы сверх их лексического, номинативного, или грамматического значения. Напротив, отбираемые здесь языковые единицы призваны к тому, чтобы максимально точно, однозначно передать соответствующие понятия, факты. Однако отсутствие эмоционального начала в речи современного руководителя не представляло бы интерес для публичной аудитории, средств массовой информации.

Афористичность высказываний В. Путина последних лет уже отмечалась и журналистами, и стилистами. Перенимая эстафету власти, Д. Медведев стремится следовать этой речевой стратегии. Ср., некоторые примеры экспрессивных единиц: *как ни крути, не буду лукавить, по всему периметру, работать в полноценной эффективной связке, это не повод для драм, продукция просачивается на рынок, целевая задача, подтянуть уровень зарплат, важная вещь, выдвигаться ко всем остальным, модельные регионы, финансовая подпитка, священные коровы (о госкорпорациях), залезть в Интернет, получить хорошие цифры.*

Процесс стандартизации управленческого стиля охватывает все уровни языка — и лексику, и морфологию, и синтаксис. В итоге складывается устойчивый речевой стереотип, воспринимаемый говорящими как особый, функционально ориентированный тип языкового нормирования речи, т. е. особый язык власти.

К. В. Томашевская (Санкт-Петербург)

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА PR-СПЕЦИАЛИСТА И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ

Придерживаясь общих языковых норм, люди достигают лучшего взаимопонимания. Их не отвлекают и не раздражают непривычные для них самих, а следовательно, не сразу понятные или вовсе непонятные слова и выражения собеседника. Более того, человек, говорящий точно так, как и окружающие, воспринимается как свой. Непри-

вычная же русская речь нередко вызывает насмешки, желание ее спародировать, что не способствует успеху коммуникации.

Для дискурса PR-специалиста сегодня особенно характерно большое количество иностранных слов, сложных терминов, которые не всегда понятны. Хотя регулярно издаются словари иностранных слов, фиксирующие новейшие заимствования (Толковый словарь бизнесмена, 1992; Современный словарь иностранных слов... 2000; Захаренко, Комарова, Нечаева, 2003 и др.), тем не менее, массовый читатель не станет поминутно заглядывать в них, чтобы понять журналистский текст.

Во время социологического опроса в Санкт-Петербурге на вопрос «Как вы относитесь к объявлению Санкт-Петербурга свободной экономической зоной?» «положительно ответили более 50% опрошенных, а на вопрос, что означает словосочетание “свободная экономическая зона” правильно сумели ответить лишь 5%. Очевидно, что значительная часть говорящих по-русски людей не очень хорошо понимала, что она в действительности одобряет» (Знамя. 2008. № 8).

Нормальной реакцией на «непонятное» является признание слушающим этого факта и просьба о разъяснении. Однако иногда адресат боится, что его сочтут невеждой, и делает вид, что понимает. В результате этого коммуникация сводится не к обмену мыслями, суждениями, мнениями, но представляет собой некий ритуал.

Для современного журналистского дискурса характерно употребление иноязычных слов в необычных контекстах, при общей тенденции редкого употребления их в разговорной речи. Заимствования служат для обозначения новых реалий нашего общества.

Новое слово должно вводиться с учетом фактора адресата, его опыта, знаний о мире и языковой компетенции, объяснение может отличаться от терминологической дефиниции:

«Основная статья доходов частных отечественных детективов — консалтинг. Слово вовсе не страшное и по своему корню всем нам хорошо знакомое. Консалтинг — это когда раздают советы. Мы ведь с давних пор любим и умеем это делать» (Аргументы и факты. 2007. № 48).

Ср. толкование этого термина в «Современном экономическом словаре»: *консалтинг* — «деятельность специальных компаний, заключающаяся в консультировании производителей, продавцов, покупателей по широкому кругу вопросов экономики, финансов, внешнеэкономических связей, создания и регистрации фирм, исследования и прогнозирования рынка товаров и услуг, инноваций» (Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 2007, с. 32).

Автор доступно объясняет суть нового экономического термина, проводя аналогию с однокорневым и понятным словом «консультация» (совет — консультация). Этим снимается психологический дискомфорт при столкновении с неизвестным словом и стоящим за ним понятием.

Нередко автора не удовлетворяют принятые в определенной культуре специальные обозначения, и он заменяет их окказионализмами: *дофенизм, васькизм, наплевизм, пофигизм*:

«Легко усмотреть главное, что существует и действует в самых различных сферах нашей жизни как активный антиперестроечный фактор. Его уже публично назвали “васькизм” по имени того Васьки, который “слушает да ест”» (Аргументы и факты. 2006. № 20).

В этом фрагменте автор объясняет возникновение окказионализма (от имени «героя» басни Крылова) и его значение.

Данный окказионализм закреплен и в «Словаре перестройки»: *васькизм* — «стиль работы и поведения должностных лиц, не желающих считаться с общественным мнением, новыми требованиями жизни» (Словарь перестройки, 1992, с. 31).

В «Толковом словаре русского языка конца XX в.» находим: *пофигизм* (жарг.) — «безучастное отношение к людям и ко всему, что происходит» (Толковый словарь русского языка конца XX века, 1998, с. 85).

Изучение реально бытующих в тексте терминов позволяет открыть новые существенные закономерности их создания и использования.

Таким образом, лексика определенным образом отражает состояние культуры народа в соответствующий период. Культура преобразуется в виде лексических единиц, а лексика, в свою очередь, испытывает определенные преобразования в текстах, создаваемых в рамках данной культуры.

Эти наблюдения активно подтверждаются текстами публичных диалогов, ведущими в которых предстают журналисты «новой волны».

Современная общественная жизнь выдвинула новый тип, новую фигуру журналиста. Новый тип общения проявляется и в манере речевого поведения, и в самой форме, стиле ведения диалога, который у каждого ведущего в то же время индивидуален и неповторим.

Как показали последние события, пресса обладает значительным потенциалом воздействия на общественное сознание и в результате этого не только «закрепляет» существующие условия социальной жизни, но и может в определенные исторические моменты способствовать изменению этих условий. Субъект в современной массовой

коммуникации не просто функционален — он выступает как личность со всеми особенностями ее менталитета, причем в структуре ее интенций все большую роль начинает играть стремление к самовыражению.

На страницы газет, с одной стороны, хлынул поток так называемой общественно-политической лексики; в них появились выражения, присущие научной речи, заимствования из других языков, в основном — английского. С другой стороны, усилился поток разговорной речи со всеми ее «неправильностями» с точки зрения литературной нормы. Журналисты как бы пропагандируют обиходно-разговорный стиль, просторечие, сленговые слова и даже бранные выражения.

Е. Н. Ширяев пишет: «В целом происходящие в русском языке изменения можно характеризовать как “демократизацию” языка. Однако эта демократизация связана с определенными издержками: перенесение митинговых жанров в парламент, неумеренное наводнение русского языка иностранными заимствованиями и пр.» (Ширяев, 1991, с. 32).

В публицистических текстах наиболее очевидны лексические их особенности, ориентация на среднего носителя русского языка, они же (тексты) наиболее отчетливо фиксируют активное творческое начало языковой личности.

О. Б. Сиротинина пишет: «По-моему, ни об упадке, ни об оскудении, тем более вырождении русского языка говорить нельзя. Вмешательство, и очень серьезное, необходимо в речевую культуру общества (специальные курсы для депутатов, штрафы для ошибающихся работников радио и телевидения, квалифицированные собеседования для учителей и т. д.)» (Сиротинина, 1996, с. 4).

Л. П. Крысин, размышляя о связи между состоянием языка и культуры, приходит к такому выводу: «Мне кажется, главное — плохая “языковая компетенция” большинства наших русских современников. Прежде всего, иной должна быть повседневная устная речь тех, кто обучает, — учителей, преподавателей (не такой серой, не такой шаблонной), а этого не достичь не только без коренной перестройки вузовского преподавания, но и без глубоких изменений в духовной культуре общества в целом и отдельного человека (Крысин, 1994, с. 265).

Соглашаясь с мнениями О. Б. Сиротининой и Л. П. Крысина, можно привести еще одно высказывание В. Г. Гака, в котором он сравнивает язык с шахматами: «Несомненно, многие носители языка имеют суженное представление о возможностях игры. Совершается много ошибок в игре. Французский лингвист А. Рей сказал по этому

поводу: “Вообразим, что раньше в данную игру играл 1% населения, а теперь — 40%. Можно ли сказать, что игра переживает кризис, если теперь средний игрок играет хуже, чем те, кто входил в первоначальное количество?”. Мне кажется, что это рассуждение применимо к использованию речи в публичных ее функциях, к письменной речи» (Гак, 1991, с. 32).

В процессе исторического развития страны изменяется сама общественная потребность в выражении того или иного содержания, а соответственно — потребность в отвечающих этому содержанию языковых формах.

Обращение к языковой личности PR-специалиста, работника современных средств массовой информации, проведение дискурсивного анализа газетных текстов, ТВ-передач дает возможность реконструировать не только лексико-семантические особенности дискурса журналиста, но и его мировоззрение.

При обсуждении вопроса об основном предназначении средств массовой информации и в лингвистических работах, и в выступлениях профессиональных журналистов уже давно ведется дискуссия о соотношении в газете (равно как и на радио и телевидении) «объективного» (т. е. сугубо фактуальной информации) и «субъективного» (под которым обычно понимается намеренное воздействие на читателя).

«Объективизм» предполагает, что основной целью средств массовой информации является информирование адресата, при этом субъекту отводится роль «вербального фотографа», беспристрастно фиксирующего события и факты.

Нарушение этого принципа нередко ставится в вину современной российской журналистике. Так, В. Козловский пишет: «А не надо из журналистики делать высокий вид искусства, в связи с чем любая газета в России превращается в толстый журнал. Журналистика — такое же ремесло, как покраска заборов. Есть четкие структуры, на которых можно набить руку, и, не будучи халтурщиком, делать все это автоматически. В Америке четко разделяют редакционный комментарий и репортерское сообщение. А в России эта грань смазана. Трудно найти статью во всей газете, которую можно взять и ей поверить. Всегда проскальзывает тенденция» (Московские новости. 07.02.03).

Однако высказываются и другие, порой прямо противоположные взгляды на роль субъекта в средствах массовой информации, учитывающие особенности прессы как общественного института и типа дискурса. В этом случае за субъектом признается право на ментальную и социальную активность.

Ср. высказывание М. Полторанина: «Кто, как не журналист, дол-

жен с гражданским чувством рассказывать людям, куда идет Россия, какие впереди трудности. Но для этого нужно изучать жизнь, точно ориентироваться в процессах. И главное — быть частицей многострадальной России» (Московский комсомолец. 14.08.05).

Воздействие языка прессы, с характерным для него столкновением различных норм, на развитие современной языковой ситуации стало чрезвычайно интенсивным в связи с развитием электронных средств массовой коммуникации — радио и телевидения, делающих возможной незамедлительную общеэтническую коммуникативную связь. Возрастает значимость устного литературного языка, впервые получившего общеэтнический статус.

Появляется новый феномен — массовое тиражирование ситуации интимно-доверительного общения в ходе интервью, спонтанных репортажей, что усиливает влияние разговорных, т. е. диалогических форм общения. На смену языковым стереотипам пришла возможность свободного обмена мнениями, следствием чего стала языковая раскрепощенность, выбор содержания и формы.

Наряду с малыми формами коротких уличных интервью, возникают «беседы за круглым столом», «разговоры с интересным собеседником», «диалоги в прямом эфире». Эти передачи можно отнести к жанру интервью, так как их основная цель — получить информацию «из первых рук», привлечь внимание к определенной проблеме (или лицу).

Интервью обычно определяют как беседу журналиста с каким-либо лицом или группой лиц, представляющую общественный интерес и предназначенную для передачи в средствах массовой информации.

Главная отличительная особенность диалогов интервью — статус их участников, их «нетиповой», личностный характер. Но не только адресаты (интервьюируемые) известны и интересны широкой публике — активные политические и государственные деятели, деятели науки, искусства, но и адресанты (интервьюеры), как правило, яркие личности, известные журналисты. Равенство социальных ролей (адресата и адресанта) создает особый новый тип публичного диалога.

Новый тип «общения» проявляется и в самой форме ведения диалога, и в языке и стиле, в манере речевого поведения.

Литература

Гак В. Г. О состоянии русского языка // О состоянии русского языка современности. — М., 1991. С. 125–139.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. — М., 2003.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. — М., 1994. С. 262–282.

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — 5-е изд., перераб. и доп. — М., 2007.

Сиротинина О. Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. — Саратов, 1996. Вып. 26. С. 3—7.

Словарь перестройки / В. И. Максимов и др. — СПб., 1992.

Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. — М., 2000.

Толковый словарь бизнесмена / Под общ. ред. Г. С. Вечканова. — СПб., 1992.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. — СПб., 1998.

Ширяев Е. Н. О состоянии русского языка // О состоянии русского языка современности. — М., 1991. С. 32–70.

Л. В. Балахонская (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ РЕКЛАМИРОВАНИЯ: КОММУНИКАТИВНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

В любой рекламе обязательно присутствует наименование рекламируемого объекта — товара, услуги, фирмы-производителя или продавца. Именно название является самым сильным и запоминающимся идентификатором данного товара в группе всех других товаров. Разработка хорошего коммерческого имени — сложный и трудоемкий процесс, требующий большого профессионализма и определенных знаний в области маркетинга, психологии, лингвистики, права и целого ряда других наук.

Процесс присвоения имени рекламируемому объекту может быть обозначен термином *коммерческая номинация*, под которым понимается «языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение коммерческой прибыли» (Новожилова, 2007, с. 7–8). Приведенная дефиниция поясняет появление уточняющего определения *коммерческая* по отношению к лингвистическому термину *номинация*: с одной стороны, именуется коммерческий объект, а с другой стороны, данное наименование преследует коммерческие (маркетинговые) цели — оно должно служить продвижению товара или услуги на рынке. Наряду с термином *коммерческая номинация* в целом ряде работ, посвященных

проблемам наименования рекламируемых объектов, используется новый термин *нейминг* (от англ. *naming*), под которым понимается профессиональная деятельность, связанная с созданием оригинального, броского и запоминающегося названия для товара или фирмы.

Хорошее название способно привлечь к себе внимание, запомниться, вызвать положительные ассоциации и в конечном итоге увеличить товарооборот. Правильно подобранное имя должно обладать семантической емкостью, указывать прежде всего на характерные свойства и качества товара или ассоциативно связываться с рекламируемым объектом. Например, такие названия, как *Морозко* (замороженные продукты), *Связной* (центр мобильной связи), *Точка зрения* (оптика) содержательно связаны с называемым объектом. Благоприятные ассоциации по сходству (метафорические связи) наблюдаются в названии *Диadem* (крем-краска для волос): после окрашивания волосы будут сверкать, как диадема, станут настоящим украшением женщины. Ассоциации по смежности (метонимические связи) проявляются в коммерческом имени магазина для рыболовов *Grizzli*, так как это слово имеет значение 'бурый медведь, обитающий на Аляске и в западных районах Канады', а, как известно, медведи хорошо умеют ловить рыбу. Отражение специфики товарной категории наблюдаются и в следующих примерах: *Идеальная пара*, *Шаг за Шагом*, *Мегашиуз*, *Кот в сапогах*, *Каблучок*, *Сапожок* (названия обувных магазинов); *Первая помощь*, *03*, *Старый лекарь*, *36,6*, *Фармакор*, *Доктор Столетов*, *Неболит*, *Айболит*, *Чудолекарь*, *Ночной дежурант* (названия аптек); *Клевое место*, *Поплавок*, *Золотая рыбка* (магазины для рыболовов), *Ясень*, *Сандал*, *Кедр* (фирмы, производящие столярные изделия).

Коммерческое имя может указывать на место происхождения товара, географию его распространения или акцентировать другие региональные особенности: *Красна Дарья* (кетчуп, произведенный в Краснодаре), *Белый Остров* (молочная продукция, произведенная в городе Остров Псковской области). Название может вызывать также культурно-исторические ассоциации: *Балалайка*, *Тройка*, *СССР* (названия ресторанов), *Степан Разин* (пиво), *Петр I* (сигареты), *Аврора* (водка). «Информативность подобных имен состоит в том, что имя говорит о национально-государственной принадлежности, исторических корнях, позиции и ценностных приоритетах именуемого, что в свою очередь сегментирует потребителя рекламной информации, одних активно привлекая, других столь же активно отталкивая. Как метатекстовое явление, имена такого типа усложняют коммуникативный процесс» (Фещенко, 2003, с. 69).

Коммуникативно удачными следует считать названия, в которых отражается целевая аудитория, потребители товара, например: *Маленькая леди* (магазин детской одежды), *Мое солнышко* (шампунь для детей), *ТОП-ТОП* (питание для детей первого года жизни), *Маленькая Фея* (косметика для девочек), *Спеленок*, *Быстренок* (детское питание) — все эти наименования ориентируют покупателя в выборе товаров, указывая на то, что они предназначены детям. Определенное сегментирование целевой аудитории обнаруживается и в названиях магазинов одежды больших размеров: *Богатырь*, *Три Толстяка*, *Великие люди*.

В то же время существует множество бессодержательных имен, никак не связанных с называемым объектом. Невозможно, например, определить род деятельности фирм, скрывающихся за названиями *Лидер*, *Виктория*, *Надежда*, *Престиж*, *Прогресс*. Единственное, что оправдывает появление таких наименований, — наличие в этих словах положительных коннотаций, формирующих благоприятные ассоциации в сознании адресата. Гораздо опаснее такие коммерческие имена, которые формируют напрасные ожидания, создают неверное представление об объекте номинации. Например, название *Дельфин* идеально подходит для наименования бассейнов, судоходных компаний, магазинов, торгующих снаряжением для подводного плавания. Но оно совершенно непригодно для номинации сети магазинов электроники, так как слово *дельфин* вызывает в нашем сознании метонимические ассоциации с водой, а электроника и вода — понятия несовместимые: попадание жидкости в подобные приборы приводит к их разрушению в результате замыкания. Коммуникативно неудачным является название лекарственного препарата *Антизан* — непонятно, как оно расшифровывается: *Антизаной* (противопохмельное средство) или *Антизанор* (слабительное). Ложные ассоциации могут возникнуть и с названием *СОГАЗ* (страховая группа), так как часть этого слова *ГАЗ* связывается либо с природными ресурсами — нефтью и газом, либо с известной маркой отечественных автомобилей Горьковского (Нижегородского) автозавода.

При разработке коммерческого имени следует учитывать его фонетический потенциал: благозвучность, ассоциации по сходству звучания, способность выполнять звукоизобразительную функцию и т. п. Звуковая сторона особенно важна для асемантических искусственно созданных названий, а также для иноязычных имен, значение которых не всегда понятно русскоязычному потребителю.

Звучание имени должно соответствовать его содержательной стороне или хотя бы не противоречить ей. Для проверки фоносемантического ореола слова на основе известной психолингвистической мето-

дики Ч. Осгуда и А. П. Журавлева была создана специальная компьютерная программа ВААЛ (www.vaal.ru), которая позволяет выявить ассоциации, возникающие у большинства реципиентов на то или иное слово. Например, название *Альтернатива синицы* мало подходило для номинации магазина бытовой техники, так как вызывало негативный ассоциативный ряд. Используя программу ВААЛ, выпускница факультета журналистики СПбГУ 2008 года Н. В. Турляй выявила следующие фоносемантические характеристики словоформы *синицы* (главного компонента словосочетания *Альтернатива синицы*): тихий, трусливый, низменный, хилый, слабый, плохой, тусклый, маленький, пассивный, печальный, сложный, холодный, грустный, шероховатый, легкий, нежный, угловатый, женственный. Как видим, для магазинов бытовой техники название *Альтернатива синицы* не является удачным, так как в эмоциональном плане производит впечатление чего-то слабого, тихого, трусливого, хилого, маленького, пассивного, тусклого. Вероятно, такие негативные фоносемантические ассоциации имени заставили владельцев компании прибегнуть к процедуре ренейминга — отказу от старого и разработке нового имени, обладающего более благоприятными эмоциональными характеристиками. Было решено остановиться на коротком, но семантически емком названии — *ПРОСТО*.

Многие исследователи проблемы коммерческой номинации одним из свойств эффективного названия считают его перспективность, ориентацию на будущее. Хорошее имя должно помогать компании расти, изменяться, расширять товарную категорию. Л. Г. Фещенко называет этот критерий коммерческого имени ассортиментоспособностью, понимая под этим термином заложенную в названии «способность обозначать расширяющийся ассортиментный ряд продуктов одной марки» (Фещенко 2003: 72). Например, под именем *Чудо*, зарегистрированным компанией «Вимм-Билль-Данн» в качестве торговой марки, выпускается целая серия молочных продуктов: *Чудо-йогурт*, *Чудо-творожок*, *шоколадный коктейль Чудо*. Не так давно ассортимент пищевых продуктов марки *Чудо* был расширен за счет включения в этот ряд вафельного батончика со сливочной начинкой. Однако далеко не все коммерческие названия обладают признаком ассортиментоспособности. Так, название пива *Толстяк* вряд ли допускает сочетание со словом LIGHT, так как это противоречит его семантике.

Следует отметить и правовые критерии удачного коммерческого имени, способного стать именем бренда. Чтобы коммерческое наименование стало товарным знаком (или торговой маркой) и получило соответствующий графический значок-уведомление (например: R,

ТМ, обведенные кружочком), его следует официально зарегистрировать в патентном ведомстве. Для регистрации коммерческого имени следует проверить его охраноспособность: не противоречит ли название товара, фирмы или услуги морально-этическим нормам, принятым в данном обществе; не зарегистрировано ли такое же или похожее имя для номинации другого объекта. Нарушение этих требований может привести к судебным разбирательствам, как произошло, например, в Санкт-Петербурге при выходе на рынок мороженого под маркой *Windows*. Правообладателем данного товарного знака является известный компьютерный холдинг, который сразу же обратился в суд с требованием сменить название мороженого, представив при этом соответствующие документы из патентного бюро. Суд вынес постановление в пользу истца.

Таким образом, в процессе номинации объекта рекламирования должны учитываться следующие критерии: наличие содержательных и ассоциативных связей между означаемым и означающим; соответствующую фоносемантическую характеристику слова; способность привлечь внимание и запомниться; адресный характер имени (включение информации о потребителе, целевой аудитории); возможность включения национально-культурных, исторических или региональных компонентов значения имени; ассортиментоспособность, возможность обозначать расширенную линейку товаров данной марки; охраноспособность, правовую защищенность.

Литература

Новоцихина М. Е. Как вы фирму назовете... — М., 2007.

Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста: Учебно-практическое пособие. — СПб., 2003.

О. Е. Беспалова (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ

Языковые особенности поэтической речи традиционно являются предметом описания как в лексикологии, так и в стилистике художественной речи. Однако если в стихотворениях подлинных художников слова исследователь-лингвист видит проявление высшей степени владения языком, то произведения начинающих поэтов представляют собой интересный материал не только для изучения процесса овладения

поэтической речью, но и для понимания природы языковых явлений: «Экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. <...> Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный — на их пределы» (Арутюнова 1988: 303).

Создание поэтического произведения для молодого автора сопряжено с двумя трудностями: с одной стороны, он стремится облечь в словесную форму состояние вдохновения, передать эмоции и чувства, которые он испытывает в момент творческого подъема; с другой — создать стихотворный текст, соответствующий канонам поэтической речи.

Для начинающего поэта значимыми оказываются три критерия, влияющие на соответствие текста жанру стихотворения: формальный, содержательный и языковой. Формальный критерий требует соблюдения «внешних» признаков стихотворения — рифмы и размера. Содержательный критерий проявляется в преобладании в поэзии определенных тем, раскрывающих внутренний мир лирического героя. Языковой критерий связан с уровнем владения языковыми и стилистическими особенностями поэтической речи и, с нашей точки зрения, является основным для квалификации стихотворного текста как удачного или неудачного речевого произведения.

Рассмотрим, как влияет языковой критерий на лексическую структуру стихотворения в творчестве начинающих поэтов.

Выбор слова в стихотворениях молодых авторов определяется тремя факторами: 1) абстрактностью лексического значения слова, 2) его эмотивно-экспрессивной коннотацией и 3) стилистической маркированностью.

Преимущественная ориентация на лексику с абстрактным значением связана с реализацией коммуникативного замысла автора — передать эмоциональное состояние, размышления о жизни, смерти, любви: *Соцветие перемен, // Страдания не всерьез // Созвучие, вой сирен... // И синева до слез; Жестокость есть синоним сердца. // Расчетливость есть здоровый смысл. // Вся наша жизнь — нить эгоизма. // Как хорошо, что протяженность только миг* *.

Наиболее широко представлены в стихотворениях начинающих поэтов тематические группы слов с абстрактной семантикой: 1) название эмоций и чувств — *радость, грусть, тоска, печаль, любовь, гордость*; 2) номинации, связанные с внутренним миром человека, —

---

* Материалом для исследования послужили стихотворения студентов Санкт-Петербургского государственного горного института им. Г. В. Плеханова, предоставленные автору статьи на правах рукописи.

душа, сердце, мечты, грезы, мысли, сознание; 3) лексические единицы, выражающие философские и жизненные понятия, — *судьба, рок, потеря, беда, разлука*; 4) обозначения религиозных персоналий и явлений — *Дьявол, Демон, Сатана, Бог, ангел, небо* (в значении 'высшие силы'), *ад*. Отдельно отметим тематическую группу «явления природы», единицы которой в стихотворениях молодых поэтов актуализируют метафорическое значение, придающее реалиям физического мира (дождь, непогода, ветер и др.) экзистенциальный характер: *А в сердце дождь, печаль и скука; Если, друг, ты спросишь вдруг, // Зачем идти сквозь сотни вьюг*. В таких контекстах природные явления воспринимаются как события эмоциональной жизни человека или законы миропорядка в целом.

В поэзии молодых авторов слова с конкретным лексическим значением в контекстуальной близости с абстрактными лексемами получают приращения смысла, связанные с расширением объема значения, абстрактизацией их семантики: *Перенеси и в рай, и в ад, // В пустыню, в море... Хочешь — в бездну? // А если хочешь — в водопад, // Где я умру, но вновь воскресну*. Лексемы *пустыня, море, водопад*, занимающие ту же синтаксическую позицию, что и абстрактные существительные *рай, ад, бездна*, являются не обозначениями конкретного географического ландшафта, а локусами иного, возможного мира.

В представлении молодых поэтов, как и в традиционной поэзии, смысл явлений физического мира всегда находится за его пределами, недоступен пониманию обычных людей, лишь поэт может уловить существование высшего знания. Показателем такой абстрактизации «вещного» мира является частотность неопределенных и указательных местоимений: *Живу я в черно-белом склепе, // Где кто-то Бог и Сатана, // Где кто-то думает о небе; Крикну миру, что не одинока я, // Просто мало тех, кто понимает*.

Среди образных средств языка в поэзии молодых авторов чаще всего встречается олицетворение, связанное с мифопоэтичностью восприятия предметов и явлений конкретного, зримого мира. Данный троп широко представлен общеязыковыми моделями: *Отдай ее, чтоб сердце пело, // Чтоб снова плакала душа*; традиционно-поэтическими: *Город задремал, словно он устал, // От людских проблем, их хватает всем. // А на крыше спал ветер крепким сном, // О любви шептал он деревьям днем*; индивидуально-авторскими: *Белые хлопья ловит асфальт; Снова ветер рвет душу на части, // Заставляя нас вспомнить про счастье; Лишь природа, спокойно вздыхая, // Снова в осень печально впадает*.

Поиск новых средств выражения, обусловленный излишней персонификацией явлений окружающего мира начинающими поэтами, часто проявляется в создании олицетворений, нарушающих нормы сочетаемости слов русского языка: *Колкие иглы тонкого льда // В белую землю вгрызаются болью* (предикат *вгрызаться* предполагает наличие семы 'зубы' в лексическом значении субъекта олицетворения, поэтому выбор автором лексемы *игла* в данной конструкции неудачен); *Ночное небо плакало звездой* (отсутствие в значении 'небесное тело' слова *звезда* семы 'жидкость', обязательной для семантического согласования с глаголом *плакать*, повлекло за собой разрушение традиционного олицетворения *небо плачет дождем*).

Тенденция к актуализации абстрактной семантики слов в поэзии молодых авторов, на наш взгляд, объясняется их стремлением придать стихотворению явно выраженный второй план экзистенциального характера, что соответствует представлениям начинающих поэтов о предмете поэтической речи. Преимущественная ориентация на абстрактную лексику, стремление увидеть за окружающим миром некий «тонкий мир» в стихотворениях молодых авторов часто оканчивается неудачей, поскольку перегруженность стихотворения абстрактной лексикой, поэтизмами ведет к «семантической опустошенности» (Кожевникова 1986: 64): *Ледяная пыль на твоих сапогах, // И тысячи лун призрачный свет, // И жизнь среди вечности на небесах // Таких ныне сумрачных лет. // И разности чести острая грань // Толкает тебя на бешеный бред. // И ты, по кусочкам теряя себя, // Застынешь над самостью мести.* Причины такого словоупотребления, очевидно, кроются в том, что «использование отвлеченной лексики позволяет обходиться без напряжения поэтической мысли, а красоты стиля могут прикрыть на время бедность мысли» (Сенкевич, Феллер 1968: 49).

Второй фактор, влияющий на выбор лексической единицы в поэзии молодых авторов, связан со способностью лексемы выражать крайнее проявление признака. Из синонимического ряда обычно выбираются экспрессивные синонимы, в лексическом значении которых есть семы 'предельная интенсивность действия' или 'высшая степень проявления признака': *И... отвернись! Молю! Не надо!!! Не надо столь прекрасной быть... // Дабы остыло пламя ада... // Дабы я смог тебя забыть. Молить, умолять* в отличие от доминанты синонимического ряда *просить*, обозначают усиленную, горячую, страстную просьбу, мольбу о чем-л. (придают речи эмоционально-приподнятый характер); *прекрасный* в синонимическом ряду прилагательного *красивый* имеет значение 'очень красивый, обладающий необыкновенной

красотой'; *дабы*, являясь синонимом союза *чтобы*, употребляется в книжной речи для придания ей приподнятого характера (Словарь синонимов русского языка, 2003).

Часто контекстуальные синонимы, различающиеся по степени эмоционального напряжения, выстраиваются в градационные конструкции: *Рассказать, закричать, // Разрыдаться, завывать! // Прошептать... промолчать... // Проглотить... Разлюбить?.. // Невозможно, немислимо, // Глупо... Смешно.*

Третий фактор, определяющий выбор лексики, связан с ее принадлежностью к книжному, высокому стилю речи: *Люблю тебя, проклятый дьявол, // Ты от небес был отречен, // Твой взор горит в небесном свете, // Твой дух и стан был поражен. // Ты приклонил колено миру, // Теперь взираешь из-под век. // «Проклятый мир» — ты бросил лиру; Пустыня мысли одинокой // Понине тихо спит в тени.*

Ориентация на поэтический стиль рождает в стихотворениях молодых авторов большое количество поэтических штампов: *И осталось мне топить печаль в вине, // Забывать свои мечты и грезы. Однако стихотворения начинающих поэтов зачастую характеризуются стилистической невыдержанностью, что проявляется в немотивированном введении в лексическую структуру поэтического текста просторечия: *Я не отдал бы никому, // То чувство, которое пускает // По лицу слезу; Да за одну нее любой // Готов... / Порвать любовь // Со всеми потрохами. Ряд ошибок также связан с употреблением слов и словосочетаний без учета их лексического значения с акцентом только на стилистической принадлежности: *О ты! Как ты могла уйти? // Не уж-то во мне камни преткновенья? (камень преткновения (книжн.) — 'помеха, затруднение' (Фразеологический словарь русского языка 1994)).***

В заключение подчеркнем, что факторы, влияющие на выбор лексической единицы в стихотворениях молодых поэтов, взаимосвязаны. Неудачная организация лексической структуры стихотворения определяется тем, что «приемы, специфичные для языка художественной литературы, практически целиком созданы отклонениями от семантического шаблона» (Арутюнова 1988: 312). Интуитивно чувствуя эти особенности поэтической речи, начинающие поэты, однако, не обладают необходимым языковым опытом для использования лексических единиц как элементов особой поэтической системы.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. — М., 1988.

Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. — М., 1986.

Сенкевич М. П., Феллер М. Д. Литературное редактирование (лингвостилистические основы). — М., 1968.

Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 2003.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — СПб., 1994.

III. СЛОВО В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И В ТЕКСТЕ

И. С. Куликова (Санкт-Петербург)

СУДЬБА ОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ. ОЧЕРК ПЕРВЫЙ: **ЯЗЫКОЗНАНИЕ — ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ — ЛИНГВИСТИКА**

Появление коллективной серии очерков под общим заголовком (см. статью Д. В. Салминой в этом сборнике) стимулировано одной из главок книги М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва», темой которой послужило смысловое преобразование терминов *лингвистический* и *лингвист* с выходом их из семантического поля «наука» в семантическое поле «образование». Вследствие этого и самой *лингвистике* угрожает превращение в «красиво и научно названное изучение иностранного языка» (Кронгауз, 2008, с. 64–67)*.

Полностью соглашаясь с обоснованной тревогой автора по поводу угрожающего размывания значения этих слов-терминов, мы, однако, не можем безоговорочно принять следующую оценку терминологической триады *языкознание, языковедение, лингвистика*: «Слово *языковедение* тихо уходило из языка, название *языкознание* закреплялось за уже давно существующими и давно известными научными областями, а *лингвистика* — за научными направлениями более новыми и современными» (там же, с. 63). Хотя приведенные в книге примеры (*структурная лингвистика, но традиционное языкознание*) вроде бы убедительны, но, на наш взгляд, ситуация существенно сложнее как в синхронии, так и в диахронии. В данном очерке предметом рассмотрения будет именно становление этой терминологической триады.

Материалом послужили работы ученых одной научной школы, которые должны, по определению, иметь единый метадиалект. Наш выбор пал на Казанскую лингвистическую школу, и не случайно, так как роль И. А. Бодуэна де Куртенэ в формировании метаязыка современной лингвистики хорошо известна. Его постоянный интерес к лингвистической терминологии проявлялся и в собственной терминовтворческой деятельности, и в весьма критической ее оценке (Бодуэн

---

* Литературу см. в «Очерке втором» Д. В. Салминой.

1963-I: 171, 269), и в методологически ориентированных прогнозах развития языкознания в XX в. (Бодуэн, 1963-II: 16 — пункт 1).

Можно с уверенностью сказать, что до И. А. Бодуэна де Куртенэ ни один русский лингвист не ставил вопрос о названии науки о языке, в соответствии с направлением своих научных интересов употребляя те или иные ее именованья: например, *лингвистическая филология*, *сравнительная филология* (И. И. Срезневский), *сравнительное языкознание*, *сравнительная грамматика* (Ф. И. Буслаев), *языкознание* (А. А. Потебня). Для Бодуэна название науки — проблема методологическая, которую он и пытается разрешить. Приведем несколько фрагментов из его работ разных лет, которые дают пищу для размышлений по поводу сложившейся в русском языке к середине XIX в. ситуации «полиименности» нашей науки:

(1) «Август Шлейхер» (1870): «Языкознание (лингвистика, прозванная впоследствии глоттикой) есть наука, совершенно отличная от филологии» (Бодуэн, 1963-I: 35);

(2) «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» (1870): принципиально отказываясь от распространения принятого в то время термина *сравнительное языкознание* на науку о языке в целом, Бодуэн предлагает ряд ее наименований: «или исследование языков и речи человеческой вообще, или языковедение (языкознание), или же, наконец, лингвистика (глоттика)» (Бодуэн, 1963-I: с.56–57).

Обе цитируемые работы, подчеркнем это, написаны Бодуэном по-русски и адресованы русскому читателю, а вторая работа, в основу которой, как известно, легла публичная лекция, — и русскому слушателю.

(3) Программная статья «Языкознание, или лингвистика, XIX века» («Językoznanstwo czyli lingwistyka w wieku XIX»), в которой два названия науки вынесены в заглавие, была впервые опубликована в 1904 г. в польском журнале «Szkice językoznawcze», а в «Избранных трудах» представлен ее перевод с польского (Бодуэн 1963-II: 3–18).

(4) «Языкознание» (1904) — статья, написанная параллельно на двух языках для двух энциклопедических словарей (русского словаря Брокгауза и Ефрона и польского словаря «Wielka Encyklopedia powszechna ilustrowana»), естественно, начинается с названия науки: «Языкознание, языковедение, иначе лингвистика (от лат. *lingua* ‘язык’), глоттика, глоттология (от греч. γλωσσα, γλωττα ‘язык’), в тесном смысле этого слова есть систематическое, научное исследование явлений языка в их причинной связи» (Бодуэн, 1963-II: 96).

Итак, научной (и не только) общественности предлагается на выбор несколько названий науки о языке. Из них два русских *языкознание* и *языковедение*, а три — иноязычных, с латинской и греческой основами: *лингвистика* и *глоттика* с вариантом *глоттология*. Свободный или скобочный способ подачи терминов-синонимов и порядок их расположения в ряду дает обычно возможность судить о том, какой из них является приоритетным для данного автора, а следовательно, и прогнозирует использование в текстах именно этого синонима. Что же мы находим у Бодуэна?

Если в энциклопедической статье «первым среди равных» является термин *языкознание*, то в написанной тридцатью годами раньше, но не менее известной работе «Некоторые общие замечания...» как базовый предложен термин *языковедение* и именно он последовательно используется в данном тексте. Но, повторимся, этот текст в ряду работ Бодуэна специфичен и по жанру, и по характеру адресата: публичная университетская лекция была рассчитана на слушателей разной степени осведомленности в науке о языке, а следовательно, предполагала некоторый момент просветительства. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, предопределило выбор Бодуэна: архаичный и обладающий стилистической коннотацией возвышенности корень второй основы *вед-ать* был удобен для того, чтобы не только назвать науку, но и подчеркнуть для непосвященных ее серьезность и сложность. Заметим, что использование основы-аффиксоида *-ведение* в значении ‘наука о...’ широко распространено в русском языке: ср. *литературоведение*, *искусствоведение*, *музыковедение*, *источниковедение* и т. п., но эти термины, в отличие от слова *языковедение*, не имеют синонимов со второй частью *-знание*, а потому лишены каких бы то ни было коннотаций.

Примечательно, что этот же термин находим в названии «Программы чтений по общему курсу *языковедения*» (1876). Эта тенденция еще более отчетливо просматривается у ученика Бодуэна В. А. Богородицкого в «Лекциях по общему *языковедению*» (1915): слово *языковедение* включается в составные термины, сопровождаясь следующим комментарием: «Ввиду <...> сложности науки о языке, возникла преподавательская дисциплина под названием общего *языковедения* или введения в *языковедение*, выясняющая основные вопросы науки о языке» (Богородицкий, 1975, с. 434).

Таким образом, как нам представляется на основе анализа этих фактов, в начале XX в. термин *языковедение* — наряду с его использованием как стилистически маркированного синонима названия науки о языке — употреблялся также в функционально и содержательно

ограниченном значении ‘именование учебной дисциплины’ (ср. *правоведение* и более поздние аналоги *природоведение*, *обществоведение*). В XX в. архаичность термина стала еще более ощутимой, но наметившаяся традиция могла сохраняться, как мы это видим в названии классического учебника А. А. Реформатского «Введение в *языковедение*».

Слово *языковедение* со второй старославянской по происхождению основой специфично для русского языка и в других славянских языках аналогов не имеет, тогда как термин *языкознание* имел полную параллель *językoznanstwo* в родном для Бодуэна польском языке. Поэтому в энциклопедической статье, написанной Бодуэном параллельно на двух языках (4), возможно, проявилось и стремление ученого унифицировать славянскую лингвистическую терминологию. Следует подчеркнуть, что за пределами работы (2) термин *языковедение* употребляется Бодуэном как абсолютный эквивалент-синоним термина *языкознание* очень редко. Основным в научном дискурсе Бодуэна был термин *языкознание*, что отражало реальное положение дел в науке и в языке: «Настольный словарь для справокъ по всѣм отраслямъ знанія» Ф. Толля в 1864 г. фиксирует для названия науки только термин *языкознаніе*, отмечая также его синоним *лингвистика*.

Заслуга Бодуэна в том, что, закрепив доминантность термина *языкознание* в названиях программной (3) и энциклопедической (4) статей, он определил его место в метаязыке русской лингвистики и в русском лингвистическом дискурсе начала XX в. При этом он последовательно реализует эту установку и в личном дискурсе, используя в обоих текстах (и не только в них) именно этот термин и лишь в единичных случаях заменяя его русским дублетом *языковедение*.

Как же обстоит дело в работах Бодуэна с использованием иноязычных дублетов? Из предложенного им ряда интернациональных латино-греческих терминов *лингвистика* и *глоттика* / *глоттология* два последних в русской традиции никогда не были активными (показательно их отсутствие в словаре Толля при наличии слов *глосса* и *глоссарий*). Слово *лингвистика*, хорошо известное в XIX в. европейской науке (ср. фр. *linguistique*, нем. *Linguistik*, англ. *linguistics*, исп. *lingüística*), по нашим наблюдениям, используется и самим Бодуэном, и его коллегами весьма избирательно. Так, наряду со словом *лингвист*, оно неоднократно встречается в большой статье Бодуэна «Николай Крушевский, его жизнь и научные труды» (1887), которая была по-польски написана для польского филологического журнала и рассчитана на европейского читателя.

При этом сам Н. В. Крушевский с его творческими установками на новаторство и на широкие обобщения явно предпочитал именно интернациональный термин *лингвистика* (см., в частности, его работу «Предмет, деление и метод науки о языке» (Крушевский 1975: 412—413)).

В работе (3), где идет речь о развитии, состоянии и перспективах мировой науки о языке, слово *лингвистика* встречается, помимо названия, только однажды, причем в таком контексте, где в сравнительной конструкции было востребовано грамматическое значение женского рода этого существительного: «Только в низшей школе и особенно в средней к *лингвистике* до сих пор относятся как к падчерице» (Бодуэн 1963-II: 14; курсив наш. — И. К.). На фоне сказанного понятно, почему термин *лингвистика* отсутствует в Предметном указателе к «Избранным трудам» Бодуэна, а термин *языковедение* «спрятан» через отсылку к термину-доминанте *языкознание*.

Выводы

1. В русской науке о языке еще в середине прошлого века сложилась нетрадиционная для науки в целом ситуация множественности ее наименований. Принимая за основу известную идею С. О. Карцевского об асимметричности языкового знака, можно расценить это явление как изначально заданную самими русскими лингвистами формальную асимметрию (множественность означающих) в наименовании собственной науки — сосуществование ряда терминов-дублетов, что терминологии в принципе противопоказано и свидетельствует о стадии ее формирования.

2. Главенствующая позиция функционально не ограниченного и доминирующего термина *языкознание* складывается при активном участии И. А. Бодуэна де Куртенэ и закрепляется в таком авторитетном издании начала XX в., как «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона.

3. Формальная асимметричность рассматриваемой терминологической парадигмы в ее русской части снимается функциональной дифференциацией слов *языкознание* и *языковедение* с постепенным вытеснением последнего и из сферы пропедевтики (в современных толковых словарях, например в словаре под редакцией С. А. Кузнецова, иногда отмечается второе значение ‘учебная дисциплина’ у слова *языкознание*, но не у слова *языковедение*); иноязычная часть парадигмы естественно сокращается до одного интернационального термина *лингвистика*. Таким образом, множественность номинаций науки сво-

дится к обычной для русской терминологии синонимии «свой термин с прозрачной мотивировкой // интернациональный термин».

4. Конкуренция между синонимами *языкознание* и *лингвистика* характеризует русский лингвистический научный дискурс второй половины XX века и отнюдь не ограничивается формальным доминированием термина *языкознание* в словарных статьях «Лингвистического энциклопедического словаря». Но это уже тема другого очерка.

Д. В. Салмина (Санкт-Петербург)

СУДЬБА ОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ. ОЧЕРК ВТОРОЙ: КАК НАМ СЕБЯ НАЗЫВАТЬ: ЛИНГВИСТ, ЯЗЫКОВЕД, ЯЗЫКОВЕДЕЦ, ЯЗЫЧНИК, ГЛОТТИК, ГЛОТТОЛОГ?

Для терминов, называющих науки, всегда потенциально важно образование, во-первых, названия ученого, специализирующегося в данной области, и, во-вторых, относительного прилагательного, которое могло бы использоваться при создании составных терминов-словосочетаний. Темой данного очерка является первая парадигма производных.

Продолжая сюжет первого очерка, бросим взгляд на формирование этого ряда, на положение дел в языке и в лингвистическом дискурсе XIX в. Небезынтересны, на наш взгляд, гнездовые словарные статьи, посвященные рассматриваемым лексемам, в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля:

языковѣдѣнъе, *языкознаніе*, ср. *филологія* и *лингвистика* ‘изученіе древних или живых языков’. Далее предлагаются следующие, не используемые в современном русском языке производные от корневой морфемы *язык-*: *языкоученіе* ‘преподаваніе языков’, *языкоучебный* ‘к сему относящийся’. *Лингвистика* (ж.) ‘наука сравнительного исследования языков’; *языковѣденіе*, *языкознаніе*. Соответственно, в синонимические ряды, называющие специалистов в этой области, входят слова: *языковѣдѣ*, *языковѣдець*, *филологѣ*, *лингвистѣ*, *язычникѣ*; *лингвистѣ* (м.), *лингвистка* (ж.), *языковѣдѣ*. Особо выделены *языкоучитель*, *языкоучительница* ‘кто учит языку’. Весьма примечательно, что в далаевском словаре разведены обозначения **науки** и языка как **учебного предмета, ученых и учителей**, в том числе и по гендерному признаку.

Чтобы представить, как обстоят дела в научном дискурсе этого времени, обратимся к работам И. А. Бодуэна де Куртенэ, где прямо предлагается читателю интересующий нас синонимический ряд. Это одна из первых работ ученого — «Август Шлейхер» (1870): «Лингвиста (глоттика) можно сравнить с зоологом»; «Следовательно, озаглавит ли себя человек, исследующий язык, филологом или же глоттиком (лингвистом)...» (Бодуэн, 1963-I, с. 35–36) и энциклопедическая статья «Языкознание» (1904): «Человека, занимающегося языкознанием, зовут по-русски языковедом, лингвистом, глоттологом, даже язычником» (Бодуэн, 1963-II, с. 109–110).

Наименование *язычник* вряд ли стоит принимать в расчет: хотя оно и фиксируется в статье энциклопедии, отражая свойственное Бодуэну стремление охватить все социальные срезы языка, оно очевидно неравновелико прочим (не выделено разрядкой). По всей вероятности, это бытовавший в среде русских лингвистов профессионализм, отмеченный, как показано выше, в Словаре Даля, но, кажется, встречающийся иногда и сегодня как шутовое обозначение лингвистами своей профессии. Следовательно, это функционально и социально ограниченное слово, не являющееся термином в строгом смысле.

Что же касается номинаций *глоттик* и *глоттолог*, в качестве синонимов слов *языковед* и *лингвист* они оказались практически не востребованными, совершенно не прижились в русском языке, хотя обе словообразовательные модели регулярны и достаточно продуктивны (ср.: историк, физик, химик, ботаник; психолог, физиолог, зоолог, спелеолог — и современные политолог, футуролог и др.). Можно предположить, что это связано с «непрозрачностью» семантики производящего и редко используемого даже самими учеными-языковедами греческого слова *glōtta*. Сам Бодуэн ни одно, ни второе именование в других работах не употребляет.

Примечательно, что Бодуэн вообще редко пользуется номинациями этого ряда, предпочитая конкретику имен (см. «Языкознание, или лингвистика, XIX века»). Так, в обширной энциклопедической статье «Языкознание» встречаем один раз слово *языковед*: «Дело *языковедов* — определять в каждом отдельном случае, насколько данное слово или оборот, появившийся под влиянием чужих языков, подвергся уже надлежащей ассимиляции и удовлетворяет известной потребности языка, т. е. в какой мере можно оправдать его употребление» (Бодуэн, 1963-II: 103; здесь и далее курсив в цитатах наш. — Д. С.) — и один раз — слово *лингвист* в важной для концепции Бодуэна оппозиции термину *филолог* (у Даля это синонимы!): «На расцвет новой эпохи в истории языковедения повлияло также основательное ознакомление

европейских филологов и лингвистов с санскритским языком и индийскими грамматиками» (Бодуэн, 1963-II: 109).

Исключение составляют его работы, написанные на польском или французском языках и предназначенные для западноевропейского читателя. Выбор русскими переводчиками номинации *лингвист* обусловлен наличием в оригинальном (первичном) варианте текстов названия на основе романского корня — как интернационального и поэтому предпочтительного.

Особенно показательно начало статьи «Николай Крушевский, его жизнь и научные труды» (1887): «Редкий год приносит столько несчастий определенной группе людей, сколько принес год 1887-й лингвистам-полякам. В этом году умерли два самых выдающихся польских лингвиста: Хануш и Крушевский. Если обратить внимание на то обстоятельство, что поляков лингвистов такого масштаба немного больше двух десятков, 2 (два) окажется огромным процентом. <...> Хануш был лингвистом-“историком” <...>. Крушевский же принадлежал к лингвистам-“философам”, т. е. к лингвистам, стремящимся к обобщениям, стремящимся к открытию и формулировке общих законов языковой жизни» (Бодуэн, 1963-I: 146; ср. также: Бодуэн, 1963-I: 149, 150, 201). Ср. также написанную по-французски статью «Фонетические законы» (оригинальное название «Les lois phonétiques») и напечатанную в польском журнале «Rocznik Slawistyczny» в 1910 г.: «Лингвисты ленивого ума, не ориентирующиеся в понятии непрерывного движения, видят “фонетические законы” в фактах чередования или в сериях макроскопических изменений...» (Бодуэн, 1963-II, с. 204).

Таким образом, ситуация с профессиональным наименованием в лингвистическом дискурсе XIX в. значительно ближе к сегодняшнему положению дел, чем ситуация с названием самой науки: реально функционирует все та же синонимическая пара *языковед* // *лингвист* (в наших материалах соотношение приблизительно 300 : 375). Впрочем, оба слова даже в книгах по истории языкознания встречаются не так часто, как ожидалось: они оказываются семантически избыточными в тематически определенном контексте, заменяются или гиперонимами (*ученый, исследователь*), или, наоборот, гипонимами (*компаративисты, младограмматики* и т. п.) или же апперцепционно присутствуют в именах ученых.

Однако по сравнению с XIX в. усиливается исходная асимметрия трех производящих и двух производных, что связано с устареванием термина *языковедение* и существенным ослаблением позиций прилагательного *языковедческий* (по нашим данным, в корпусе текстов око-

ло 3000 страниц соотношение прилагательных *лингвистический* // *языковедческий* приблизительно 850 : 40). Об этом свидетельствуют и специальные словари. В словарной статье ЛЭС (автор — Вяч. Вс. Иванов), определяющей понятие «языкознание», в скобках даны синонимы в таком порядке (*языковедение, лингвистика*); в статье «лингвистика» дается этимология и далее — отсылка к статье «языкознание». В современном электронном «Ассистент-Словаре Проф» в качестве синонимов к *языкознанию* также предлагаются, как и следует ожидать, *языковедение* и *лингвистика*, а кроме того — с пометой *устар.* — *глоттология* (с этимологической справкой «от греч. *glōtta + logos* — слово; понятие, учение»).

Общеизвестно, что место термина в синонимическом ряду зависит не только от его собственной употребительности, но и от словообразовательного потенциала внутри терминосистемы. У простого слова *лингвистика* он более сильный, чем у сложных русских слов, что абсолютно естественно (ср. *психоллингвистика*, но не **психоязыковедение* или **психоязыкознание*). Но ведущим русским термином в триаде является *языкознание* с нулевым словообразовательным потенциалом. Любопытно, что в словаре Даля в синонимический ряд слов, обозначающих работающих в этой области ученых, включено усложненное суффиксом наименование *языковедец*. Однако никогда никем не было предложено производное **языкознанец*, равно как и прилагательное **языкознанческий*. (Разве только как шуточные окказионализмы?)

Рассуждая о причинах данного обстоятельства, заметим, что автор «Толкового словаря словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремова пишет следующее: суффикс *-анец-* (модификат суффикса *-ец*) — это «регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные, *которые обозначают лиц по их происхождению из какой-либо страны, по их отношению к общественному направлению или течению, названному мотивирующим именем существительным* <...>. Присоединяется преимущественно к *непроизводной* основе мотивирующих слов...» (Ефремова 1996: 46). Возможно, несоответствие слова *языкознание* указанным особенностям семантики и структуры производящей основы и стали причиной запрета на создание номинации **языкознанец*.

Подводя итог, можно сделать вывод, что именно активность производных *языковед* и — в меньшей степени — *языковедческий* поддерживает «на плаву» архаичный термин *языковедение* в составе синонимической триады.

Литература

- Богородицкий В. А.* Лекции по общему языковедению // Хрестоматия по истории русского языкознания / Сост. Ф. М. Березин. — М., 1975. С. 434–439.
- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2004.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные работы по общему языкознанию: В 2 т. — М., 1963.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1998 (воспроизведение издания 1880–1882 г.).
- Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — М., 1996.
- Крушевский Н. В.* Предмет, деление и метод науки о языке // Хрестоматия по истории русского языкознания / Сост. Ф. М. Березин. — М., 1975. С. 412–417.
- Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. — М., 2008.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990 (ЛЭС).
- Настольный словарь для справок по все́м отраслям знания (справочный энциклопедический словарь): В 3-х т. / Составленный под редакцією Ф. Толля. — СПб., 1863–1864.

М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург)

«НОВАЯ АППОЗИЦИЯ»: ОБЕСЦЕНИВАНИЕ СЛОВА

Дорогой Надежде Евгеньевне — с уверенностью в единомыслии...

Распространение конструкций с номинативным приложением достигло в современном узусе масштабов, которые сознанием пуриста воспринимаются как едва ли не катастрофические. Школьные учителя уже не вздрагивают, наталкиваясь в сочинениях на фразы типа *Базаров испытывал к Одинцовой чувство «симпатия»*. Создатели пропагандистского телешоу назвали его «Имя Россия», хотя по смыслу, коль скоро речь о том, какие имена могут отождествляться с именем самой страны, следовало бы ожидать конструкции *имя России*. Сочетания же, мелькающие на рекламных плакатах и заставках, особенно если отвлечься от их метаграфического исполнения (напр., *Имя Россия Менделеев*), выглядят по меньшей мере двусмысленно, по большей — бессмысленно. В научном стиле статус конструкций типа *концепт «любовь»*, *понятие «парадигма»* приближается к нормативному; дополнительное доказательство — тот факт, что и кавычки из этих конструкций нередко уже исчезают; в результате имеем, так сказать, «но-

минативное примыкание» в чистом виде. Любопытно отметить, что первоначально аппозитивная конструкция подменила конструкцию с генитивным определением в сочетаниях с ведущим компонентом *концепт* — видимо, потому, что это было легче сделать со сравнительно новым для лингвистики и иноязычным по происхождению термином; параллельные же сочетания с ведущим компонентом *понятие* в течение некоторого времени еще сохраняли привычную форму (*понятие парадигмы*). Сегодня, однако, в большинстве случаев и со словом *понятие* уже используют номинативное приложение.

Стремительно расширяется круг коммуникативных ситуаций, в которых используется модель номинативного приложения в кавычках, ранее представлявшего собой исключительно **собственное наименование** (НПО «Красная заря», совхоз «Ленсоветовский», гостиница «Астория», ЗАО «Петроэлектросбыт», Дворец спорта «Юбилейный»). Теперь в коридорах вузов сплошь и рядом встречаются таблички типа *Кафедра «Русский язык»* (вм. *кафедра русского языка*), учебные дисциплины именуются *курс «Синтаксис»* (вм. *курс синтаксиса*), да и сами учебные заведения, благодаря очередной вдохновенной фантазии чиновников, теперь без кавычек себя именовать не могут: *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»*.

Последний пример заслуживает особого комментария. Здесь обращает на себя внимание не столько министерское стремление к классификаторству, сколько сопутствующее ему навязывание алогичности и безграмотности. Можно допустить, что в определенных контекстах классифицирующая номинация, удостоверяющая, что речь идет не о какой-нибудь самозванной «академии», а о Государственном Образовательном Учреждении, и что дают в нем не какое-нибудь, а Высшее Профессиональное Образование, — необходима¹. Но делать эту классификационную номинацию обязательной приставкой к собственному наименованию вуза, и без того содержащему ключевую классификационную номинацию (*университет*), означает последнюю обесценивать: ведь тем самым имплицитно допущено, что бывают университеты, в которых не высшее образование дают, а занимаются чем-то

---

¹ Правда, нелишне было бы помнить о том, что слово *профессиональное* в данном случае выглядит в лучшем случае полуложью: как известно, большая часть выпускников нынешних университетов имеет дипломы бакалавров, то есть не имеет ни специальности, ни профессии, ни соответствующей профессиональной квалификации — лишь низшую академическую степень по определенному «направлению знаний».

совершенно иным. (Кстати, государство и само себя обесценивает, если допускает возможность существования подобных «университетов».) Кроме того, получающаяся в итоге комплексная номинация насквозь тавтологична. Если помнить, что университет и есть учреждение (классического многопрофильного) высшего образования, то в итоге получается «государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования “Санкт-Петербургское государственное учреждение (классического многопрофильного) высшего образования”». Наполовину лживая и насквозь тавтологичная номинация, сдвинувшая на место зависимого компонента словосочетания вполне ясное прежнее название, — яркий пример классификационного идиотизма, возведенного в ранг государственной политики в сфере номенклатуры учреждений.

Однако беда-то не в чиновниках. Классификационный идиотизм — лишь следствие, лишь проявление языкового сознания, по отношению к которому сознание чиновника только частный случай. Для нас наиболее важно то, что делает подобные явления возможными. Думается, что глубинная причина — в недоверии к слову, в обесценивании его лексического значения. Только этой девальвацией можно объяснить то, что создатели подобных наименований **не видят** тавтологии. Слово *университет* в своем обычном обличье означает именно то, что зафиксировано в словарях. Но классификаторы хорошо знают, что написать на вывеске можно много разных красивых слов. Поэтому требуется рядом с «красивым и потому не заслуживающим доверия» словом употребить классифицирующую номинацию *ГОУ ВПО*. Классификаторы не отдают себе отчета в том, что этой операцией они **узаконивают** недоверие к ничем не провинившемуся слову. Ведь, взятое в кавычки, оно может служить обозначением (названием) уже чего угодно: станции метро, марки печенья или водки, сада или парка и т. д. Кроме того, классификаторы узаконивают модель, по которой через некоторое время сходным образом могут появиться номинации типа «Подлинно государственная организация “Государственное образовательное... “Санкт-Петербургский...”»», — и так до дурной бесконечности.

Полное отсутствие необходимой, внутренней связи между компонентами конструкции плюс сопутствующее обеднение семантики слова — вот, на мой взгляд, **сущность аппозиции** как типа семантико-синтаксических отношений **в ее нынешнем виде**.

Постепенное распространение аппозитивных конструкций, заменяющих собой модели словосочетаний с управлением, началось в русском языке отнюдь не вчера и отмечалось в специальных работах

неоднократно. Предварим дальнейшее изложение небольшой справкой.

Под аппозицией понимается либо приложение (так толкует термин О. С. Ахманова (1969)), либо — шире — связь, выражающаяся в соположении существительных, из которых или оба имеют одинаковую падежную форму, или зависимое всегда сохраняет форму именительного падежа. Еще шире понимал аппозицию С. Д. Кацнельсон: насколько можно судить по контекстам, ученый, характеризуя генезис атрибутивных отношений, противопоставлял аппозицию предикативным и предикативно-атрибутивным отношениям, то есть считал аппозитивным любое определение или придаточное, выражающее непредикативные, в том числе собственно-атрибутивные, отношения (Кацнельсон, 1949/ 2006, с. 107). Данная выше характеристика сущности аппозиции согласуется с концепцией С. Д. Кацнельсона.

Термин *аппозиция* заимствован лингвистикой из биологии, где он означает «наложение», «способ роста в толщину оболочек, крахмальных зерен и проч. путем наложения одного слоя на другой. Наложение противопоставляется интусусцепции, или росту в толщину путем внедрения новых частиц между старыми» (определение из Википедии¹). В отечественной лингвистике использование этого слова терминологической строгости, по-видимому, так и не достигло. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон сообщают, что аппозицией «называется в грамматике присоединение существительного *или прилагательного* к другому существительному для более близкого определения или обособления его, напр. “мой брат — доктор”², “Петр Великий”³ (курсив мой. — М. Д.), что явно отличается от трактовки О. С. Ахмановой. В русистике термин *аппозиция* практически не употребляется — в отличие от других частных лингвистик, например — англистики и германистики, где он привычен в значении, фиксируемом О. С. Ахмановой (см., в частности: Бархударов, Штелинг, 1965; Нарустратг, 1999).

Возвращаясь к распространению «новых аппозитивных» конструкций в современной русской речи, отметим, что в данном случае полезна параллель с немецким языком: как известно, этот язык, в целом сохраняя флективный строй, «ушел» в сторону аналитизма намного дальше, чем русский. Однако русский, похоже, наверстывает «отставание» в этом последнем пункте — именно путем распространения «новой аппозиции», то есть конструкций типа *понятие «пара-*

¹ http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Наложение_или_аппозиция.

² В источнике тире, а не дефис, что создает неясность. По-видимому, подразумевается все-таки дефис.

³ http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/70835/Наложение.

дигма», которые обнаруживают существенное отличие от отмечавшихся ранее конструкций с номинативным примыканием.

Г. Н. Акимова, посвятившая в своей известной работе особый параграф «Функционированию формы именительного падежа в зависимых синтаксических позициях» (Акимова 1990: 3–34), фиксирует — если отвлечься от сугубо разговорных явлений (*Как пройти бассейн Москва?*) и несклоняемых слов — следующие конструкции:

1) «определители, выраженные именительным падежом числительного, расположенного в контактной постпозиции к определяемому существительному» (*на расстоянии пять километров, Олимпиада-88*); в этот ряд входят и широко распространенные конструкции *рейсом сорок три тридцать, в школе триста пятьдесят два, из комнаты сто двадцать шесть*;

2) «именительный кратный — синтаксическая группа, состоящая не менее чем из двух форм именительного падежа в атрибутивной позиции» (*по маршруту Москва — Киев*) (там же: 33).

Некоторые из отмеченных Г. Н. Акимовой моделей «номинативного примыкания» допускают перифразу, которая может быть привлечена для объяснения их генезиса (последнее, впрочем, вовсе не обязательно и, как правило, выглядит неубедительно); например: *из комнаты 126 ← из комнаты номер 126 ← из комнаты под номером 126-м* (и даже *из комнаты, номер которой — 126*: этот вариант, при всей своей привлекательности, маловероятен в качестве подлинного предшественника рассматриваемой модели; однако представляется важной сама возможность подобной перифразы). Аналогично: *на расстоянии пять километров ← на расстоянии, составляющем (которое составляет) пять километров; в городе Пушкин ← в городе, который называется Пушкин*, и т. д. Объяснять происхождение данной модели стяжением «исходных» конструкций, повторим, отнюдь не обязательно, но существен тот факт, что они сохраняют возможность подобной перифразы, следовательно — форма им. пад. в них поддается истолкованию.

Другие конструкции: *по маршруту Москва — Киев, Айболит-66, Олимпиада-88* — подобной перифразы не допускают. Если воспользоваться дихотомией, на которой строил свои рассуждения С. Д. Кацнельсон, то легко заметить, что в конструкциях типа *на расстоянии пять километров* зависимый компонент сохраняет оттенок атрибутивно-предикативного значения, который и вскрывается перифразой. Тогда можно сказать, что в моделях вида *Айболит-66* в максимальной степени проявляется **апозитивность**.

В таком случае, конструкции вида *концепт «любовь»*, *понятие «предикативность»*, *имя Россия*, *кафедра «Русский язык»* представляют собой прямое продолжение этих моделей. Они точно так же не проходят «предикативный тест», то есть не допускают перифразы с придаточным, в котором зависимый компонент конструкции превращается в сказуемое. В них точно так же в максимальной степени проявляется аппозитивность, то есть свободный, лишенный внутренней мотивированности характер смысловой связи между компонентами. Но принципиально ново в них то, что круг номинаций, формирующих аппозицию, практически ничем не ограничен — разве что пределами класса абстрактных существительных.

Означает ли такая динамика очередной шаг по пути к аналитизму? Некоторые специалисты склонны именно к такой точке зрения (ее последовательно отстаивает, например, Г. И. Панова: см. в частности, Панова 2001). В этой позиции есть безусловная логика: если язык отказывается от эффективнейшего средства выражения грамматической (и смысловой!) связи между словами в синтаксической конструкции в пользу почти нуля выражения этой связи (именно так выглядят на фоне столь сильного средства, как форма косвенного падежа, соположение и порядок компонентов), то это и означает предпочтение аналитического способа организации конструкции синтетическому.

Однако представляется допустимой и иная интерпретация. Все многообразие синтаксических конструкций может быть представлено как поле конкуренции двух начал: коннективного и иннективного. Первое предполагает организацию синтаксической конструкции на основе юстапозиции — простого соположения компонентов, без каких бы то ни было изменений в их форме. Второе — организацию, использующую специальные средства, в том числе формальные изменения компонентов¹. Расширение круга аппозитивных конструкций, сопровождаемое усилением ведущего признака аппозиции — отсутствия необходимой связи между компонентами конструкции, — может рассматриваться как факт экспансии коннективного начала (примеры из других сфер синтаксиса могут составить пространный список). Однако эволюция языка вовсе не с необходимостью должна рассматриваться как некое однонаправленное движение. Напротив, история показывает, что периоды нарастания коннективного начала не раз сменялись периодами нарастания противоположного ему иннективного начала, и не только в синтаксисе. О том же, только в привычных терминах и детальнее, пишет и Г. Н. Акимова, подчеркивая в частно-

---

¹ Подробнее см.: Дымарский 2007 а, б.

сти: «Черты аналитизма составляют лишь тенденции развития русской грамматики, которые обогащают структуру языка» (Акимова, 1990, с. 160). Если это так, то было бы весьма любопытно заглянуть в будущее, чтобы узнать, как долго продлится экспансия «новой аппозиции» — и грозит ли ей судьба, постигшая, скажем, дательный самостоятельный. Ибо она того явно заслуживает...

Литература

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. — М., 1969.
- Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.
- Бархударов Л. С., Штеллинг Д. А.* Грамматика английского языка. — М., 1965.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь [электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/70835/Наложение.
- Дымарский М. Я.* Коннексия и иннексия: базовые принципы организации языковых структур? // Типология языка и теория грамматики: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона, 27–30.11.2007. — СПб., 2007а. С. 70–72.
- Дымарский М. Я.* Коннективный vs. иннективный синтаксис (Из наблюдений над языком романа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. — М., 2007б. С. 207–223.
- Кацнельсон С. Д.* Историко-грамматическое исследование. I: Из истории атрибутивных отношений [электронный ресурс] / Подгот. по печ. изд.: М.; Л., 1949. — СПб.: ИФИ, 2006. Режим доступа: <http://lingantrop.iphil.ru/doc/2.6.pdf>.
- Нарустранг Е. В.* Практическая грамматика немецкого языка. — СПб., 1999.
- Панова Г. И.* Современный русский язык. Морфология: Словарь-справочник. Ч. 1. — Абакан, 2001.

Е. Е. Котцова (Архангельск)

ГИПОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ГЛАГОЛОВ В РЕЧИ

Одной из главных задач исследования лексической структуры текста, в частности лексической парадигматики, является «определение внутритекстовых связей слов, их закономерностей, их специфики, выявляемой в сравнении со связями в пределах лексической системы языка» (Степанова, 2006, с. 15). Предметом нашего исследования являются гипонимические связи глаголов, рассматриваемые как важное средство когнитивной обработки информации, категоризации лексики.

Эти субординационные связи, основанные на отношениях подчинения, создают иерархическую организацию текста. Понимание того, что своеобразная заданность связей слов в тексте, не всегда совпадающая с их «лексико-системной предначертанностью» (В. В. Степанова), заслуживает большого внимания при работе с текстом, что выявление критериев глагольных гипонимов только на лексико-системном уровне, без обращения к тексту, будет неполным, привело к рассмотрению текстовых условий реализации и модификации глагольной гипонимии в речи.

Основной функцией гиперонима в тексте является функция обобщения, генерализации. А гипоним, заменяя родовое слово в нейтрализующих контекстах, реализует метаязыковую функцию уточнения, конкретизации, выделения дополнительной информации, а также стилистическую функцию переименования.

Анализ текстовых фрагментов, содержащих гипонимы, позволил выявить как одиночное, так и совместное употребление слов с родовидовой связью. Особенности их одиночного употребления, при котором гипонимы выполняют обычно дополнительную функцию синонимической замены, рассмотрены в работах М. В. Лысяковой и А. Н. Еремина (Лысякова, 2004; Еремин, 2000). При этом чаще используется слово с родовым значением вместо видового слова (Еремин, 2000; Лысякова, 2004). По мнению М. В. Лысяковой, такая функциональная активность, демонстрируемая гиперонимом, вполне объяснима его семантическим статусом — более бедным с точки зрения семного состава значением, способным выражать характеристики разной степени обобщенности, а также большей дистрибутивной свободой по сравнению с гипонимами, более насыщенными семантическими признаками и менее свободными в своей сочетаемости. Синонимическая замена видового слова родовым имеет и текстовую мотивацию: «нередко заменяются более отвлеченными названиями имена предметов, событий, вызывающих отрицательное отношение, страх, опасение и другие неприятные чувства. Более подходящим оказывается гипероним <...>. Употребление гиперонима вместо гипонима в определенных условиях общения придает общению стилистическую, эмоциональную окраску, например, в комической ситуации придает повествованию юмористический оттенок» (Лысякова, 2004, с. 144). Ср., например: *Сегодня деньгу (в значении 'аванс') давали; купить цветы (в значении 'розы')*.

В просторечии при одиночном употреблении гипонимов субординация этих связей нарушается чаще. Отмечаются не только случаи замещения видового слова родовым, но и наоборот. Ср.: *Дочь в школу*

идет, надо денежку на всякие тетрадки (в значении ‘школьные принадлежности’) — или ср. замену одного видового слова другим: Я жила около реки, здесь приезжали (в значении ‘приплывали’) баржи с продуктами.

Нас интересуют ситуации **совместного** употребления гипонимов в речи, в пределах текстового фрагмента, а также условия расширения границ гипонимии в таких фрагментах. Под текстовым фрагментом понимается часть текста, которая является достаточной для решения поставленной в исследовании задачи.

Анализ фрагментов из художественных и публицистических текстов показывает, что слова могут реализовать гипонимическую связь с той или иной степенью адекватности системно-языковому образцу группы в зависимости от соположения гипонимов в текстовом фрагменте, а также от типового контекста их функционирования и других текстовых условий. Под соположением гипонимов понимается направление гипонимической связи, т. е. препозиция или постпозиция гиперонима как ведущего, организующего рассматриваемый вид связи, а также характер их совместного употребления (контактное или дистантное положение в тексте).

Реализация собственно гипонимической связи в тексте наблюдается обычно в том случае, если слово с родовым значением (Р), или гипероним, находится в препозиции, а слово с видовым значением (В), гипоним, — в постпозиции. Семантика родового слова конкретизируется, уточняется по линии «род — вид», при этом гипероним и видовые слова могут находиться как в контактном, так и в дистантном положении. Ср.: 1) *Раньше, когда у меня было жуткое настроение, я приходила домой и начинала готовить (Р): резать, жарить, тушить (АиФ*. Суперзвезды, 2004); 2) *Более 80% россиян делают домашние заготовки (Р). Квасят (В) капусту, солят (В) грибы, закатывают (В) банки с огурцами и помидорами, варят (В) варенье, припасают компоты, мочат (В) клюкву и яблоки (АиФ. 2007).**

В речи может наблюдаться ряд модификаций, связанных с использованием гипонимов: 1) неполная реализация состава гипонимической группы в речи; 2) функциональная синонимия — перекатегоризация, сближение гипонимов по синонимическому типу; 3) функциональная гипонимия, которая понимается как расширение состава гипонимов в речи, результат функциональных сближений слов по линии «род — вид».

---

* Название газеты «Аргументы и факты» приводим сокращенно.

1. Причина неполной реализации состава групп объясняется тем, что гипонимы, члены одной группы, употребляются в речи с разной степенью частотности. Так, в художественных и публицистических текстах, в обиходно-разговорной речи реже используются гипонимы из сферы пассивной лексики или лексики ограниченного употребления (термины, устаревшие слова, субстандартная лексика и др.). Например, из гипо-гипонимической группы с неоднословно выраженным родовым значением ‘воспринимать органами чувств (ощущать)’ в речи чаще употребляются гипонимы *видеть* и *слышать*, но реже — глаголы *осязать*, *обонять* как более специальная лексика. Последние слова обычно заменяются глаголами с более широкой семантикой — *ощущать*, *чувствовать*. Ср.: *Сливался и я с этим видимым, слышимым мною миром. Чем больше я подрастал? <...>, отчетливее видел и осязал предметы, чувствовал (Р) земные запахи (вм. *обонял*. — Е. К.), слышал земные голоса (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Детство)*. Или в группе гипонимов со значением ‘танцевать’ чаще используется сам гипероним как частотное слово и гипоним *вальсировать*, а другие члены этой группы, относящиеся к пассивной лексике, реже встречаются в текстах. Ср.: *полькировать*, *канканировать*, *твистовать*, *шейковать* (устаревшие слова), *рэповать*, *брейковать* (новые слова, функционирующие в основном в сфере молодежного жаргона).

2. Сближение гипонимов по синонимическому типу, или перекаатегоризация, переход гипонимов в текстовые синонимы в определенных условиях наблюдается обычно в нейтрализующих контекстах. Можно выделить три вида таких контекстов.

А. Соположение, типичное для реализации собственно гипонимической связи (гипероним в препозиции: Р–В), заменяется на обратное, а именно: сначала употребляется слово с видовым значением, а затем — слово с родовым значением (В–Р); ср.: *Но накануне первого съемочного дня в автокатастрофе разбился (В) его лучший друг. Причем погиб (Р) на машине, которую ему «выбил» сам Юматов (АиФ. 2006)*.

Б. В ряду контактно соположенных однородных членов предложения с отношениями перечисления (В-1, В-2, В-3...) или соединения (В-1 и В-2) также отмечается синонимизация гипонимов; ср.: *Швед, русский колет, рубит, режет...* (А. С. Пушкин. Полтава).

В. Иногда родовое слово может раскрывать значение гипонима в синтагматических связях; иначе говоря, такая родовая синтагма является текстовой дефиницией, поясняющей значение видового слова. Степень близости текстовой поясняющей синтагмы к словарной дефиниции гипонима может быть разной — в зависимости от степени

жесткости, вариативности того или иного типа текста (Степанова, 2006, с. 194–195). В более жестко организованных текстах документов такой прием практически не используется. В научных и публицистических текстах пояснение значения гипонима обычно ближе к его словарной дефиниции. Ср.: *Хазанов группует (В) (заголовок статьи — Е. К.). Почти вся семья знаменитого юмориста Геннадия Хазанова болеет (Р) гриппом (Жизнь. 2008)*. В вариативных, менее жестких текстах художественной литературы и в разговорной речи авторская мотивация имеет чаще интерпретационный, поясняющий, оценочный характер, особенно если гипоним — слово новое, тем более — окказиональное. Автор, реализуя метаязыковую функцию языка, мотивируя свой выбор, вынужден включать в текст, в том числе и публицистический, комментарии к его значению, поясняя через синонимическую синтагму с ближайшим родовым словом. Ср.: *Мы с Людой решили пройтись по местным магазинам. Шоппинговать (В) с охраной как-то неловко (Собеседник. 2004)*.

3. Гипонимические связи глаголов в тексте имеют двойственную мотивацию. Текстовая связанность глаголов с родовым и видовым значениями может опираться на парадигматику, на наличие гипонимических связей в системной организации лексики. Эти связи могут создаваться и в тексте, возникать как функциональное свойство у глаголов, не обладающих данными семантическими отношениями. При этом в условиях текста наблюдаются сближения глаголов, не являющихся гипонимами в языковой системе, по иерархическому типу включения.

Одним из основных условий возникновения у глаголов гипонимических связей, не отмечаемых в их значении, является соположение глаголов в номинационной цепочке текстовых фрагментов. В этом соположении глаголы с более широким значением, употребляемые в препозиции, приобретают функциональные свойства родового слова. Глаголы с более узкой семантикой, представленные в постпозиции, соответственно, приобретают свойства гипонимов, т. е. возникает возможность их толкования через слово, стоящее в препозиции. Это позволяет рассматривать соположенные таким образом глаголы как **функциональные гипонимы**.

Явление функциональной гипонимии устанавливается в общем плане внутритекстовой мотивированности связей слов и привлекает все большее внимание как один из аспектов анализа лексической структуры текста. Характер внутритекстовой мотивированности представляется многообразным и индивидуальным в своих проявлениях, которые далеко еще не установлены в полной мере. Сближение функ-

циональных гипонимов поддерживается такими текстовыми условиями, как наличие общей речевой ситуации, лексического окружения и типовой конструкции — предложений с отношениями однородности между членами номинативной цепочки.

В ходе анализа текстовых фрагментов был выявлен ряд источников функциональной гипонимии, среди которых особое место занимают ситуации сближения с гипонимами слов, связанных отношениями «совокупное действие — его элементы» у глаголов (ср. партитивные связи у существительных). Функциональная основа этих отношений создает почву для смешения с гипонимическими связями. Между тем те и другие виды семантических сближений слов можно рассматривать только как смежные виды отношений глагольных слов в тексте.

Совокупное действие, как правило, обозначают глаголы с широкой понятийной основой, такие как *делать*, *жить*, *существовать*, *трудиться*, *работать* и др., которые являются не родовыми словами в собственном смысле слова, а словами-понятиями, не соотносительными в функциональном отношении с соответствующими словами. Они способны включать в объем своего понятийного содержания, объединять как совокупность различные, порой противоположные, действия, сближение которых чаще всего не находит подтверждения в словарных толкованиях.

Смежность рассматриваемого вида отношений с гипонимическими связями может иметь своим следствием то, что при нейтрализации некоторых признаков отношение «совокупное действие — его элементы» может принимать вид функциональной гипонимии. Сказанное требует пояснения на конкретном языковом материале. В приведенном ниже текстовом фрагменте наблюдаются разные виды отношений между глаголами — элементами совокупного действия. Ср.: *Дайте мне допеть свою песню, а также дайте мне покушать, попить и погулять. Дайте почитать, пошататься, посмотреть, дайте пожить в Божьем мире* (Е. Попов Накануне накануне). Здесь ряд разнородных элементов совокупного действия объединяется глаголом с широкой семантикой 'жить' в рамках предложения с обобщающим словом при однородных членах, что характерно также для функционирования гипонимов в тексте, а элементы совокупного действия относятся к разным семантическим классам и ЛСГ глаголов — действия (*пошататься*, *покушать*, *попить*), восприятия (*посмотреть*), отношения (*погулять*).

Итак, гипонимические связи глагольных слов при определенной внутритекстовой мотивации могут являться основой для развития функциональной гипонимии как одного из видов семантических

сближений слов в тексте, некоторые источники которого были рассмотрены выше.

Анализ условий реализации гипонимических связей слов в речи показал, что функции гипонимов до сих пор не выявлены и не описаны в полном объеме. Гипонимы могут реализовать собственно гипонимические связи по линии «род — вид» в дифференцирующих и уточняющих контекстах, а также выступать в роли функциональных синонимов в нейтрализующих контекстах, что является свидетельством нежесткого характера границы между гипонимией и синонимией. Они во многом зависят от характера соположения слов с родовым и видовым значениями в текстовом фрагменте и от целого ряда других текстовых условий. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все условия расширения границ гипонимии или функционирования гипонимов в качестве текстовых синонимов. Однако семантическая отдаленность функциональных гипонимов не безгранична. В качестве ограничительного условия выступает обязательная их принадлежность к одному семантическому классу, к одной или смежным по семантике ЛСГ.

Литература

Еремин А. Н. Отношения гипонимии в литературном языке и просторечии // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. А. Манерко. — Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та им. С. А. Есенина, 2000. С. 171–175.

Лысякова М. В. Синтагматический потенциал русских синонимов и гипонимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2004. № 6. С. 143–150.

Степанова В. В. Слово в тексте: Из лекций по функциональной лексикологии. — СПб.: Наука; САГА, 2006.

И. Н. Смирнов (Санкт-Петербург)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ НЕКОНКРЕТНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Президента РФ (грант НШ-1335.2008.6, «Петербургская школа функциональной грамматики»)

В грамматической системе русского глагола центральное место занимает категория вида. Ни один русский глагол, ни одна глагольная форма не может не выражать значения вида.

Аспектуальные значения чрезвычайно разнообразны. Еще А. М. Пешковский отмечал, что «категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» (Пешковский, 1956, с. 105). В этом хрестоматийном определении подчеркивается роль грамматической категории в оформлении лексического значения глагольного слова. Как справедливо отмечает Н. Е. Сулименко, «семантическое пространство языка вообще и лексики, в частности, невозможно описать без учета различных способов грамматического единения этого пространства» (Сулименко, 2005, с. 124). Аспектуальные значения по самой своей природе являются средством такого единения.

Характер протекания действия и особенности его распределения во времени (выражаемые и лексически, и грамматически), сама возможность действия локализоваться в том или ином временном периоде могут оцениваться по разным критериям, что приводит к созданию многоуровневой классификации.

Мы будем придерживаться классификации, предложенной Ю. С. Масловым, который выделял на первом этапе анализа два типа аспектуальности: качественную и количественную (см.: Маслов, 1978, с. 4–44).

Качественная аспектуальность, охватывает такие семантические оппозиции, как 1) противопоставление процесса состоянию или статическому отношению; 2) противопоставление предельного действия действию неопредельному; 3) противопоставление действия, достигшего своего предела, действию, хотя и направленному к пределу, но рассматриваемому в той фазе, когда предел еще не достигнут.

В отличие от качественной количественная аспектуальность «характеризует действия и состояния по иным критериям, а именно: 1) по количеству “крат” или непрерывности / прерывности осуществления, 2) по степени длительности и 3) по степени интенсивности» (Маслов, 1978, с. 18).

По первому и наиболее важному критерию — по количеству «крат», кратности, — Ю. С. Маслов выделил в сфере количественной аспектуальности однократные (разовые, «монотемпоральные»), многократные (повторяющиеся, «политемпоральные») действия и состояния — с дальнейшими подразделениями в зависимости от ограниченности / неограниченности и регулярности / нерегулярности повторений; наконец, — постоянно наличные, всегда существующие состояния и отношения (типа *Земля вращается вокруг Солнца*).

С кратностью определенным образом комбинируется противопоставление конкретности / неконкретности действия, в рамках кото-

рого однократное действие выступает как локализованное в каком-то конкретном моменте или отрезке времени и тем самым как конкретное (*Я открыл окно; С кем она там разговаривает?*), а действие многократное либо локализуется и при этом сохраняет свою конкретность (ситуации ограниченной кратности *Мы встречались дважды*, суммарного действия *Он несколько раз выстрелил в воздух*, мультипликатив *Больной кашлял всю ночь*, дистрибутив *Лиса перетаскала всех цыплят*), либо не получает узкой локализации, не привязывается к одному определенному моменту и потому представляется более абстрактным (неограниченная кратность *По субботам мы ходим в бассейн*, обобщенность *Она хорошо говорит по-немецки; Цыплят по осени считают*). Оппозиция конкретности/неконкретности действия представлена в работах А. В. Бондарко и его учеников как семантическая категория временной локализованности/нелокализованности действия (см.: Бондарко, 1987; 1999; Смирнов, 2001).

Основными средствами выражения аспектуальных значений (в том числе и значений однократности/многократности, а также локализованности/нелокализованности), центром соответствующих функционально-семантических полей являются формы СВ и НСВ, реализующие в конкретных высказываниях свои частные значения. Ближайшую по отношению к центру периферию составляют особые лексико-грамматические разряды глаголов — способы действия. К плану выражения функционально-семантических полей кратности и локализованности/нелокализованности относятся также а) семантические классы глаголов, б) сочетающиеся с такими глаголами слова (и словосочетания), в лексическое значение которых входят признаки кратности и локализованности/нелокализованности, в) элементы контекста за пределами предложения, обеспечивающие однократное или многократное прочтение глагольной формы (см.: Храковский, 1989, с. 19).

Цель нашей работы — представить основные классы глаголов, лексическое значение которых несовместимо со значением конкретности действия (т. е. представить лексико-семантический способ выражения неконкретности действия).

Безусловно, значения конкретности и неконкретности глагольного действия могут иметь разные варианты. Под конкретностью мы в настоящей статье понимаем 1) способность глаголов НСВ выступать в конкретно-процессном (актуально-длительном — по терминологии Е. В. Падучевой (Падучева, 1996)) значении (действие конкретное, единичное, наблюдаемое, представленное в процессе осуществления; ситуация допускает вопрос *Что он сейчас делает?*); 2) способность глаголов СВ выступать в конкретно-фактическом значении (единич-

ное действие имеет строго определенную хронологическую точку осуществления: ситуация допускает вопросы *Когда?*; *В какой момент он это сделал/сделает?*). Следовательно, неконкретными являются глаголы, не способные употребляться в указанных значениях.

1. В конкретно-процессном значении не могут употребляться глаголы, называющие действия, не имеющие конкретной временной локализованности Речь идет о стативных, в терминологии З. Вендлера (см.: Vendler, 1967), глаголах, выражающих устойчивые (*любить, ревновать, верить, знать, надеяться, желать*) и обобщенные (*царствовать, странствовать, ретозействовать, голодать*) состояния. Не допускают актуального употребления глаголы отношения (*иметь, зависеть, содержать, стоить*). Не могут выступать в конкретно-процессном значении и глаголы многократного способа действия (*сиживать, хаживать, нашивать* и т. п.).

В классификации способов действия М. А. Шелякина (Шелякин, 2001) перечисленные выше глаголы представлены в иной терминологии: постоянно-наличные (*быть, облагать, весить, называться*); постоянно-узуальные (*учительствовать, модничать*); итеративные (*позванивать, расхаживать, переписываться*).

Не могут обозначать актуально-длительного действия глаголы НСВ моментального осуществления действия (*приходить, приносить*), глаголы неопределенного движения (*ходить, летать, бегать*) и некоторые др.

Список «запретных» для конкретно-процессного употребления глаголов можно продолжать достаточно долго. Ср., например, две пары глаголов: а) *слушать* и *слышать*, б) *смотреть* и *видеть*. В конкретно-процессном (актуально-длительном) значении могут быть употреблены только *слушать* и *смотреть*. Высказывания *Я слышу музыку, Я вижу друзей* не могут быть ответами на вопрос *Что ты сейчас делаешь?*

2. В конкретно-фактическом значении не могут употребляться многие глаголы СВ результативно-аннулирующего способа действия (*разлюбить, дисквалифицировать*; ср. невозможность высказываний типа **Он разлюбил ее вчера, *Его дисквалифицировали в пять часов вечера*).

Не сочетаются со значением конкретности глаголы специально-результативных способов действия: кумулятивные (*накупить, наловить*); дистрибутивно-суммарные глаголы (*перемыть всю посуду, перепилить все дрова*); тотальные, обозначающие крайнюю степень интенсивности действия (*изранить, вытоптать*); интенсивно-усилительные (*раскормить*); длительно-усилительные с приставкой

до- и постфиксом *-ся* (*дождаться, допроситься*); недостаточно-количественные с приставкой *недо-* (*недокормить, недоварить*); интенсивно-процессные с приставками *вы-* (*выпросить, выхлопотать*), *от-* (*отрепетировать*), *про-* (*прожарить, просушить*); чрезмерно-продолжительные с приставкой *за-* (*зачитать до дыр*); чрезмерно-количественные с приставкой *пере-* (*переплатить, пересолить*); осложненно-характеризующие с приставкой *вы-* (*выщупать пульс*); репродуктивные (повторительные) с приставкой *пере-*, обозначающие действия, направленные на изменение или повторение первичного результата (*переиздать, переделать*); перспективные глаголы с приставками *за-*, *пред-*, *под-*, обозначающие действия, направленные на результат, предназначенный для будущего использования (*запродать, заготовить, предрешить*).

В этот же список входят некоторые глаголы терминативно-временных разрядов: финитивные с приставкой *от-* (*отзаниматься, отшуметь, отстояться*); длительно-ограничительные с приставкой *про-* (*просидел два часа, прожить десять лет в деревне*); ограничительные с приставкой *по-* (*поспать, пожить, поработать*), а также протяженно-одноактные глаголы с префиксом *про-* (*прозвучать, прогрохотать*). Ср. также терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные глаголы: сативные (*нагуляться, намолчаться*); чрезмерно-кратные (*изволноваться, изголодаться*); чрезмерно-интенсивные (*убегаться, упиться, раскричаться*); финально-отрицательные (*догуляться до болезни, доиграться до ссоры*); чрезмерно-длительные (*заиграться, засидеться, задуматься*); сверхнормативные (*переспать, перегулять*).

Таковы основные группы глаголов, выражающих значение неконкретности действия в современном русском языке. Эта классификация может быть продолжена и по содержательному критерию (дальнейшая субкатегоризация) признака неконкретности, и по формальному критерию (анализ морфемно-характеризованных способов действия, выражающих значения неконкретности). Но это — тема другого специального (и более обширного) исследования.

Литература

Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Таксис. — Л., 1987. С. 210–233.

Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. — СПб., 1999.

Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. — Л., 1978. С. 4–44.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). — М., 1996.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956.

Смирнов И. Н. Категория временной локализованности действия в современном русском языке. — СПб., 2001.

Сулименко Н. Е. О некоторых лексических аспектах словарной грамматики // Функционально-лингвистические исследования 2005. — СПб, 2005. С. 123–128.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. — Л., 1989. — С. 5–53.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. — М., 2001.

Vendler Z. Linguistics in Philosophy. — Ithaca (NY), 1967.

М. Н. Приёмывшева (Санкт-Петербург)

ЕЩЕ РАЗ О БЕСКОНЕЧНОЙ СМЫСЛОВОЙ ВАЛЕНТНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

(к проблеме семантики жаргонного слова)

Важнейшим этапом в развитии семантики явилось использование формальных методов, позволивших структурировать содержание языкового знака. С одной стороны, структурный подход обусловил возможность создания обобщающих схематических построений в семантических исследованиях, с другой стороны, внимание к функциональной природе языкового знака даже в рамках формально-логического подхода породило сомнение в универсальности последнего. Так, преподавательская деятельность Л. Витгенштейна в деревенской школе, погружение в стихию народной нелитературной речи существенно изменили его взгляды на язык. Атомарный, формально-структурный философский подход к языку («Логико-философский трактат», 1921) меняется на прагматический («Философские исследования», 1929 г., впервые опубликованы в 1953 г.), позволивший ученому фактически всю разговорную речь, а не только некоторые ее фольклорные формы определить как «языковую игру». Аналогичным путем шел А. Ф. Лосев. Обращение ученого к языковому знаку привело его к некоторому уточнению логико-философской «аксиоматики» знака: «**Всякий специфический языковой знак как в силу своей зависимости от чистой мысли и от своей материально-природной данности, так и в силу своей оригинальности всегда необходимейшим образом оказывается заряженным бесконечными семантическими возможностями.** <...> Та-

кая бесконечная семантическая валентность языкового знака сама собой возникает из того, что он всегда есть акт мышления, а мышление бесконечно уже по одному тому, что оно есть отражение действительности, тоже всегда бесконечной и ничем не ограниченной» (Лосев, 1977, с. 8).

Очевидно, что слово как предмет теоретического изучения и описания, слово в словаре и слово в реальном речевом функционировании различаются именно потенциалом «смысловой валентности». Более того, этот потенциал увеличивается с учетом различных аспектов ситуации речевого общения. Если же мы переходим стилистическую границу литературной нормы, вариативность, асимметрия, многозначность, «бесконечная смысловая валентность» слова увеличивается во много-много раз.

Например, исследователь-самоучка «народной словесности» В. И. Симаков в 40-е гг. XX в. так писал о «народном слове»: «Все такие слова и выражения и понимаются не в том смысле, как они произнесены, а в переносном смысле, а именно так, как их хорошо привык понимать сам обыватель. К таким выражениям мы привыкли с детства и считаем все это обычным, и никто из нас друг друга не спрашивает, что то или другое речение значит. <...> Для приезжего иностранца, для человека мало знающего русский язык такие изгибы русского языка, такие странные переносы будут мало понятны или даже совсем не понятны. Таких выражений в русском языке не сотни, а целые тысячи <...>. А между тем, все эти явления являются повседневной живой речью великорусского народа и великорусского наречия» (Симаков, 1940, л. 286–287).

Исследователь обратил внимание на колоссальную синонимику обывательского образного просторечия. Например, глагол *украсть* в речи обывателей, воров, хулиганов, по записям исследователя, имеет около 230 синонимов (*сбагрить, сбондить, дядяхнуть, вычалить* и т. п.), глагол *выпить* — около 300 (*дербонуть, стукнуть, цапнуть, царпануть, хватить, дунуть, двинуть, херакнуть, приурезать, клюнуть, шарахнуть, пропустить* и т. д.), глагол *драться* — около 100 синонимичных слов и выражений (*кокошиться, колошмятиться, косаться, поцапаться, теребиться, погладиться, повалтузиться, сыграть на кулаках* и др.).

Специфическая мотивированность таких переносных значений порождает и своеобразную (региональную, функциональную) омонимию. Так, слово *гаврилка* в Тульской губернии, по записям В. Симакова, обозначало галстук, в Тверской — старую езжалую лошадь, а в

Москве — трамвай маршрута «Г». Заметим, что здесь речь идет не о диалектной специфике значений, так как слово общеупотребительное, а о широком спектре их мотивированности.

В жаргоне, как особой социальной разновидности речи, смысловой потенциал слова проявляется максимально ярко.

Сама природа этой стилистической и социальной языковой категории принципиально антинормативна: оппозиционность литературной норме, оппозиционность лексической системе литературного языка приводят к тому, что перед нами образцы употреблений слов, которые возникают с целью особого оригинального нестандартного выражения.

Неслучайно, что собственно русское название ранней воровской речи — *отверница* (от *отвернути*, *отвратити* (Востоков, 1858-2, ст. 69)), впервые зафиксированное в разговорнике Ричарда Джемса (Ларин, 2002, с. 282), обозначает «иноречие, иносказание, обиняк, намек» (Даль, 1955-II, с. 714).

То, что именно иносказательность, затемнение прямого смысла представляет собой основной пафос воровской речи, мы видим по ранним ее образцам, представленным в автобиографии В. Каина. В тексте «Истории... Ваньки Каина...» каждый раз, когда автор сознательно использует «свой язык» или сознательно противопоставляет свой перифраз обычному смыслу, используется синтаксическая пояснительная конструкция с союзом *то есть*: *сидит в гостях в холодной избе, то есть мертвый брошен в колодезь; я был пойман и приведен в светлицу, где те купцы пишут, то есть в контору; пришедшая от Камчатки старуха говорила: у Ивана в лавке по два гроша лапти, то есть нельзя ли из-под караула уйти* (История... 1785: 6, 24, 33). Из примеров видно, что говорящему важно не столько содержание речи, сколько ее форма, стремление сказать иначе, чем обычно.

Еще Д. С. Лихачев в работе «Черты первобытного примитивизма воровской речи» отмечал, что значения отдельных слов воровской речи определяются только их местом во фразе: «...воровской язык представляет редкий образец совершенно не стабилизированной и диффузной семантики...», «основное свойство воровской речи, облегчающее языковое творчество, создающее крайне благоприятные условия для импровизации слов, — это семантическая слабость и неустойчивость отдельных слов при относительной устойчивости “метафорической” интерпретации окружающего мира» (Лихачев, 1935, с. 70, 74). Заметим, что именно специфика ассоциаций (социально обусловленных, идеологических, иронических, фонетических, ситуа-

тивных и пр.) определяет многообразие «смысловых валентностей» воровского, и шире — любого жаргонного слова. Ср.: «Специфически языковой знак есть не только акт мысли, но и акт определенного понимания тех или других актов мысли, той или другой интерпретации акта мысли» (Лосев, 1977, с. 7).

На эту семантическую особенность воровского слова обращали внимание и неспециалисты. Ср., по наблюдениям заключенного Иркутской тюрьмы, слово *пришить* на воровском языке означает ‘убить’, однако *пришить к делу* уже значит ‘обвинить кого-л. попутно и сделать соучастником’, тогда как *пришиться* значит ‘пристать к компании’ (Ильин, 1912: л. 40 об.).

В этой связи показательны данные «Большого словаря русского жаргона» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной: «**ВОЛК**, -а, м. *Угол*. 1. Лошадь. 2. Профессиональный преступник. 3. Главарь группы карманных воров. 4. Рэкетир. 5. Водитель такси. 6. *также Лаг*. Независимый, физически сильный заключенный-одиночка, не связанный ни с какой группировкой в тюрьме, лагере. 7. Работник правоохранительных органов. 8. *также Авто*. Работник ГИБДД»; «**КАДЕТ**, -а, м. 1. *Шк*. Ученик кадетского класса — класса мужского воспитания. 2. *Студ., курс*. Курсант военного училища, школы милиции. 3. *Морск., курс*. Курсант, проходящий практику на зарубежном судне. 4. *Арм*. Офицер в подразделениях срочной службы. 5. *Угол. Ирон*. Неопытный, молодой сыщик, сотрудник уголовного розыска. 6. *Угол. Неодобр*. Осведомитель, доносчик. 7. *Угол*. Опытный вор» (Мокиенко, Никитина 2001: 104, 236).

Всякое слово (знак) литературного языка тяготеет к формально-содержательной асимметрии, однако можно утверждать, что в народной нелитературной речи, в жаргонах мы наблюдаем крайние формы асимметрии языкового знака: одним словом может быть выражено множество самых разных понятий, не связанных между собой, а одно понятие может быть выражено множеством различных слов.

Литература

- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. — М., 1958.
Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 75—320.
Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка: В 2 ч. — СПб., 1858.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1955.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2001.

Ильин П. П. Исследование жаргона преступников. — Иркутск, 1912. — Рукописный отдел БАН. Шифр 25.4.7. Л.99.

История славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. — [Б. м.], 1785.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.) // Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII вв. — СПб., 2002. — С. 177—510.

Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. III—IV. — М.; Л., 1935. — С. 47—100.

Лосев А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1977. № 1 — С. 3—8.

Симаков В. Заметки об условных и тайных языках и о языке профессиональном: Рукопись. — Отдел рукописей Института русского языка им. В. В. Виноградова. Ф.8. Ед.6.

IV. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВА И ТЕКСТА

С. Н. Цейтлин, Е. А. Офицерова (Санкт-Петербург)

ОСВОЕНИЕ РЕБЕНКОМ ПРАВИЛ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ
(проект 06-06-80349 а)

Антропоцентрический подход к анализу языковых явлений, одним из активных разработчиков которого является Н. Е. Сулименко (Сулименко, 2006; 2007), предполагает, помимо прочего, возможность рассмотрения процесса освоения ребенком родного языка как смены правил конструирования в процессе речи определенных словоформ¹. К постижению (точнее — к самостоятельному созданию) словоизменительной системы ребенок приходит постепенно, что отчетливо проявляется в изменении характера его словоизменительных инноваций. Наблюдения показывают, что речь каждого ребенка характеризуется «постоянством отклонений» (термин М. Граммона) от нормы и эти отклонения оказываются в значительной степени сходными у разных детей на определенных стадиях становления их индивидуальной языковой системы. Эта общность определяется единой для всех детей, осваивающих один и тот же язык, стратегией его освоения, предполагающей одинаковую этапность построения грамматической системы («до правил» → «с использованием частных правил» → «с ориентацией на единичные исключения»), а также особенностями организации грамматической системы данного языка, представленной в инпуте, являющемся источником речевых фактов и материалом для самостоятельно осуществляемых ребенком аналогий. На данном этапе раз-

---

¹ Мы не рассматриваем здесь вопроса о том, каким образом порождаются словоформы в процессе речи: извлекаются они в готовом виде из ментального лексикона или каждый раз конструируются заново по определенным правилам. Очевидно, в речевой деятельности возможны оба эти случая, но выбор одного из них определяется рядом причин, которые еще не до конца изучены. Данный вопрос активно обсуждается в современной литературе.

вития отечественной онтолингвистики особенную ценность для лингвистического изучения имеет фиксация речевого поведения одного ребенка, осуществляемая на достаточно протяженном в хронологическом аспекте этапе освоения родного языка.

Данная статья написана на материале изучения детских словоизменительных инноваций, полученных в результате наблюдений над речью Вити О., записи речевого поведения которого велись его матерью, являющейся одним из авторов данной статьи. При этом использовался как дневник, так и регулярно осуществляемые записи с помощью магнитофона и видеокамеры. Охвачен период с 2 лет 4 мес., когда у ребенка появились первые признаки самостоятельного словоизменения, до 4 лет. Эксперимент как способ сбора материала не использовался. Объектом анализа являлись не только высказывания, содержащие словоизменительные инновации, но и более широкий контекст (в особенности это относится к диалогам со взрослыми, зафиксированным в магнитофонных расшифровках). Это позволяет во многих случаях учесть воздействие естественного прайминга, проявляющегося в наличии другой формы того же слова или аналогичной формы другого слова. Анализ контекста позволяет учесть также наличие или отсутствие реакции взрослого на ошибку ребенка, что является существенным для целей нашего исследования.

Мы остановимся исключительно на ошибках¹, связанных с конструированием форм глагола. Мы не касаемся в данной статье ошибок в выборе самой формы, которые обычно связаны с неосвоенностью ее семантической функции, зависящей в свою очередь от уровня когнитивного развития ребенка. Так, например, ребенок мог использовать форму инфинитива для обозначения действий, осуществляемых им самим или кем-то другим в момент речи, использовать форму третьего лица вместо первого или второго — вместо первого. Достаточно широко распространены в речи данного ребенка, как и многих других детей его возраста, ошибки в выборе формы рода глагола при описании действий, относящихся к плану прошлого. Все названные выше ошибки можно отнести к разряду функциональных, ибо они свидетельствуют о недостаточном владении функциями тех или иных словоформ (в большинстве случаев — семантическими, а применительно к роду — структурными²). За ошибками конструирования словофор-

---

¹ Термин «ошибка» является несколько неестественным применительно к отступлениям от нормы в речи детей второго — третьего года жизни. Тем не менее мы будем его использовать, чтобы обеспечить единство терминологии применительно к нашему материалу.

² Мы придерживаемся разграничения семантических и структурных функций морфологических форм, предложенного А. В. Бондарко (см. Бондарко 2002).

мы можно закрепить название конструктивных (собственно словоизменительных). В качестве ошибок мы рассматриваем достаточно ощутимые нарушения языковых правил, не касаясь так называемых предпочтений, связанных с выбором одного из вариантов нормы, более уместного в конкретных условиях.

Мы рассмотрим последовательно следующие типы глагольных словоизменительных инноваций: не соответствующий норме переход от открытой глагольной основы к закрытой или обратно; унификация звукового облика основы (что бывает связано с устранением чередований гласных или согласных); образование аналитической формы глагола совершенного вида в будущем времени; мена личных глагольных окончаний (устранение вариантов спряжения).

Ошибки первого типа являются абсолютно преобладающими среди словоизменительных глагольных инноваций. Как известно, наиболее простым и наиболее распространенным в системе русского глагола является способ координации двух глагольных основ с помощью -J-. Правило, которое мы предлагаем называть правилом йотовой корреляции, заключается в том, что две глагольные основы различаются -J- и только -J-. При переходе от открытой основы к закрытой -J- прибавляется, при изменении вектора движения — устраняется (см. подробнее: Цейтлин, 2000). Этому правилу удовлетворяют все глаголы так называемого 1-го и 2-го классов (по классификации С. О. Карцевского и А. Н. Гвоздева), которые абсолютно преобладают в русском языке. Однако целый ряд достаточно частотных глаголов имеет парадигматику, хотя и основанную на механизме йотовой корреляции, однако предполагающую использование некоторых дополнительных способов разграничения основ, связанных с чередованиями, перемещением ударения и пр. Поскольку дети на ранних этапах освоения языка стремятся использовать наиболее системные, прототипические правила, конструируя глагольные формы самостоятельно, что требует перехода от одной основы к другой, они используют правило йотовой корреляции и в тех случаях, когда в языке взрослых может быть использовано более сложное правило. Детская словоизменительная инновация оказывается окказиональным вариантом к существующей в языке взрослых словоформе. В речи Вити, как и всех детей, очень велико число инноваций, связанных с использованием системного правила корреляции основ. Приведем примеры образования закрытой основы от открытой путем прибавления -J-. В речи Вити встречается *рисовой* вм. *рисуй*, *мый* вм. *мой*, *сняй* вм. *сними*, *достай* вм. *достань*, *отрезай* вм. *отрежь*, *жужжжает* вм. *жужжжит*, *держается* вм. *держится*, *подняй* вм. *подними* и *собрай* вм. *собери*. Достаточно много и

примеров образования открытой основы от закрытой путем отбрасывания -J-: *нарисул* вм. *нарисовал*, *поцелуть* вм. *поцеловать* и пр.

Витя на третьем году жизни уверенно пользуется и вторым правилом корреляции основ, регулирующим переход от закрытой основы к открытой — прибавления к закрытой основе гласной, чаще всего -И-: *снимить* вм. *снять* (2.05.00), почти в то же самое время встретилось и *снимуть*; *уколоться* вм. *уколоться* (2.07.23), *наколил* вм. *наколол* (2.08.09), *догонили* вм. *догнали* (3.07.04), *сожгил* вм. *сжег* (3.08.04).

Встречаются случаи отмены чередований согласной внутри основы. Так, он образует форму 3-го лица ед. числа глагола, не прибегая к чередованиям согласных, т. е. говорит о себе (в этот период он еще не употреблял форм 1-го лица): *Нога болит, не может* (вм. *не может*) *спать* (2.05.09). Любопытно, что, не пользуясь еще формой 1-го лица, он тем не менее именно на нее ориентируется при производстве данной формы (хотя не исключено и влияние формы 3-го лица множественного). В дневнике приводится наблюдение, сделанное в тот же день: «Сегодня днем произносил: “может”». Подобные случаи демонстрируют неустойчивость временной языковой системы ребенка на данном этапе.

Как и многие дети в его возрасте, Витя стремится к образованию форм будущего времени глагола совершенного вида аналитическим способом, т. е. говорит *нарисовать будет* (о себе) вм. *нарисует* — *Нарисовать будет Витюшик сам!* (2.05.09) — и в тот же день: *Раскрасить будет*.

В его речи встречаются случаи изменения типа спряжения глагола, проявляющегося в мене флексий -УТ/-ЮТ и -АТ/-ЯТ, что не очень характерно для других детей. Это обычно фиксируется в формах 3-го лица мн. числа, например: *угостют* вм. *угостят* (2.05.14). Подобная замена зарегистрирована и при изменении нерегулярного глагола *дать*, в данном случае отчетливо видно стремление к устранению несоответствия между флексиями 1-го и 2-го лица этого глагола и флексией 3-го лица во множественном числе, что привело к использованию формы *дадят* вм. *дадут* (3.10.11): *А Вите ее дадят?* (о лошадке-пони; после чтения стихотворения И. Токмаковой).

В отличие от многих сверстников Витя довольно рано начал употреблять причастия как в краткой, так и в полной форме, хотя при этом встречались случаи неверного выбора суффиксов, например: *остыный суп* вм. *остывший* (2.05.14).

Мать Вити, в отличие от многих других матерей, являясь филологом по образованию, была крайне внимательна к его речи, регулярно исправляла ошибки, указывая способ выражения. Это несомненно

способствовало прогрессу в освоении языка. Однако и в этом случае ребенок совершал множество ошибок, что лишний раз доказывает, что построение языковой системы каждым ребенком — процесс творческий, ребенок продвигается вперед, используя метод проб и ошибок. Обилие речевых ошибок на ранних стадиях освоения языка свидетельствует о креативном характере формирующейся языковой личности.

Поскольку стратегия освоения грамматической системы является универсальной, то отсутствие или, напротив, наличие «индивидуальных» ошибок может свидетельствовать (1) об отсутствии данных морфологических форм во временной языковой системе ребенка на данном этапе ее развития (так, например, Витя, в отличие от большинства детей, рано начал употреблять причастия разного типа — в речи других детей таких форм просто нет); (2) о специфичности реакции на ошибки со стороны взрослого (с одной стороны, то, что мать постоянно фиксировала внимание ребенка на ошибке, сыграло свою роль, поскольку развивало его языковую рефлексивность, повышало контроль за своей речью; с другой стороны, это отразилось и в тщательности фиксации ошибок — они не ускользали от ее внимания); (3) об особенностях порождения речи, характерных именно для данного ребенка. Они связаны прежде всего с характером организации ментального лексикона ребенка на определенном этапе его становления, т. е. с тем, состоит ли он из целостных словоформ, извлекаемых по мере необходимости, или из набора производящих основ и словоизменительных аффиксов, позволяющих конструировать формы в процессе программирования высказывания.

Важно отметить и то, что все ошибки в принципе прогнозируемы, поскольку определяются особенностями осваиваемой языковой системы (главным образом — иерархичностью организации грамматических правил), а также закономерностью их освоения.

Успехи антропоцентрической лингвистики, выявляющей общее и индивидуальное как в процессах освоения языка человеком, так и в особенностях функционирования индивидуальных языковых систем при порождении и восприятии речи, позволяют надеяться на серьезное продвижение в данной области, однако пространство неизвестного и неизученного в этой сфере еще чрезвычайно велико. Работы Н. Е. Сулименко, которая одной из первых вступила на этот путь, занимаясь разными проблемами антропоцентрической лингвистики, включая и освоение ребенком родного языка, являются чрезвычайно важным подспорьем для всех, кто по этому пути решает идти.

Литература

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. — М., 2002.

Сулименко Н. Е. Современный русский язык: Слово в курсе лексикологии. — М., 2006.

Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа. — СПб., 2007.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. — М., 2000.

Н. В. Гагарина (Берлин)

СИНЕРГЕТИКА И САМООРГАНИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В последние годы в лингвистике и других науках все больше внимания уделяется связи человека и его речи с самоорганизующимися элементами различных систем. Так, например, рассматриваются процессы самоорганизации лексической структуры текстов (Сулименко, 2008), описывается конструирование грамматики родного языка посредством организации отдельных высказываний в систему (Tomasello 2003), анализируется самоорганизация глагольных форм в детской речи под влиянием инпута (Гагарина, в печати). Данные исследования согласуются с нашими знаниями о самоорганизации сложных неравновесных динамических систем, каковыми являются и человек, и его язык. В этом контексте можно рассматривать и «синергетические мотивы встроенности человека в универсум», которые «организуют лексическую структуру текстов» (Сулименко, 2008, с. 130) и могут оказывать воздействие на становление категорий усваиваемого языка. При этом «основные синергетические идеи (единство человека и универсума, самоорганизации, взаимоперехода порядка и хаоса, отбора эволюции и др.) обнаруживаются в способах лексического структурирования текста, языковой концептуализации общественных явлений» (там же, с. 129–130) и в более ранних процессах структурирования различных аспектов инпута при усвоении детьми родного языка.

Самоорганизация языковых процессов и категорий, поиск образцов правил, по которым осуществляется функционирование языковых элементов, являются базовыми механизмами в ходе усвоения детьми грамматики родного языка (ср.: «Self-organization refers to a broad range of pattern-formation processes in both physical and biological systems ...» (Self-Organization in Biological Systems 2001: 3)). Изучение

этих процессов «самоорганизации и возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы» (Данилов, Кадомцев, 1983) составляет основу **синергетики** — научного направления, к которому в последние годы обращаются не только исследователи точных наук (математики, физики и т. д.), но и гуманитарии (философы, историки, лингвисты). Более того, со времени основания синергетики Германом Хакеном (Hermann Haken), немецким физиком-теоретиком и издателем шпрингеровской почти семидесятитомной серии книг по синергетике, основные ее положения стали использоваться не только в науке, например в теологии, медицине, психологии, антропологии и т. д., но и в общественной и культурной жизни общества: «...Петер Корнинг применяет биологические процессы *синергетики* к социальным проблемам, <...> Ханс-Юрген Айкмайер считает восприятие лингвистических текстов *синергетическим процессом*, <...> Илья Романович Пригожин, физик и химик, получает за свою работу, связанную с проблемами *синергетики*, в 1977 г. Нобелевскую премию, <...> преподаватели йоги говорят об особенностях синергетической йоги, <...> экономисты называют район Берлина-Бранденбурга в Германии *экономическим районом синергетик*, <...> министерство по социальным вопросам открывает в городе Райхельсхайм (Германия. — Н. Г.) *Академию синергетической социальной работы*, <...> Роджер Вальш полагает, что чем меньше синергетики находится в человеческом обществе, тем сильнее будут проявляться в нем конфликты, <...> министр окружающей среды Германии привлекает внимание на конференции 2005 года к *синергетике обновляющихся энергий*, <...> Бото Штраус отмечает важность религиозной толерантности и *синергетики востока-запада*, <...> наконец, некоторые люди носят фамилию *Синергиус*» (Khammas 2007; курсив мой. — Н. Г.).

Вернемся, однако, к детской речи и к анализу стратегии формирования грамматических категорий глагола. Нам представляется, что одной из определяющих стратегий, которые использует ребенок при освоении категорий глагола, является ступенчатая самоорганизация глагольных форм. Это ступенчатая организация протекает примерно в течение пяти — шести месяцев с момента появления первого глагола следующим образом: (а) возникают единичные формы, которые начинают объединяться в (б) группы форм (например, инфинитив и неинфинитив), выстраивающиеся в свою очередь в (в) ряды форм, которые характеризуются ослабеванием связей с конкретной лексемой и организуются далее в (г) группы рядов, а уже из последних выкристаллизовывается (д) объединенная система форм и их значений (то есть грамматическая категория).

Представим данный процесс категоризации на примере категории лица. Допустим, в речи ребенка появились три единичные формы *читает, спат, дат* — это ступень (а). Далее к этим формам добавляются глаголы *пишет, пишу*, которые образуют ступень (б). На этой ступени, как нам кажется, происходит объединение форм в две группы: инфинитив (*спат, дат*) и не-инфинитив (*читает, пишет, пишу*). Затем в речи ребенка появляется еще больше форм, например, *строит, читаю*, что позволяет говорить о дальнейшей самоорганизации этих элементов (с одной стороны, *читает, пишет, строит* и *пишу, читаю*, то есть формы 1-го и 3-го лица, а с другой — парадигмы глагола *пишет, пишу* и *читает, читаю*) внутри группы не-инфинитива, что соответствует ступени (в). Дальнейшее увеличение количества однородных форм, в нашем случае форм 1-го и 3-го лица, ведет к выстраиванию рядов этих форм лица, что соответствует ступени (г). При последующем нарастании количества разнообразных форм лица и их употреблении в различных контекстах (и в различных функциях) возникает категория лица (ступень д). Такое возрастание количества форм и их употребление в различных контекстах естественным образом может быть сопоставимо с развитием глагольной продуктивности, зачатки которой появляются при объединении единичных форм в группы. Развитие продуктивности, как мы полагаем, происходит параллельно с формированием рядов однородных форм, их объединением в систему и «выходом» этой системы на более абстрактный уровень.

Подчеркнем еще раз, что при обсуждении вопроса об организации форм в противопоставленные ряды важно принимать во внимание увеличение количества этих форм и неразрывно связанное с этим процессом развитие продуктивности. Сопоставление продуктивности с количеством находит отражение и в многочисленных работах зарубежных исследователей по детской речи, в которых устанавливается число глаголов (см., например: Brown, Hanlon, 1970; Choi, 1991; Pizzuto, Caselli, 1994; Shirai, 1998; Gathercole, Sebastian, Soto 1999; Shirai, Miyata 2006). Показательно в этой связи замечание В. В. Виноградова: «Представителями Женевской лингвистической школы очень остроумно было замечено, что в грамматике понятие “мертвого”, непродуктивного почти отождествляется с понятием “считаемого”, обнимаемого числом. То, что может быть сочтено, — непродуктивно. <...> Напротив, то, что живо, — продуктивно, не подлежит числовому обозначению и выражению в грамматике» (Виноградов, 1947, с. 36).

Организация форм лица в категорию лица (сюда же примыкает и число) характеризуется двухступенчатостью. Данные спонтанной детской речи показывают, что дети вначале осваивают формы 3-го и 1-го лица, а далее строят из них оппозитивный ряд форм (привативная оппозиция, не существующая в нормативном языке), которые можно назвать продуктивными и организованными в раннюю детскую грамматическую систему. Позже к этому ряду достраиваются формы 2-го лица, которые постепенно «выводят» категорию лица к конвенциональному наполнению формами всех трех лиц. Причиной раннего (по сравнению с формами 1-го и 2-го лица) усвоения форм 3-го лица может являться их немаркированный характер, высокая частотность в инпуте, а также особенности ранних стадий онтогенеза, когда дети преимущественно вербализуют события, происходящие вокруг них (о немаркированных формах см.: Пупынин, 1996; 1998). Категория числа в глагольных формах настоящего и будущего времени неразрывно связана с категорией лица. Так как мы полагаем, что при формировании глагольных оппозиций лицо является «ведущим», а число — «ведомым» членом в этой связке, категория числа не может рассматриваться как самостоятельно усваиваемая категория в формах лица.

Первые личные формы глаголов характеризуются еще сильной связанностью с конкретной лексемой, но уже являются «строительным материалом», одним из базовых элементов становления полноценных граммем, дальнейшая самоорганизация которых ведет к развитию продуктивности в употреблении глагольных словоформ и к становлению грамматических категорий.

В основе поступательного движения при усвоении глагольных форм родного языка находятся процессы самоорганизации, процессы, которые и составляют **синергетику**.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. — М: Учпедгиз, 1947.

Гагарина Н. В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. — СПб.: Наука (в печати).

Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация. — М: Наука, 1983.

Пупынин Ю. А. Усвоение системы русских глагольных форм (ранние этапы) // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 84–95.

Пупынин Ю. А. Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания. 1998. № 2. Р. 102–117.

Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа. — М.: Флинта; Наука, 2008.

Brown R., Hanlon C. Derivational Complexity and Order of Acquisition in Child Speech // Cognition and the Development of language. — New York: Wiley, 1970.

Choi S. Early Acquisition of Epistemic Meanings in Korean: a Study of Sentence-Ending Suffixes in the Spontaneous Speech of Three Children // First Language. 1991. Vol. 11. P. 93–119.

Gathercole V. C., Sebastian E., Soto P. The Early Acquisition of Spanish Verbal Morphology: Across-the-Board or Piecemeal Knowledge? // International Journal of Bilingualism. 1999. Vol. 3. P. 133–182.

Khammas A. (2007). Das Buch der Synergie [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.buch-der-synergie.de>.

Pizzuto E., Caselli M. C. The Acquisition of Italian Verb Morphology in a Cross-Linguistic Perspective // Other Children, Other Languages. — Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1994.

Self-Organization in Biological Systems / S. Camazine, J.-L. Deneubourg, N. R. Franks, J. Sneyd, G. Theraulaz & E. Bonabeau. — Princetown: Princetown University Press, 2001.

Shirai Y. The Emergence of Tense-Aspect Morphology in Japanese: Universal Predisposition // First Language. 1998. Vol. 18. P. 281–309.

Shirai Y., Miyata S. Does Past Tense Marking Indicate the Acquisition of the Concept of Temporal Displacement in Children's Cognitive Development? // First Language. — 2006. — Vol. 26. — P. 45–66.

Tomasello M. Constructing a Language. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Е. В. Любичева (Санкт-Петербург)

ОТ ТЕХНОЛОГИЙ К МЕТОДИКЕ СЛОВЕСНОСТИ

В наш язык вложена целая мифология.

Л. Витгенштейн

Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, то уничтожится возможность жизни.

Л. Толстой

Наиболее впечатляющая часть современного школьного языкового (и шире — филологического) образования — это его отрицание (не гегелевское!), негатив, ниспровержение, поиск новых путей и тупиков: бунт против культуры, против разума, против личности, поклонение Абсурду, апофеоз рационализирующего мышления, «неизящной словесности»...

И что же в результате? Происходит обнищание души при обогащении информацией. Десятки имен, создающих многомерное поле

культуры, для сегодняшнего школьника не значат ничего. «Дом бытия» (М. Хайдеггер) теперь больше похож на «каменоломню», где из осколков языка монтируются трудно обозримые (без признаков системности) коллажи (Марков, 1995, с. 105). «Храм языка», «дом духа и пространство мысли» (Ю. С. Степанов) рушится под воздействием не только СМИ и компьютеризации, но и педагогического технократизма. «Образ мира в слове явленный» (Б. Пастернак) становится иносказанием, а высокая литература уходит в стиль ретро. Но когда человек расстается с культурой, на смену ей приходит цивилизация со всеми ее *анти*-. По-видимому, нашим «новаторам» от образования, фетишизирующим ценности технократического (алгоритмического, тестового, структурного...) подхода, нужно подумать о божественной мере. «Ничего сверх меры», — было написано на Дельфийском храме. Шанс на выживание в пустыне технообразования минимален. И еще. Очень мягкий (и суровый) упрек в сторону «новаторов» — от А. Ф. Лосева: «Нельзя ведь забывать того, что слово рождается наверху лестницы существ, входящих в живое бытие, и что человеком проделывается огромная эволюция, прежде чем он сумеет разумно произнести осмысленное слово. Проанализировать слово до конца — значит вскрыть всю систему категорий, которой работает человеческий ум. <...> Вот почему всякое значение и всякая наука есть не что иное как знание и наука не только в словах, но и о словах. Выше слова нет на земле вещи более осмысленной. Дойти до слова и значит дойти до смысла» (Лосев, 1990, с. 161). Весь физический мир, согласно концепции А. Ф. Лосева, есть слово и «словесность», ибо он нечто значит и он есть нечто понимаемое. Необходимо признать универсальность словесно-смысловой выраженности... Слово становится именем, когда оно принимает особое значение — символическое, персонифицированное, личностное. «В слове и в особенности в имени — все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени — встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» (там же, с. 33).

Итак, ответ получен: в школьном изучении слово не может рассматриваться как некий случайный знак. В настоящее время необходим другой подход, предполагающий отношение к слову как средству и результату культурной деятельности, некоторой духовной субстанции, идущей во многом от гумбольдтовской традиции. В лингвистике эти традиции активно разрабатываются (Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Ю. Н. Караулов, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк и др.), в современной методике они только обо-

значены. Целостная концепция культурологического аспекта изучения языка (слова), принципиально меняющая представление о содержании и целях языкового образования, позволяет, во-первых, преодолеть противоестественный разрыв «язык — культура — личность», во-вторых, процесс развития языковых способностей рассматривать как процесс духовного и культурного воссоздания мира посредством слова и как процесс сознания (и самосознания). В современном обществе оказалась нарушена связь слова и вещи, слова и личности, и, следовательно, в школьной методике слово девальвировано, лишено внутренней формы, своей изначальной духовной природы. И если тезис о том, что «слово отражает мир» может звучать как «мир дан нам в слове», то этот мир, заключенный в рамках скудного словарного запаса, выглядит крайне убогим. Усугубляют ситуацию и современные средства общения: телефонные SMS, интернетовский e-mail, факс и др. Короткое и часто примитивное SMS, написанное на некоем подобии пиджина, смеси английских и русских слов, оказывается для школьников универсальным средством общения. Но диалог, по мысли М. М. Бахтина, является коренной формой понимания личности и сутью гуманитарного мышления: «Диалогическое проникновение обязательно в филологии (ведь без него невозможно никакое понимание): оно раскрывает новые смысловые моменты в слове, которые, будучи раскрыты диалогическим путем, затем овеществляются». (Бахтин, 1975, с. 98). Таким образом, именно диалог (а не сообщение как некое одностороннее событие) определяет все бытие человека. Инструментами такого диалога выступают слова, атрибуты «языка чувств», метафорические и символические способы обозначения рассматриваемых фактов и явлений. Особое место в данном диалоге занимает текст, который, по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, представляет собой «событие и лингвистическое, и семиотическое, и коммуникативное, и культурологическое, и когнитивное, и т. д.» (Кубрякова, 1994, с. 23); он требует ответного текста и дальнейших интерпретаций (Сулименко, 2007, с. 5). Таким образом, текст вообще и художественный, в частности, обладает сложной природой. Сложность заключается в том, что это создание человеческого разума и языка одновременно, целая вселенная со своими законами. Языковая ткань художественного текста рождает метасмыслы и метасредства, через которые открывается огромный культурологический материал. Художественное (точнее — поэтическое) слово (образ, символ) уходит от концепта, понятия, обычной логики. В стихах поэтов — трагика и патетика, лиризм и космизм, миг вечности и вечность мига. «Стихи — то мгновение бытия, которое, попав в поэтическое слово, и не теряет своего жи-

вого протекающего характера, и вместе навеки останавливается в своем живом протекании, так что читающий “надстраивает” свою короткую жизнь “мигом вечности”, увеличивая ее до необозримости» (Мильдон, 1992, с. 221). Раскрыть и прокомментировать смысл (образа или символа) можно только с помощью другого смысла (символа или образа); «растворить его в понятиях невозможно» (Бахтин, 1979, с. 362).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод: «Слово», написанное с заглавной буквы, с которого начало все быть — это не просто языковая единица, а стоящая за ней мысль, «Логос», опыт, знания, культурная память... Слово включается в открытое пространство культуры, в интертекстуальные связи и рождает новые смыслы (Сулименко, 2007, с. 15), а текст — это культурно-смысловое пространство, фрагмент картины мира, индивидуальный «речевой организм» (Р. Барт), в котором отражены особенности индивидуального сознания и мышления; текст — это поле проекции и интерпретации, диалогическое единство.

Но как вернуть современного школьника к слову и тексту, воспитать в нем талантливого читателя? Как предотвратить эмоциональную невосприимчивость к слову и развить эстетический вкус? Как научить ребенка видеть «за словом — то, что внесловно» (Х. Борхес), за словарями — не буквари, а миры, в которых мы живем, за текстом — «событие»?

Магистральное направление методики — это движение к герменевтике. А это уже не изучение разрозненных единиц языка, это философия и культурология языка, ориентированные на проблемы смыслообразования, миропредставления и понимания текстов — как вербальных, так и невербальных.

Средой герменевтического опыта является язык, который создает единство субъективного и объективного, но субъективность (вариативность) интерпретации сдерживается объективными компонентами текста и тезаурусом читателя. Итак: по-нять и при-нять. Понять слово, фразу, текст, человека...; сделать отсюда выводы.

С точки зрения герменевтики, понимание текста принципиально диалогично. Диалогический характер интерпретации обусловлен тем, что за каждым текстом стоит личность его создателя, и, следовательно, интерпретация сказанного требует раскрытия культурно-исторического контекста, системы кодов, отраженных языком текста. Интерпретируя текст и осмысливая функцию включений, читатель обращает внимание на значение, на роль включения в композицию всего текста, устанавливает источник цитаты, сопоставляет ее форму

и смысл в прецедентном и принимающем тексте, сравнивает контексты, оценивает иностилевые и иножанровые включения и многое другое (И. В. Арнольд, Н. С. Болотнова, В. В. Виноградов, Ю. Н. Караулов и др.). Методологическим конструктом такого анализа выступает рефлексия, которая есть регулятор «правильности» (= социальной адекватности) хода диалога между читателем и писателем. Ценность рефлексии очень значительна: размышляя над своими впечатлениями, школьник лучше осмысляет, впитывает в себя и, наконец, запоминает: «Рефлексия обращена на себя, а интерпретация — на собеседника» (Арнольд, 1999, с. 406).

Путь от восприятия, интерпретации к пониманию очень не простой. «Читатель не только “читает” писателя, но и творит вместе с ним» (Виноградов, 1971, с. 8). Эффективность «сотворчества» зависит от подготовленности читателя, его общей филологической культуры, которая определяется информационно-культурологическим тезаурусом читателя, его способности видеть, прочитывать и понимать различные сигналы, исходящие из текста и стимулирующие речемыслительную активность школьника. Система различных сигналов отражена, по мысли Н. С. Болотновой, в системе кодов: языковых, предметных, сюжетно-композиционных, эмотивных, образно-культурологических, коммуникативных и эстетических (Болотнова, 2002, с. 139). Необходимо научить школьников овладевать самими кодами. Их поиск и составляет, на наш взгляд, основу интерпретационной деятельности, а методы интерпретации текста, следовательно, имеют большое значение в преподавании словесности. В силу ограниченности объема статьи только их перечислим: метод ключевых слов, образующих тематическую сетку текста; описание сильной позиции, т. е. заглавия, эпиграфа, начала и конца текста в их связях с содержанием, темой и идеей произведения; работа над различными типами выдвижения (повтор, контраст, обманутое ожидание, сцепление, конвергенция); анализ ассоциатов, стимулированных ключевыми словами; работа над интертекстуальными включениями и др.

К сожалению, современная методика обучения языку никак не резонирует с герменевтикой: «Оборвалась нить истории, прошлое уничтожено или забыто» (Ясперс, 1991, с. 116). Герменевтика, где Вы? Остается технологизм — всепоглощающий и опустошающий. Образовательные технологии. Социально и личностно ориентированные технологии. Технология поведенческая... «Все для человека — для его компьютерного инобытия» (Марков, 1995, с. 189). Алгоритмы, контрольно измерительные материалы, тесты, программы...

Пора вернуться «на круги своя», обуздать патологически раздутую энергию рации, задавившую энергию любви. А, как известно, филология — это буквально «любовь к слову». Хотя «новаторы» от педагогики отодвинули филологию на далекую периферию, остается надежда вернуть утраченное. В лоне технократизации образования еще сохранились живые связи, и эти «чистые родники» находятся в языке (слове), но не там, где протекают коммуникативные и информационные процессы. Сегодня школьнику, как никогда, нужен язык в его иных функциях и ликах — как миропонимание, как смыслообразующий принцип, как «речь», «речение», «сказание», «текст». И не стоит забывать: язык не просто существует — он порождается в произведениях художников Слова.

Литература

- Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П. Е. Бухаркин. — СПб, 1999.
- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- Болотнова Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте: поиск ключей к эстетическому коду // Слово. Семантика. Текст. — СПб., 2002.
- Виноградов В. В.* О теории художественной речи. — М., 1971.
- Кубрякова Е. С.* Текст и его понимание // Русский текст. СПб., 1994. № 1.
- Лосев А. Ф.* Философия имени. — М., 1990.
- Марков В.* Мир человека и человек в мире (Антропоморфный универсум). — Рига, 1995.
- Мильдон В.* Бесконечность мгновения: Национальное в художественном сознании. — М., 1992.
- Сулименко Н. Е.* Текст и аспекты его лексического анализа. — СПб., 2007.
- Ясперс К.* Смысл и познание истории. — М., 1991.

Р. М. Теремова (Санкт-Петербург)

ИНТЕРАКТИВНОЕ ПОЛЕ УЧЕБНИКА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Развитие современной методики преподавания русского языка как иностранного в русле антропоцентрической парадигмы, актуализируя такие области методического знания, где непосредственно проявляется диалектика взаимоотношений коммуникантов, формируется межкультурное сознание инофонов, во многом способствовало разработке концептуальных и лингвометодических параметров учебника нового

поколения, характеризующегося ориентацией на формирование вторичной языковой личности иностранных учащихся и построенного на коммуникативно-интерактивной основе.

Накопленный на кафедре интенсивного обучения русскому языку как иностранному РГПУ им. А. И. Герцена опыт создания интерактивного учебного комплекса по русскому языку как иностранному («Päivää! Вы говорите по-русски?», «В России — по-русски!», «Окно в мир русской речи», «Ваше свободное время», «Актуальный разговор: чем живет человек», «Приглашение к путешествию: пригороды Санкт-Петербурга. Ленинградская область», «Традиции в России: вчера, сегодня, завтра», «Познаем русскую культуру») позволяет очертить интерактивное поле учебника (ИПУ) в целом.

Концептуальным стержнем ИПУ является принцип интерактивности, рассматриваемый в двух ипостасях: как направленность, воздействие автора (адресанта) на обучаемых (адресата) с целью формирования в них черт вторичной языковой личности и как опосредованное воздействие адресата на адресанта, проявляющееся в учете автором национально-культурных особенностей обучаемых, пресуппозиционного фонда знаний, уровня владения русским языком и культурологическими знаниями о стране изучаемого языка.

Данная диалектика взаимодействия реализуется в вымышленном, виртуальном мире пространства учебника через взаимоотношения персонажей, вступающих в активную межкультурную коммуникацию. Моделируя ситуации, максимально приближенные к реальности, автор эксплицирует приобщение героев учебника к новой — российской — действительности, культуре, процесс их вторичной социализации.

Иностранные учащиеся «входят в роль» персонажей учебника, как бы отождествляют, идентифицируют себя с соответствующими героями, что в конечном итоге позволяет автору воздействовать на них, формируя черты вторичной языковой личности.

Важнейшей составляющей теории учебника, позволяющей уточнить содержательную (информативную) сторону интерактивного поля учебника, является осмысление его в когнитивно-коммуникативном аспекте.

Обучение русскому языку как иностранному в русле диалога культур и межкультурной коммуникации, в первую очередь, обусловило необходимость расширения у иностранных учащихся представлений о русской национальной языковой картине мира, которая включает в себя как универсальные черты, общие для всего человечества, так и культурно-специфические, присущие только определенной этнической группе — русскому народу (А. А. Леонтьев). О значимости

картины мира для обучения иностранному языку свидетельствует, например, утверждение ряда исследователей (А. Г. Баранов, Т. С. Щербина и др.) о преимуществе познавательного аспекта в овладении языком в сравнении с языковым.

Являясь моделью реального мира, учебник раскрывает перед инофонами новую для них, русскую, картину мира, в которой, несомненно, взаимодействуют общечеловеческое, национальное и личностное. Картина мира, широко представленная в серии учебников нового поколения, является продуктом познавательной деятельности автора, совокупностью приобретенных им знаний о мире и в то же время источником информации, знаний о действительности, которые должны быть усвоены обучаемыми. И в этом смысле речь может идти о когнитивной функции учебника. Иностранцы учащиеся познают отраженную в учебнике картину мира, и в процессе этого познания происходит формирование в их сознании картины мира, свойственной носителям изучаемого языка как представителям определенного социума, расширение их социокультурного пространства.

Ориентация учебника на самые разные фрагменты картины мира обеспечивает полноту содержательного пространства учебника, столь многообразное и разностороннее тематическое его наполнение, что речь может идти об энциклопедическом характере представленных в нем знаний.

В учебнике строго выдержана определенная модель тематической организации: самодостаточность разрабатываемых тем, последовательная, сориентированная на логику мысли и логику подачи материала внутритемная градация. Например, в теме «Я хочу понять русских» выделяются такие подтемы, как «Русская душа — это...», «Русский национальный характер? Прежде всего — духовность», «Самое главное в русском характере — чувства, эмоции. Так ли это?», «Широта русского характера и ее истоки», «Итак, что же такое русский характер? Истории из жизни», «Этот противоречивый русский характер», «Новое время в России. Новые черты характера?».

Русская языковая картина мира аккумулирует в себе национально-культурный опыт русскоязычной общности и на уровне представлений о самых обыденных явлениях материального мира, и на уровне объектов духовной культуры, что, естественно, обуславливает иерархию различных областей знаний как в учебнике, во всех его составляющих, так и в серии учебников, каждый из которых сориентирован на определенную сферу деятельности: семейно-бытовую, социально-бытовую, социокультурную, учебно-профессиональную, социально-политическую и др. Так, «Окно в мир русской речи» сориентировано

на темы, относящиеся к семейно-бытовой и социально-бытовой сферам, «Актуальный разговор: чем живет человек» — на темы социокультурного характера, «Традиции в России: вчера, сегодня, завтра» предполагает ознакомление иностранных учащихся с исторически выработанными традициями, отражающими специфику восприятия окружающего мира и менталитет русского народа.

Большое значение при этом приобретает сопоставительный, контрастный подход, позволяющий обнаружить и проанализировать общность и различие в картинах мира разных социумов.

Безусловно, стратегия отбора, дифференциации и интеграции тем учитывает также профессиональные запросы, потребности, интересы обучаемых, уровень владения русским языком и знание русской культуры, этнокультурные особенности представителей разных лингвокультурных общностей.

Системное, целостное отображение в учебнике национальной языковой картины мира достигается преимущественно с помощью вербальных форм (учебных текстов), что не исключает также и использования невербальных средств коммуникации.

Весьма значимой для интерактивной организации учебника является насыщенность его текстами, представляющими собой форму интерактивной коммуникации и с позиций современной лингвистики термилируемые как дискурс. Дискурс в учебнике по русскому языку как иностранному целесообразно рассматривать как текст, фиксирующий процесс межличностного взаимодействия персонажей учебника, с учетом излагаемых событий, ситуаций общения, характеристик коммуникантов. Именно вербализация речевых партий героев учебника определяет контуры и структуру дискурсов, типология которых, выстраиваясь в порядке определенной иерархии (диалогический (инвариантная структура), игровой и монологический), в свою очередь, может быть подвергнута дальнейшей дифференциации, с выделением подтипов, жанровых разновидностей и пр.

Большие возможности для реализации в учебнике интерактивного подхода предоставляет графостилистическое оформление учебника, элементы которого весьма условно можно разделить на языковые (повтор, подхват, перебив, парцелляция и др.) и параграфические (знаки препинания: дефис, тире, многоточие; шрифты различной величины и конфигурации, графическая стилизация и др.). Они актуализируют обращенность автора к обучаемым, способствуют прояснению авторской интенции, имитируют особенности устной разговорной речи и тем самым создают эффект реальности описываемой ситуации, подчеркивают ту или иную мысль. Уместно вспомнить в связи с этим,

что, по свидетельству Л. Гинзбург (Записные книжки. Воспоминания. Эссе), Л. В. Щерба характеризовал тире и курсивы как добавочные средства выражения мысли.

Интерактивная концепция учебника по русскому языку как иностранному нового поколения в определенной мере прогнозирует современные пути и перспективы развития учебниковедения в целом и дает импульс к дальнейшим поискам в данной области знания.

А. И. Дунев (Санкт-Петербург)

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ: ПРАКТИКА ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Любой школьник знает, что такое орфографическая ошибка. Но на рубеже XX–XXI вв. происходит «смещение» этого понятия, изменение отношения к нему как в общественной, так и в педагогической среде и даже использование орфографических ошибок в коммерческих целях. Представление об орфографической ошибке в сознании обывателя обростает заблуждениями. В этой статье сделана попытка выявить изменения в объеме понятия «орфографическая ошибка» и связать их с типичными заблуждениями в представлении современного носителя русского языка.

Орфографическая ошибка традиционно понимается как ненормативное написание слова, противоречащее установленному правилу, например: *безшабашный*, *он пишит*, *ветрянная мельница*, *нехочу* и т. п.

Орфографическая ошибка возможна только на месте орфограммы, поэтому она непременно носит системный характер, то есть является повторяющейся. Ср.: *Человеку свойственно ошибаться* и *Человеку свойствина аш^{bi}/еба^{na}/тся* (в первом предложении подчеркнуты орфограммы, а во второй — орфографические ошибки).

Ошибка возникает вследствие отсутствия орфографической зоркости и неверного лингвистического рассуждения. Особый случай — орфографическая гиперкорректность (от англ. *hypercorrection* < гр. *hyper* ‘сверх’ + лат. *correctus* ‘исправленный’). Она проявляется в чрезмерном стремлении к правильности, из-за которого пишущий применяет не соответствующее данному случаю правило, неверную аналогию и в силу этого выбирает неправильное написание (*красовки (вм. *кроссовки*) < *красивый*, *спортакиада (вм. *спартакиада*) < *спорт*).

Наряду с пунктуационными, орфографические ошибки являются нарушением норм письменной речи. Квалификация какого-либо написания как ошибочного нередко зависит от динамики орфографической нормы, от того или иного этапа развития русской орфографии. Так, слово *идти* до 1956 г. писалось не с сочетанием букв «дт», а с «тт» (*итти*). Почти в каждом орфографическом правиле имеются исключения, которые, однако, не противоречат нормам, например: *В корне слова после «Ц» пишется «И»*. Вопреки правилу пишутся: *цыган, цыпленок, на цыпочках, цыкнуть, цыц*.

Подвижность понятия «орфографическая ошибка» связана с изменениями, происходящими в обществе и в педагогической общественности. В начале XXI в. наступает период орфографической раскрепощенности. Орфографические ошибки становятся частотны и привычны не только в рукописном, но и в печатном тексте газет, журналов и даже законодательных документов.

Оценка орфографической ошибки как социального явления XX в. дана в метком, образном высказывании известной актрисы: «Я плохо училась в гимназии, писала с ошибками. И сейчас боюсь, что Вы найдете орфографические ошибки. А ведь это позор, как клоп на манишке» (из письма Ф. Г. Раневской В. А. Герасимовой. 20.01.1960). Ошибаться при написании слов перестало быть стыдно. Проще предложить изменить написание или объяснить ошибку как прием.

Введение Единого государственного экзамена как единственно возможной в России формы итоговой аттестации выпускников общеобразовательной школы значительно пошатнуло приоритет орфографии в преподавании русского языка. Орфографическая грамотность текста оценивается в 2 балла из 20. Если выпускник допускает 2 ошибки, то за орфографическую грамотность не получает ни одного балла, но не получает ни одного и в том случае, если делает 22. Тестовые задания по орфографии проверяют иные умения, связанные с выбором буквы, а не с процессом написания текста. В глазах учеников значение практической грамотности при написании текста превратилось в незначимый критерий оценки знаний и умений по русскому языку. И если орфографическая правильность ценится так невысоко, то, значит, и писать неправильно нестыдно.

Новый век предлагает новые ориентиры в письменной речи. Рассуждения современных школьников об орфографии напоминают комические для XX в. мысли одного из персонажей повести А. Г. Алексина «Саша и Шура»: *Какая разница — писать ли «моршрут» или «маршрут», «велосипед» или «виласипед»? От этого ведь велосипед мотоциклом не становится. Важно только, чтобы все было по-*

нятно. А какая там буква в середине стоит — «а» или «о», — это, по-моему, совершенно безразлично. И зачем только люди сами себе жизнь портят? Когда-нибудь они, конечно, додумаются и отменяют сразу все грамматические правила.

Расширение орфографической вариативности также способствовало изменению отношения к орфографической норме. В 1999 г. в «Русском орфографическом словаре» под редакцией В. В. Лопатина появился список слов, изменивших написание (Русский орфографический словарь, 1999). Это было время, когда авторы словаря могли изменить написания отдельных слов, считая, что принятые до этого нормы были неверны. Опубликованный в 2000 г. Проект нового орфографического свода (Свод правил... 2000) не нашел народной поддержки и не был принят научной и педагогической общественностью. Однако как результат обсуждения возможных изменений в русской орфографии возник устойчивый миф, что сейчас можно писать, как хочешь, даже *парашют* через *у*, и подобные написания не являются ошибкой. В 2006 г. вышли в свет «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В. В. Лопатина. В этой книге иначе, чем в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г., интерпретируются многие правила и написания. Так, справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» предлагает в официальных названиях органов власти и учреждений с прописной буквы писать только первое слово: *Государственная дума, Генеральная прокуратура РФ, Государственный совет, Центральный дом художника* (Правила... 2006, с. 182–183), в то время как в ранее изданных справочниках было рекомендовано писать все слова с прописной: *Государственная Дума, Центральный Дом художника* (Розенталь, 1994, с. 26).

Таким образом, при сравнении орфографических справочников становится очевидна динамика орфографической нормы. Если орфографические изменения в начале XX в. привели к запрету написаний XIX в., то изменения в орфографии XXI в. происходят часто без упразднения норм второй половины XX в.

Традиционно мнение о том, что ошибка не может привести к изменению нормы. Следствием появления буквы «а» в названии закона «Об оперативно-*ра*зыскной деятельности» стало то, что такое написание соседствовало с написанием *розыскной* в одном и том же тексте. В СМИ прозвучало предложение прокуратуры вывести слово *розыскной* из списка исключений и писать букву «а» в приставке в соответствии с правилом. Слово *розыскной* закрепилось в написании с «о» в приставке в 30-е годы XX в. и сохранялось как нормативное до орфографического казуса в законе. В 2005 г. «Русский орфографический

словарь» официально ввел новое написание *разыскной* (для устранения не оговоренного в своде 1956 г. исключения из правила написания приставки *роз-/раз-*).

Как отторжение орфографической нормы в Интернет-коммуникации появилась тенденция намеренно писать неправильно. Общаясь в чатах, люди специально нарушают орфографические правила, чтобы подчеркнуть неформальность общения. Закономерным проявлением неприятия орфографической правильности стал «язык пафоса» — явление с ярко выраженной идеей социального протеста.

Нередко орфографическую ошибку в коммерческом тексте, в названии продукта, в рекламе не оценивают как досадное недоразумение, а пытаются представить как отличительную черту товара, объяснить своеобразным креативным ходом.

Намеренные ненормативные написания могут служить художественным приемом, средством воздействия на адресата. Так, в рекламном тексте орфографическая ошибка часто используется для имитации неграмотной речи (например, реклама пельменей: *Очень фкусно!!!*), в названиях ненормативное написание служит средством привлечения внимания (например, *Ауки**В**Ion* — название рок-группы или *РЕНОМЭ* — название магазина по продаже автомобилей «Рено»).

Следствием изменений представления о правописании стала устойчивая тенденция смешивать понятия орфографической и грамматической ошибки: если в первом случае следует иметь в виду неправильно написанное слово, то во втором — неверно образованную форму или некорректно построенную синтаксическую конструкцию, например: написание слова *плащ-палатка* не через дефис, а слитно или раздельно — это орфографическая ошибка, а склонение первой части этого слова (*прийти в *плаще-палатке*) — грамматическая. При этом орфографическая ошибка может быть следствием грамматической: например, при употреблении в письменной речи просторечных форм типа *будущий*, *подскользнуться* или при смешении форм *вырастешь* (сам) и *вырастишь* (что-то).

Все, что написано неправильно, считают орфографической ошибкой — и это еще одно заблуждение. Ошибки орфографические необходимо отличать от несистемных и не имеющих соотнесенности с орфограммами, т. е. от графических и дисграфических ошибок, опечаток и описок. Графическая ошибка — это, как правило, нарушение в начертании букв (например, «п» вместо «и»). Дисграфическая ошибка — пропуск буквы, написание лишних букв, не соответствующих звуковому облику слова, замена одной буквы на другую (*колышек*, *пошечина*). Опечатки и описки возникают случайно и не связаны с орфо-

граммами: например, написания *кампьютер* или *компьютор* содержат орфографические ошибки, а *коипьютер* — это явная опечатка или описка.

Считается, что слово должно иметь только одно написание — нормативное, все остальные являются ошибочными. В современной русской орфографии это не так. Не являются орфографическими ошибками написания, имеющие зафиксированные в современных орфографических словарях варианты: *фортепиано* и *фортепяно*; *китч* и *кич*; *риелтор*, *риэлтор*, *риэлтер* и *риелтер*. Как правило, орфографическая вариативность проявляется при написании заимствованных слов, относительно недавно вошедших в русский язык.

«Доказывать, что грамотность наших школьников сильно понизилась, — значило бы ломиться в открытую дверь. Это обнаруживается на приемных экзаменах в высшие учебные заведения и техникумы, <...> при обследованиях школ, и вообще везде, где приходится наблюдать людей, обучавшихся письму в последнее время. Не надо, конечно, думать, что в прежнее время по этой части все обстояло благополучно; вопрос о поднятии грамотности всегда стоял на очереди. Но надо откровенно признать, что сейчас этот вопрос приобрел совершенно необычную остроту и что вопли о недопустимой безграмотности питомцев нашей школы отнюдь не преувеличены», — писал Л. В. Щерба в статье «Безграмотность и ее причины» в 1927 г. (Щерба 1957: 56). Под этой цитатой можно подписаться и через 80 лет. Овладеть правописанием помогают сформированная мотивация и верные представления о современной письменной речи.

Литература

- Правила русской орфографии и пунктуации. 2-изд. — М., 1957.
Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006.
Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. — М., 1994.
Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина. — М., 1999.
Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина. — М., 2005.
Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект. — М., 2000.
Щерба Л. В. Безграмотность и ее причины // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. С. 56–62.

**ДИССЕРТАЦИИ,
ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРОФЕССОРА
НАДЕЖДЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ СУЛИМЕНКО**

КАНДИДАТСКИЕ

1. *Аладьина Ольга Ивановна*. Функциональные свойства ЛСГ глаголов чувства в их текстовой перспективе (на материале художественной и научной речи): 10.02.01 / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. — Л., 1988.

2. *Нефедова Нина Александровна*. Textoобразующие функции относительных прилагательных (на материале романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»): 10.02.01 / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. — Л., 1988.

3. *Пономарева Зинаида Николаевна*. Типы лексических значений и видовые характеристики глагола (на материале ЛСГ глаголов мышления): 10.02.01 / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. — Л., 1988.

4. *Беляева Нина Ивановна*. Содержательные универсалии художественного текста в их лексическом представлении: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — Л., 1999.

5. *Хохлов Александр Викторович*. Лексическое значение глагола в коммуникативном аспекте (на материале прозы В. М. Шукшина): 10.02.01 / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. — Л., 1990.

6. *Вирячева Светлана Геннадьевна*. Межчастеречные лексические парадигмы в художественном тексте: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1991.

7. *Миронова Наталья Анатольевна*. Лексический аспект дополнительной валентности в семантической характеристике качественных прилагательных: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1992.

8. *Свиридова Ирина Ивановна*. Лексическое представление бытийности в художественном тексте: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1992.

9. *Беликова Наталья Николаевна*. Функционирование некодифицированной лексики в тексте: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1992.

10. *Томашевская Ксения Всеволодовна*. Лексическая интерпретация экономической темы в современных публицистических и учебно-научных текстах: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1993.

11. *Ушакова Светлана Викторовна*. Тип синтаксически обусловленного значения глагольного слова: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1993.

12. *Клименко Татьяна Ивановна*. Виды семантических отношений в системе имен прилагательных (на материале «Русского семантического словаря» и словарей эпитетов): 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1995

13. *Прокофьева Виктория Юрьевна*. Элементы морфологической картины мира в лексической структуре текстов Вяч. Иванова: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1996.

14. *Бабурин Марина Анатольевна*. Концепт «Муза» и его ассоциативное поле в русской поэзии Серебряного века: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1998.

15. *Суховой Елена Алексеевна*. Лексические средства адресации в газетных текстах переписки с читателем: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1999.

16. *Богданова Елена Юрьевна*. Лексические приметы дискурса власти и дискурса личности в произведениях С. Довлатова: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2001.

17. *Тараненко Ирина Ваерьевна*. Лексическое представление социокультурного пространства в жанре антиутопии: 10.02.01 / Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г. В. Плеханова (технический университет). — СПб., 2001.

18. *Беспалова Ольга Евгеньевна*. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в её лексическом представлении: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2002.

19. *Залогина Елена Матвеевна*. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты (на материале романы «Бесы» и «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского): 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2004.

20. *Маршина Мария Владимировна*. Лексическая экспликация концептуальной системы Ф. И. Тютчева: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2004.

21. *Бердникова Екатерина Вадимовна*. Лексическая лакунарность в аспекте межкультурной коммуникации: 10.02.19 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2006.

22. *Березина Наталья Владимировна*. Хронотоп ранней прозы М. А. Булгакова: лексический аспект: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2006.

23. *Сьянова Елена Ивановна*. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья): 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2007.

ДОКТОРСКИЕ

24. *Пиотровская Лариса Александровна*. Лингвистическая природа эмоциональных высказываний (на материале русского и чешского языков): 10.02.01; 10.02.03 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1995.

25. *Трипольская Татьяна Александровна*. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 1999.

26. *Томашевская Ксения Всеволодовна*. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении: 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2000.

27. *Прокофьева Виктория Юрьевна*. Русский поэтический локус в его лексическом представлении (на материале поэзии «серебряного века»): 10.02.01 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — СПб., 2004.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ профессора Надежды Евгеньевны Сулименко

1. К семантической характеристике качественных и относительных прилагательных // Программа и тез. докл. к VII науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зонального объединения кафедр рус. яз. пед. ин-тов. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1965. С. 95–97.
2. Качественные прилагательные с фразеологически и лексически связанными значениями // XIX Герценовские чтения: Филологические науки: Программа конф., тез. докл. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1966. С. 29–30.
3. Стилистические ошибки и пути их устранения: Пособие для учителей. — М.; Л.: Просвещение, 1966.
4. О типе лексически связанного значения // Программа и краткое содержание докл. X науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зонального объединения кафедр рус. яз. пед. ин-тов. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1968. С. 117–119.
5. Свободно-номинативное значение и его отражение в словопроизводственном ряду // XXII Герценовские чтения: Филологические науки: Программа конф., тез. докл. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. С. 39–41.
6. Типы лексических значений и обусловленные ими стилистические функции качественных прилагательных в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Труды по русскому языку. — Л., 1969. С. 231–259. (Учен. зап. Лeningr. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена; т. 324).
7. Об особенностях ораторской речи В. И. Ленина // Русский язык в школе. 1970. № 2. С. 28–31.
8. Точность словоупотребления в практической стилистике (из опыта проведения занятий) // XII науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зонального объединения кафедр рус. яз. пед. ин-тов. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970. С. 165–167.
9. К уточнению признаков фразеологически связанного значения // XXV Герценовские чтения: Филологические науки: Программа конф., тез. докл. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1972. С. 43–45.
10. Экспрессивно-синонимическое значение в кругу смежных явлений // Краткое содержание докл. XIV науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зонального объединения кафедр рус. яз. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1972. С. 125–126.
11. Свободно-номинативное значение слова и контекст // Языковые единицы и контекст. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. С. 64–73.
12. Методическая разработка к курсу стилистики русского языка / Сост. В. В. Степанова, Н. Е. Сулименко, И. С. Куликова / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1974. С. 17–25.
13. Из опыта проведения лабораторных занятий по лексикологии // Преподавание русского языка в педагогическом институте. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. С. 53–65.
14. К лексико-семантической характеристике разрядов имен прилагательных // XV науч.-метод. конф. Сев.-Зап. зонального объединения кафедр рус. яз. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. С. 139–142.

15. Дериwационные отношения в лексико-семантической характеристике слов // Языковые значения. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. С. 42–49.
16. К проведению лабораторных занятий по лексикологии на литературном факультете // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 99–103.
17. Односоставные предложения // Грамматико-стилистические упражнения. — М.: Просвещение, 1976. С. 33–42.
18. Прямая, косвенная и несобственно прямая речь // Грамматико-стилистические упражнения. — М.: Просвещение, 1976. С. 86–94.
19. Система стилистических понятий и их отражение в школьном учебнике // Преподавание стилистики русского языка в педагогических институтах РСФСР: Материалы республиканского совещания-семинара. — Липецк, 1976. С. 105–111.
20. Дериwационные связи в семантической характеристике качественных прилагательных // XX Герценовские чтения: Лингвистика. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. С. 14–19.
21. Многозначные слова (в плане семантической типологии) // Слово как предмет изучения. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. С. 29–36.
22. Сборник упражнений по современному русскому языку / Под ред. С. Г. Ильенко. — Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1977. С. 13–31 (раздел «Лексика»).
23. О критериях однотипности речевых недочетов // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку: Пособие для учителей. — М.: Просвещение, 1978. С. 82–88.
24. К вопросу о стилистическом анализе // Трудности преподавания русского языка в школе. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1979. С. 61–69.
25. Методическая разработка к практикуму «Лингвистический анализ текста» / Сост. В. В. Степанова, Н. Е. Сулименко. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1979.
26. Семантика прилагательного в аспекте развития речи учащихся // Лингвистические основы аспекта школьной программы «Развитие речи». — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1979. — С. 54–62.
27. Общие вопросы семантической типологии слов одного лексико-грамматического класса // Глагол в лексической системе русского языка. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1981. С. 32–58.
28. Семантическая типология признаковwых слов в современном русском языке / Сост. Н. Е. Сулименко. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1981.
29. Типы языковой семантики в системе имен прилагательных (соотносительно с глаголом) // Глагол в лексической системе русского языка. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1981. С. 9–32.
30. Ассоциативно-дериwационные связи // Лексико-семантические связи слов в русском языке. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. С. 12–19.
31. Парадигматический аспект типологии лексических значений // Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. — Вологда, 1983. С. 3–16.
32. Синтагматический аспект типологии лексических значений признаковwых слов // Сочетаемость русских слов как лингвистическая и методическая проблема: Тез. докл. Всесоюз. конф. — М., 1983. С. 264–265.

33. Текстовые функции относительных прилагательных и глаголов // Аспекты и приемы анализа текста художественного произведения. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1983. С. 94–114.

34. Распад полисемии у глаголов и прилагательных в аспекте типологии их лексических значений // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1984. № 1. С. 48–54.

35. Тип лексического значения как семантическая категория // Семантические категории и методы их исследования: Тез. сообщ. на Всесоюз. конф. — Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1985. С. 82–83.

36. Типы лексических значений глагола в аспекте лексико-синтаксической координации // Проблемы лексико-синтаксической координации. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. С. 117–126.

37. Методические указания и учебные задания к практикуму по лингвистическому анализу текста: В 2 ч. / Сост. И. С. Куликова, Н. Е. Сулименко. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986 (ч. 1, темы I–V; ч. 2, темы VI–IX).

38. О функциональной отмеченности, узуальной и окказиональной реализации типов лексических значений // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. С. 87–96.

39. Способы толкования имен прилагательных в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1986. С. 45–53.

40. О соотношении стилистических и эстетических качеств слова в тексте // Семантические и эстетические модификации слов в тексте. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 10–27.

41. Семантическая деривация в деятельности-речевом аспекте // Деривация в речевой деятельности: Тез. Всесоюз. науч.-теорет. конф. — Пермь, 1988. С. 156–157.

42. Семантические основы текстового слова: Метод. разработка и материалы к спецкурсу / Сост. Н. Е. Сулименко. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988.

43. Текстовые парадигмы в их отношении к языковым // Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. кафедр рус. яз. вузов Урала. — Свердловск, 1988. С. 158–160.

44. Гнездо дескриптора в коммуникативной перспективе текста // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур (Текст. Коммуникация. Перевод). — Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 1989. С. 87–90.

45. Становление идиолекта ребенка // Детская речь: проблемы и наблюдения. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. С. 46–53.

46. Становление идиолекта ребенка // Развитие речи детей и обучение языкам: Тез. выступлений на научном совещании / АН СССР, Ин-т языкознания; Шауляйский пед. ин-т. — М., 1989. С. 115–117.

47. Глагольное слово в представлении звуковой картины мира // Глагол в системе языка и речевой деятельности: Материалы науч. лингвист. конф. — Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1990. С. 17–18.

48. К вопросу об основах семантизации имен прилагательных // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка: Тез. докл.: ЛО ИЯ АН СССР. — Л., 1990. С. 96–97.

49. Лексические предпосылки свертывания текстовой информации // Проблемы исследования слова в художественном тексте. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990. С. 17–26.
50. Методические рекомендации к самостоятельной работе студентов заочного отделения факультета русского языка и литературы по современному русскому языку: Лексика и фразеология / Сост. Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк, Н. Л. Шубина. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990.
51. Парадигма относительных прилагательных свободно-номинативного значения // Типы языковых парадигм. — Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1990. С. 41–48.
52. Фактор адресата и содержательная структура текста прозы // Художественный текст: проблемы изучения: Материалы Всесоюз. совещания-семинара. — М., 1990. С. 61.
53. Лексическая экспликация диалогичности монолога // Изучение творческого наследия Г. О. Винокура: Региональная науч. конф.: Тез. докл. — Киев, 1991. Ч. I. С. 133–135.
54. Педагогические аспекты лингвистической прагматики // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц / Ин-т языкознания АН СССР. — М., 1991. С. 191.
55. Фрагмент тезауруса и тематическая сетка текста // Лексическая семантика: Сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ин-т. — Свердловск, 1991. С. 11–23.
56. Ядерно-периферийное строение лексической системы как предпосылка коммуникации // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии: Республиканская межвуз. конф.: Тез. докл. — Новгород, 1991. Ч. I. С. 138–141.
57. Год в речевом развитии ребенка // Детская речь: лингвистический аспект. — Л.: Образование, 1992. С. 15–23.
58. Лексическая структура высказывания и его коммуникативная перспектива // Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникации: Тез. докл. респ. науч. конф. — Омск, 1992. Ч. I: Теория высказывания. Прагматические категории и прагматические типы высказываний. Семантические категории и семантические типы высказываний. С. 48–49.
59. Семантические проявления фактора адресата // Языковые значения. — Череповец, 1992. С. 42–48.
60. Текстовое слово в представлении звуковой картины мира // Функциональная семантика слова. — Свердловск, 1992. С. 4–14.
61. Знания о мире в процессе формирования лексикона ребенка // Ребенок в современном мире: Мир ребенка и его язык: Междунар. конф. — СПб., 1993. С. 50–52.
62. Лексическая экспликация диалогичности монолога // Функциональная семантика слова: Межвуз. сб. науч. тр. — Екатеринбург, 1993. С. 5–12.
63. Некоторые лексические явления в когнитивном освещении // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. — Тверь, 1993. С. 48–49.
64. Антропоцентрические аспекты изучения лексики: Учебное пособие к спецкурсу. — СПб.: Образование, 1994.
65. О некоторых тенденциях в изучении современной русской лексикологии // III Междунар. конф. «Лексикология и лексикография в преподавании русского

языка как иностранного», Берлин, Языковой центр ун-та Гумбольдта. — Берлин, 1994. С. 3–13.

66. От трёх до пяти: о путях формирования языковой личности ребенка // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1994. С. 6–15.

67. Современный русский язык: Сборник заданий и упражнений / Сост. И. С. Куликова, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк и др. — СПб.: Образование, 1994. С. 18–48 (раздел «Лексика»).

68. Композиционно-лексический уровень организации художественного текста // Лингвистические чтения к 100-летию со дня рождения Н. П. Гринковой. — СПб., 1995. С. 17–19.

69. Лексические аспекты языковой картины мира // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тез. междунар. конф. — М., 1995. Т. II. С. 486.

70. О некоторых общенаучных предпосылках анализа лексической структуры текста // Лингвистика на исходе XX века: Междунар. конф.: Тез. докл. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

71. Основы лексического учения о слове в трудах акад. В. В. Виноградова // Междунар. юбилейная сессия, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова: Тез. докл. — М., 1995. С. 45–46.

72. Субкатегориальные семы в характеристике типа лексического значения глагола // Вопросы филологии. — СПб., 1995. Вып. I. С. 51–61.

73. Тексты школьного учебника для начальных классов по русскому языку как источник лексикологической информации // Языковое образование и воспитание языковой личности в вузе и школе. — СПб., 1995. С. 8–10.

74. Ассоциативная структура загадки в учебном тексте для младших школьников // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. — Тверь, 1996. С. 142–143.

75. Ассоциативные связи фразеологизма и слова // Фразеологизм и слово в системе языка. — Новгород, 1996. С. 188–190.

76. Лексика в процессах текстопорождения // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1996. С. 6–16.

77. Лексика и фразеология // Современный русский язык: Программа для студентов III–IV курсов филфака. — СПб., 1996. С. 8–13.

78. Лексическое представление измененного состояния сознания // Фразеологизм и слово: Памяти проф. В. П. Жукова. — Новгород, 1996. С. 222–230.

79. Лингвокогнитивные стратегии в преодолении мифологического сознания // Общество, язык и личность: Материалы Всерос. конф. — М., 1996. Вып. I. С. 53–55.

80. О типах лексических значений имен прилагательных // *Das Adjektiv im Russischen: Geschichte, Struktur und Funktion (Beiträge zur Slavistik. Bd. XXIX)*. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. S. 297–308.

81. Психологические аспекты общения и семантические связи слов в тексте // Проблемы лингвистической семантики. — Череповец, 1996. С. 80–90.

82. Слово в его отношениях со средой // Проблемы языкового образования и воспитания языковой личности. — СПб., 1996. С. 107–109.

83. Еще раз о текстуальной обусловленности лексического значения // Герценовские чтения, посвящ. 200-летию РГПУ им. А. И. Герцена (СПб., 23–25 апреля 1997). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1997. С. 29–31.

84. Методическая разработка к практическим занятиям по курсу «Лексикология современного русского языка» для студентов филологического факультета / Сост. К. П. Сидоренко, Е. Е. Силантьев, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997.

85. Новая лексика в ассоциативно-вербальной сети // Новые слова и словари новых слов. — СПб., 1997. С. 43–54.

86. О континуальности слова // Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. и сообщ. Междунар. конф. — Екатеринбург: Изд. УрГУ, 1997. С. 24–25.

87. Семантические примитивы в ассоциативно-вербальной сети // Актуальные проблемы функциональной лексикологии: Сб. ст., посвящ. 75-летию доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка В. В. Степановой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 1997. С. 57–63.

88. Стилистика и прагматика // Стилистика и прагматика. — Пермь, 1997. С. 7–8.

89. Актуальные проблемы курса лексикологии и аспекты лексического анализа текста // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе. — М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН; Пензен. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 1998. — С. 196–198.

90. Некоторые лексические явления в зеркале синергетики // Тенденции развития языкового и литературного образования в школе и вузе: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 22–23 апреля 1998 г. — СПб.: Сударыня, 1998. С. 189–191.

91. Слово в аспекте знаний о мире // Языковая компетенция (грамматика и словарь). — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1998. — Ч. I: Семантико-прагматический потенциал слова и языковая компетенция говорящих. С. 5–11.

92. Фрагменты наивной картины мира по данным неологического словаря // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь проф. Сакмары Георгиевны Ильенко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 226–234.

93. Экстралингвистические признаки слова (словарный и текстовый аспект) // Текст как объект многоаспектного исследования. — СПб.; Ставрополь, 1998. С. 11–18.

94. Картина мира в синергетике и ее текстовые проекции // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1999. С. 275–285.

95. Мир хаоса и порядка в его преломлении лексической структурой текста // Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». — СПб.; Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 1999. Вып. 4: Текст: Узоры ковра. С. 14–19.

96. Некоторые текстовые аспекты лингвосинергетики // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: Материалы междунар. конф. — Екатеринбург, 1999. С. 40–42.

97. Уровни психической активности сознания как неравновесные системы в их текстовом обнаружении // Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». — СПб.;

Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 1999. Вып. 4: Текст: Узоры ковра. С. 123–128.

98. Еще раз о лингвосинергетике: лексический аспект // Проблемы теории и практики изучения русского языка: Межвуз. сб. науч. трудов. — Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 21–25.

99. Ментальность современника в ее текстовом воплощении (лексический аспект) // *Linguodidactika*. — Białystok, 2000. — Zeszit IV. S. 127–134.

100. О судьбах этноса и слова на грани тысячелетий // Проблемы интерпретационной лингвистики. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2000. С. 5–14.

101. Об одном из аспектов семантического анализа лексики // Язык. Функции. Жизнь: Сб. статей в честь проф. Александра Владимировича Бондарко / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб., 2000. С. 151–159.

102. Текстовые проекции некоторых явлений речемыслительной синергетики // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста: Материалы межвуз. конф. 17–18 февраля 2000 г. — Соликамск, 2000. С. 158–161.

103. К методике анализа слов в контексте гуманитарного знания // Проблемы лингвистической семантики: Сб. статей, посвящ. проф. Л. Я. Маловицкому. — Череповец, 2001. Вып. 2. С. 25–35.

104. Культурная среда и интерпретационные возможности слова // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор—текст—адресат. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2001. С. 5–13.

105. Лексическая экспликация внутри- и внетекстового адресата // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 26–28 февр. 2001 г.). — СПб.: Союз, 2001. С. 305–314.

106. Некоторые идеи лингвосинергетики и лексический анализ текста // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. — Соликамск, 2001. С. 180–188.

107. О роли общего и специального знания в лексическом структурировании текста // Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты: Материалы Всерос. научн. конф. — М.; Пенза, 2001. С. 253–254.

108. Лексическая интерпретация «ликов» автора в текстовом пространстве // Проблемы интерпретационной лингвистики. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2002. С. 83–92.

109. Пространство слова в прозе О. Мандельштама // Пространство и время в художественном произведении. — Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2002. Вып. II. С. 154–161.

110. Рефлексия над словом в прозе О. Мандельштама // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. С. 238–254.

111. Слово в контексте гуманитарного знания: Учебное пособие к спецкурсу. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.

112. Субъектный план лексической структуры // Слово. Семантика. Текст: Сборник научных трудов, посвященный юбилею проф. Веры Васильевны Степановой. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. С. 132–137.

113. К изучению концепта в курсе лексикологии // Мир человека и мир языка. — Кемерово, 2003. Вып. 2. С. 17–24.

114. Современный русский язык: Сборник заданий и упражнений: Пособие для студентов высш. уч. заведений по дисциплине «Современный русский язык» / Общ. ред. В. Д. Черняк. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 17–46 (раздел «Лексика»).

115. Фольклорные элементы в лексическом структурировании текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 90–101.

116. Элитарная языковая личность по данным лексической структуры текста: к истокам российской ментальности // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всерос. науч. конф. (29–30 октября 2003 г.). — Томск, 2003. С. 144–150.

117. Аномальные явления по данным неологических словарей // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию А. С. Шишкова): Материалы Всерос. науч. конф. (СПб., 10–12 ноября 2004 г.). — СПб.: САГА, 2004. С. 44–47.

118. Аспекты лингвистического исследования текста: Семантические основы исследования текста // Программы дисциплин подготовки магистра филологического образования: 540301М — Языковое образование / Под общ. ред. В. Д. Черняк. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 57–60.

119. Лики «собеседника» в прозе О. Мандельштама: лексическая интерпретация // Слово и предложение: лингвистические исследования по русскому языку: Сб. науч. ст. в честь юбилея проф. В. П. Проничева. — СПб.: Сага; Наука, 2004. С. 41–52.

120. Словарь «От Пушкина до наших дней» и проблемы современной лексикологии // Русский язык XIX века: Проблемы изучения и лексикографическое описание. — СПб.: Наука, 2004. С. 180–188.

121. Слово в социокультурном пространстве // Программы дисциплин подготовки магистра филологического образования: 540301М — Языковое образование / Под общ. ред. В. Д. Черняк. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 113–115.

122. Слово в этическом пространстве текста // Слово. Словарь. Словесность: Материалы науч. конф., посвящ. 80-летию проф. С. Г. Ильенко (С.-Петербург, 12–14 ноября 2003). — СПб.: САГА, 2004. С. 24–26.

123. Современный русский язык: Слово в курсе лексикологии. — СПб.: Нестор, 2004.

124. Этическое пространство текстового слова // Критика и семиотика. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. Вып. 7. С. 124–132.

125. Этическое пространство текстового слова // Textus: Этика и социология текста. — СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. Вып. 10. С. 166–170.

126. К изучению текстовых аспектов картины мира // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии: Сборник научных статей, посвященных профессору Валентине Даниловне Черняк. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 95–98.

127. Лексическая объективация аномалий (к вопросу о крайностях русской души) // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): Материалы Всерос. конф. (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004 г.). — СПб.: САГА, 2005. С. 44–46.

128. Мир образов и образ мира в лексической структуре текста // Критика и семиотика. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. Вып. 8. С. 79–90.

129. О некоторых лексических аспектах словарной грамматики // Функционально-лингвистические исследования 2005: Сб. науч. ст. в честь профессора Александра Владимировича Бондарко. — СПб.: Наука; САГА, 2005. С. 123–128.

130. От стиля к дискурсу // Стереотипность и творчество в тексте: Сб. тр. к 80-летию М. Н. Кожинной. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. С. 232–240.

131. Семиотические аспекты лексической структуры текста // Пушкинские чтения: Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи: Сб. науч. ст. — СПб.: САГА, 2005. С. 155–157.

132. Современный русский язык: Сборник заданий и упражнений: Учебное пособие для студентов высш. уч. заведений по дисциплине «Современный русский язык» / Общ. ред. В. Д. Черняк. 2-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 2005. С. 17–48 (раздел «Лексика»).

133. Аномальные явления в зеркале неологического словаря // Acta linguistica Petropolitana: Труды Ин-та лингвист. исследований. — СПб.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 3. С. 28–42.

134. О семантике имен прилагательных // Слово. Словарь. Словесность: Из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2006 г. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 143–146.

135. Синергетические мотивы в когнитивистике и лексической организации текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 23–28.

136. Современный русский язык: Слово в курсе лексикологии: Учебное пособие. — М.: Флинта; Наука, 2006.

137. Текстовый субъект в концептуализации мира: лексический аспект // Филологические этюды: Сб. науч. ст. памяти Ю. А. Пупынина. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. С. 132–145.

138. «Железнодорожный» дискурс в лексической структуре художественного прозаического текста (на материале повести В. Пелевина «Желтая стрела») // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2007. С. 13–23.

139. Информационное пространство текста и его элементов // Слово и предложение: Исследования по русскому языку и методике преподавания: Сб. науч. ст. в честь 70-летия профессора В. П. Проничева. — СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. С. 241–252.

140. Когнитивно-дискурсивная природа ситуации // Фразеологизм и слово в языке и речи. — Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2007. С. 118–130.

141. Лексические новации в пространстве дискурса // Актуальные проблемы неологии и неографии. — СПб.: Ин-т лингвист. исследований, 2007. С. 156–160.

142. Некоторые когнитивные аспекты лексической семантики // Русское слово и русский текст: история и современность: Сб. науч. статей: Посвящается члену-корреспонденту РАО, проф. Владимиру Алексеевичу Козыреву. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 32–41.

143. Ситуация как проявление близости высказывания и слова // Язык. Культура. Проблемы обучения: Сборник к юбилею Р. М. Теремовой. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 121–122.

144. Текст и аспекты его лексического анализа: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2007.

145. Текст и моделирование его лексической структуры // Русский язык в современной науке и образовании: Материалы науч.-практ. конф., 23 мая 2007 года. — СПб.: САГА, 2007. С. 64–67. (Герценовские чтения–2007).

146. Интерпретация текста и его лексическая структура // Комментарий и интерпретация текста. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2008. С. 226–238.

147. Коммуникативное пространство текста и модель ситуации: лексический аспект // Русский язык в действии: Материалы науч.-практ. конф. в рамках Года русского языка (1–2 февраля 2008 года). — Глазов: Глазов. гос. пед. ун-т, 2008.

148. Лексическое структурирование переводного текста // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: Материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2007 г. — СПб.: САГА, 2008. С. 176–181.

149. Современный русский язык: К изучению семантики имен прилагательных: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2008.

150. Текст и аспекты его лексического анализа: Учеб. пособие. 2-е изд. — М.: Флинта, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
<i>Козырев В. А., Черняк В. Д.</i> Надежда в словарях	4
I. Языковая картина мира	10
<i>Ефремов В. А.</i> Концептуальное пространство как фрагмент языковой картины мира	10
<i>Сергеева Е. В.</i> Языковая vs художественная картина мира: концепт «Время» (на материале поэзии Вячеслава Иванова)	14
<i>Чурилина Л. Н.</i> Концепт «Покаяние» как фрагмент современного православного дискурса	20
<i>Пиотровская Л. А.</i> Отражение эмоциональной сферы в наивной картине мира.....	25
<i>Бердникова Е. В.</i> Лексические лакуны и безэквивалентные единицы в национальной языковой картине мира.....	31
II. Принципы исследования текста. Типология текстов	38
<i>Ильенко С. Г.</i> «Барышня-крестьянка» — повесть «шутки ради» или еще один пушкинский поиск путей к новой прозе	38
<i>Болотнова Н. С.</i> О связи коммуникативной стилистики текста с функциональной лексикологией.....	45
<i>Трипольская Т. А.</i> Когнитивные аспекты изучения речевых жанров.....	50
<i>Смулаковская Р. Л.</i> Композиционно-языковые средства организации фрагментарных текстов (жанр заметки).....	57
<i>Шубина Н. Л.</i> Речевое поведение автора в современном научном тексте («от коллективного авторства» к индивидуализации стиля речи).....	63
<i>Прокофьева В. Ю.</i> Дом в поэзии «серебряного века»: гештальтная структура локуса	70
<i>Мартьянова И. А.</i> Композитив и строфоид.....	77
<i>Левина И. Н.</i> Формирование авторской модальности в чеховском тексте: фрейм и выбор ЛС-модели.....	82
<i>Сидоренко К. П.</i> Интертекстовая контаминация и интертекстовая лексикография («Горе от ума»).....	88
<i>Матханова И. П.</i> АиФоризмы как общереферентный тип текста	93
<i>Столярова И. В.</i> Филологическая рефлексия как основа внутри-текстового комментария	99
<i>Хохлов А. В.</i> Текстовые смыслы глаголов как отражение авторской интенции (на материале рассказов В. М. Шукшина)	104
<i>Проскуряков М. Р.</i> О некоторых стилевых чертах языка власти	109
<i>Томашевская К. В.</i> Речевая культура PR-специалиста и ее проявление в современных текстах	113
<i>Балахонская Л. В.</i> Проблемы номинации объектов рекламирования: коммуникативный и социокультурный аспекты.....	119
<i>Беспалова О. Е.</i> Особенности словоупотребления в стихотворениях начинающих поэтов	123

III. Слово в системе языка и в тексте	129
<i>Куликова И. С.</i> Судьба одной терминологической парадигмы. Очерк первый: <i>языкознание – языковедение – лингвистика</i>	129
<i>Салмина Д. В.</i> Судьба одной терминологической парадигмы. Очерк второй: Как нам себя называть: <i>лингвист, языковед, языковедец, язычник, глоттик, глоттолог?</i>	134
<i>Дымарский М. Я.</i> «Новая аппозиция»: обесценивание слова	138
<i>Котцова Е. Е.</i> Гипонимические связи глаголов в речи	144
<i>Смирнов И. Н.</i> Лексико-семантический способ выражения неконкретности действия в современном русском языке	150
<i>Приёмшьева М. Н.</i> Еще раз о бесконечной смысловой валентности языкового знака (к проблеме семантики жаргонного слова)	155
IV. Прикладные аспекты исследования слова и текста	160
<i>Цейтлин С. Н., Офицерова Е. А.</i> Освоение ребенком правил глагольного словоизменения	160
<i>Гагарина Н. В.</i> Синергетика и самоорганизация глагольных форм в детской речи	165
<i>Любичева Е. В.</i> От технологий к методике словесности.....	169
<i>Теремова Р. М.</i> Интерактивное поле учебника по русскому языку как иностранному: когнитивно-коммуникативный аспект	174
<i>Дунев А. И.</i> Орфографические ошибки в современной письменной речи: практика заблуждений.....	178
Диссертации, выполненные под руководством профессора Надежды Евгеньевны Сулименко	183
Список основных трудов профессора Надежды Евгеньевны Сулименко	186

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
ЛЕКСИКА
ТЕКСТ

*Сборник научных статей,
посвященных юбилею профессора*
НАДЕЖДЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ СУЛИМЕНКО

Бильд-редактор *Т. В. Соболева*

Подписано в печать 26.01.2009 г. Формат 60 × 84¹/₁₆. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем: 12,5 уч.-изд. л.;

12,5 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена. 191186, С.-Петербург,
наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48